ПРАВЛЕНІЕ

ЦАРЕВНЫ СОФІИ.

Соч. Щебальскаго.

МОСКВА

1856.

ПРАВЛЕНІЕ

ЦАРЕВНЫ СОФІИ.

ПРАВЛЕНІЕ

ЦАРЕВНЫ СОФІИ.

сочиненіе

П. Щебальскаго.

МОСКВА.
Въ типографіи т. т. волкова и ком.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 7-го Іюля 1856 года.

Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

ПРАВЛЕНІЕ
ЦАРЕВНЫ СОФІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Событія, послѣдовавшія за смертію царя Θеодора Алексѣевича, составляютъ одну изъ самыхъ кровавыхъ, и въ тоже время самыхъ интересныхъ страницъ нашей древней, до-петровской исторіи. Тутъ есть все, что привлекаетъ вниманіе любопытнаго наблюдателя минувшихъ временъ: драматическое движеніе, игра страстей, зародышъ нововведеній, борьба партій, первыя попытки обширныхъ политическихъ соображеній, отдаленные походы посреди безводныхъ, пылающихъ степей, полузакрытые отъ насъ таинственною завѣсой.... Царевна Софія, Голицынъ, великій министръ, и отрокъ Петръ, вотъ лица, стоящія на первомъ планѣ этой картины: ихъ однихъ довольно, чтобы приковать наше вниманіе; но позади этихъ ярко выдающихся фигуръ мы замѣчаемъ достойнаго и несчастнаго Матвеева, Милославскаго, интригующаго даже у дверей гроба, Хованскаго съ фантастическими его замыслами, и вдали буйную массу стрѣльцовъ съ одной стороны, съ другой—Лефорта, Шереметева, Меньшикова, ряды потѣшныхъ и флаги первыхъ судовъ русскихъ: это—панорама всей исторіи нашего отечества.

Дѣйствительно, независимо отъ собственнаго обширнаго интереса, эпоха, къ описанію которой приступаемъ, какъ грань между до-петровскою и новою Россіею, есть черта, гдѣ сходятся та и другая, и откуда легко и ясно обозрѣваемъ мы то, что лежить по-

зади ея и что передъ нею, то есть послѣдки старины и зачатки нововведеній.

Эпоха Петра помрачаетъ эпоху Софіи, но въ общемъ движеніи отечественной исторіи онѣ нераздѣльны, и взаимно объясняютъ одна другую. Какъ будемъ мы судить о дѣлахъ Петра, если сначала не опредѣлимъ со всевозможною отчетливостію того положенія, въ которомъ принялъ Россію этотъ великій человѣкъ, исходнаго пункта, изъ котораго двинулъ онъ ее далѣе? Стрѣлецкіе мятежи и правленіе Софіи суть вступительныя главы въ исторіи Петра.

Нигдѣ не было такого простора дѣйствію придворныхъ партій, какъ въ древней Россіи, и этому виною—одною изъ главнѣйшихъ по крайней мѣрѣ—былъ обычай царей вступать въ бракъ съ дочерьми своихъ подданныхъ. Человѣкъ, несущій на раменахъ своихъ судьбы цѣлаго народа, необходимо долженъ имѣть привычныхъ помощниковъ въ дѣлѣ правленія, людей, которые примѣнились бы къ его правительственнымъ пріемамъ и вдохновились его идеями; когда же онъ умираетъ, весьма часто вмѣстѣ съ нимъ удаляются и его сотрудники, и если не новыя идеи, то новыя примѣненія ихъ и новые люди вступаютъ на мѣста прежнихъ. Подобное измѣненіе личнаго состава правительства повсюду болѣе или менѣе значительно; когда же государя окружаютъ люди, не только довѣренностію или милостію его взысканные, но его родственники, какъ въ древней Россіи, и когда вслѣдъ за новымъ царемъ вторгается на ступени престола готовый уже штатъ временщиковъ, родственниковъ новаго царя, то происходитъ весьма часто потрясеніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

Въ этомъ отношеніи особенно несчастливо было то, что оба царя, правившіе Россіею во второй половинѣ XVII столѣтія, вступали два раза въ супружество, то есть имѣли вокругъ себя двойное число родственниковъ, двойное число претендентовъ на милость, на почести, на богатство.

Царь Алексѣй, какъ извѣстно, имѣлъ первою супругою Марью Ильинишну Милославскую. По счастію, объ этомъ бракѣ сохранилось нѣсколько любопытныхъ подробностей, которыя даютъ понятіе о проискахъ, сопровождавшихъ избраніе царскихъ невѣстъ. Когда молодой царь объявилъ о своемъ желаніи вступить въ супружество, по старинному обычаю потребованы были ко Двору

дочери знатныхъ и незнатныхъ дворянъ русскихъ. Изъ большаго числа созванныхъ дѣвицъ выборъ царя остановился на дочери Рафа Всеволожскаго. Всеволожскій былъ небогатъ, незнатенъ, не имѣлъ связей и слѣдовательно выборъ царя не нравился ни одному изъ сильныхъ людей, окружавшихъ престолъ. Всѣхъ могущественнѣе тогда при Дворѣ былъ бояринъ Морозовъ; для него бракъ царя былъ особенно важнымъ дѣломъ, ибо могъ или упрочить за нимъ или передать въ другія руки его могущество. У него была въ виду иная невѣста для государя, дѣвица замѣчательной красоты (1), хотя нѣсколько старѣе царя, и главное — принадлежавшая къ преданнойему фамиліи Милославскихъ. Но для этого надобно было уничтожить сдѣланный уже выборъ. Отважный временщикъ не отступилъ передъ этою трудностію; онъ подкупилъ царскаго волосочеса, который убирая къ вѣнцу несчастную дѣвушку, затянулъ ей волосы такъ туго, что она упала въ обморокъ. Обморокъ этотъ представили какъ припадокъ падучей болѣзни, и дочь Всеволожскаго была отправлена вмѣстѣ съ отцомъ своимъ съ порога царслихъ чертоговъ въ ссылку (2).

Послѣ этого уже не много труда стоило Морозову склонить царя къ браку съ Милославскою. Черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы царской праздновалась свадьба и самого фаворита съ сестрою новой царицы.

Такимъ образомъ могущество Морозова казалось надолго упроченнымъ; по крайней мѣрѣ для этого были приняты всѣ позволительныя и непозволительныя мѣры. Тѣмъ не менѣе онъ палъ. Мѣсто его занялъ другой родственникъ царицы, Иванъ Михайловичъ Милославскій. Человѣкъ этотъ игралъ одну изъ значительнѣйшихъ ролей въ эпоху, къ которой мы приближаемся; незнатный по своему происхожденію, онъ умѣлъ вкрасться въ довѣренность къ Морозову во время его могущества, былъ преданнымъ ему человѣкомъ и много работалъ за него. Бракъ же государя съ его родственницею возвысилъ его до той степени, на которой уже не страшны удары временщиковъ. Милославскій, прочно утвердившись при Дворѣ, не страшился болѣе гнѣва, какъ и не искалъ покровительства Морозова, и когда тотъ палъ, онъ заступилъ его мѣсто.

(1) Судя по портрету въ путешествіи Мейерберга.

(2) Объ этомъ путешествіи есть нѣсколько отечественныхъ и иностранныхъ извѣстій.

Достигши высокой степени значенія при Дворѣ и могущества, Милославскій могъ надѣяться долго на ней удержаться, потому что Марья Ильинишна даровала царю многихъ царевнъ и царевичей. Но въ 1669 году Марья Ильинишна скончалась; царь, еще въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, могъ пожелать вступить во вторичный бракъ, и положеніе Милославскаго, мало любимаго и уважаемаго царедворцами, сдѣлалось нѣсколько шаткимъ.

Оно сдѣлалось еще болѣе сомнительнымъ, когда сталъ быстро возвышаться въ милости царской Артамонъ Сергѣевичъ Матвеевъ, Замѣчательный этотъ человѣкъ происходилъ, подобно Милославскому, изъ незнатной фамиліи, но возвысился не придворными происками, не угодливостію любимцамъ, а личными своими доблестями. Онъ началъ съ военнаго ремесла; являлся исправно на службу, бился бодро, не выпрашивалъ наградъ и повышеній, и пріобрѣлъ къ себѣ уваженіе войска. Царь замѣтилъ его, угадалъ въ немъ способности гражданскія, вызвалъ въ Москву и послѣ смерти знаменитаго Ордына-Нащокина, поручилъ ему Посольскій Приказъ. Съ этой поры милость къ нему царя ежедневно возрастала и наконецъ обратилась въ сердечную дружбу. И Матвеевъ вполнѣ оправдывалъ ее, потому что кромѣ безпредѣльной преданности особѣ государя, онъ былъ человѣкъ строгой честности гражданской и высокой христіанской добродѣтели; вся Москва раздѣляла въ отношеніи къ нему чувства царя (3). Кромѣ того онъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка въ Россіи; не имѣя близкихъ связей съ знатными боярами, онъ проводилъ свободное время въ занятіяхъ кабинетныхъ, либо въ бесѣдахъ съ иностранцами. Онъ образовалъ изъ своихъ дворовыхъ людей оркестръ и труппу актеровъ, и царь самъ часто присутствовалъ на концертахъ и драматическихъ представленіяхъ, которые давались въ его домѣ.

Послѣ смерти Маріи Ильинишны государь сталъ особенно часто

---

(3) Въ «Исторіи о невинномъ заключеніи А. С. Матвеева» есть разказъ всѣми повторяемый, о случаѣ, который, если онъ вполнѣ справедливъ, краснорѣчиво говоритъ о любви народной къ Матвееву: когда, по настоятельному желанію царя, онъ приступилъ къ постройкѣ хоромъ, сообразныхъ съ его званіемъ, оказался въ Москвѣ недостатокъ въ строительномъ матеріалѣ; народъ и стрѣльцы, узнавши объ этомъ, *разобрали могилы своихъ предковъ* и ударили ими челомъ почтенному боярину.

посѣщать Матвеева; просиживалъ у него многіе часы и запросто раздѣлялъ съ нимъ трапезу. Извѣстно, что женщины въ тѣ времена не участвовали въ пріемѣ гостей, но къ столу собиралось все семейство и весьма часто вся дворня. Ужиная однажды у своего любимца (4), царь увидѣлъ дѣвушку, которая поразила его скромностью своею и красотою; она была высока ростомъ, стройна, и большіе темные глаза ея, спушенные длинными рѣсницами, дышали душевною добротою (5). Это была Наталія Кириловна Нарышкина. Царь сочетался съ нею бракомъ въ 1671 году, и положеніе лицъ и партій при Дворѣ мгновенно измѣнилось; Милославскіе принуждены были уступить мѣсто у престола Нарышкинымъ; братья молодой царицы были взяты въ комнату, возведены въ чинъ окольничихъ, во ожиданіи новыхъ предлоговъ къ повышеніямъ; отецъ ея, Кириллъ Полуектовичъ, въ короткое время былъ сдѣланъ бояриномъ, главнымъ судьею въ Приказѣ Большаго Дворца и получилъ отъ щедротъ царскихъ 9000 душъ (6); Матвеевъ же произведенъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, изъ думныхъ дворянъ въ бояре, а сынъ его Андрей (7), еще отрокомъ, взятъ въ комнату. Съ небольшимъ черезъ девять мѣсяцевъ послѣ этого брака царица разрѣшилась сыномъ, который былъ нареченъ Петромъ.

О рожденіи и по случаю рожденія этого младенца, которому суждено было наполнить свое время славою своихъ дѣлъ, существуетъ множество любопытныхъ преданій; современное образованіе отвергаетъ многія изъ нихъ; можетъ быть, и даже очень вѣроятно, большая ихъ часть была придумана въ послѣдствіи воображеніемъ народнымъ, которое поражено было величіемъ Петра, или угодливостію малопросвѣщенныхъ историковъ, но многаго невозможно отвергать совершенно. Что гороскопы новорожденнаго младенца были дѣланы, это весьма сходно съ обычаями того вѣка и всеобщею тогда вѣрою въ астрологію; что гороскопы эти предсказывали будущее величіе Петра, весьма согласно съ обычаями придворныхъ астрологовъ и сверхъ того подтверждается несомнѣн-

(4) Опытъ обозр. жизни сановн., Терещенко.

(5) Collins (The present state of Russia) говоритъ о красотѣ царицы, въ чемъ также свидѣтельствуетъ ея портретъ въ Эрмитажѣ.

(6) Исторія Петра Великаго, Бергмана.

(7) Отъ него остались записки, которыя были намъ часто полезны въ предлагаемомъ трудѣ.

ными доказательствами (8); наконецъ не подлежитъ сомнѣнію, что раннія, необыкновенныя способности Петра, его цвѣтущее здоровье и бодрый, пылкій его нравъ, съ младенчества обратили на него вниманіе народа и привязали къ нему сердца современниковъ. Это предпочтеніе и эта всеобщая къ нему симпатія должны были еще увеличиться чрезъ сравненіе его съ братьями, рожденными отъ покойной царицы. Царевичъ Ѳеодоръ былъ юноша разумный и украшенный многими добродѣтелями, но болѣзненный и недолговѣчный; царевичъ же Іоаннъ, кромѣ слабости физической, былъ *скорбенъ главою*, какъ выражались въ то время, и не представлялъ довольно тѣхъ качествъ, которыхъ въ правѣ желать народъ отъ своего правителя.

Немудрено, что царь, задумываясь иногда о будущей судьбѣ Россіи, желалъ изъ троихъ сыновей своихъ видѣть Петра на престолѣ. Съ другой стороны онъ понималъ, что нарушать порядокъ престолонаслѣдія, основу спокойствія монархіи,—не должно безъ особенно важныхъ причинъ, да и свойства Ѳеодора представляли всѣ условія и вѣроятности мудраго правленія, не обезпечивая только его долговѣчія. Итакъ, когда смерть застигла Алексѣя Михайловича, по праву первородства вступилъ на престолъ Ѳеодоръ. Это опять дало новый поворотъ колесу придворной фортуны: тѣ, которые были внизу, поднялись; которые были на верху, опустились. Милославскій, родственникъ молодаго царя, занялъ съ своими друзьями первое мѣсто у престола. Бояринъ этотъ, злой и мстительный, считавшій Матвеева своимъ врагомъ, направилъ теперь противъ него огромную интригу, въ которой приняли участіе всѣ не желавшіе видѣть Петра на престолѣ; Матвеевъ былъ обвиненъ въ чернокнижіи, и даже въ покушеніи на царскую жизнь, и сосланъ въ Пустозерскій острогъ (9).

Милославскій сдѣлался всесильнымъ; его лѣта, опытность, изворотливый умъ и родство съ царемъ давали ему неоспоримое превосходство надъ прочими приближенными молодаго царя, людьми

(8) Переписка иностранцевъ современниковъ Гревіуса и Гейнзіуса, въ которой объ этихъ предсказаніяхъ упоминается.

(9) Епископъ Залусскій, въ Epistolae historico-familiares обвиняетъ его въ умыслѣ овладѣть престоломъ въ пользу Петра; обвиненіе это ни чѣмъ не подтверждается, но весьма можетъ быть, что оно было одною изъ главныхъ причинъ опалы Матвеева.

по большей части довольно посредственными, каковы были Хитрово, Волынскій (10) и мн. др. Одинъ только изъ сотрудниковъ царя въ послѣдніе годы началъ становиться опаснымъ Милославскому: это былъ Иванъ Максимовичъ Языковъ. Подобно другимъ временщикамъ того вѣка, онъ вышелъ изъ рядовъ мелкаго дворянства, но при покровительствѣ дядьки государева, боярина Хитрово, въ короткое время возвысился до сана боярскаго, сдѣлался любимѣйшимъ совѣтникомъ царя, и далеко обогналъ бывшаго своего покровителя, которому, говоритъ одинъ изъ старинныхъ писателей, «онъ жестокую бразду или удила въ зубы положилъ» (11).

Однакожь положеніе всѣхъ этихъ любимцевъ было сомнительно по причинѣ слабости здоровья государева. Надежда польстила было имъ, когда царица даровала престолу наслѣдника, но черезъ нѣсколько дней и младенецъ, и мать скончались. Θеодоръ, не надѣясь болѣе имѣть дѣтей, не надѣясь и самъ прожить долго, началъ помышлять о назначеніи себѣ преемника. Братъ его Іоаннъ хотя и приближался къ совершеннолѣтію, но по прежнему оставался слабъ тѣломъ и духомъ, способности же и бодрый духъ Петра развивались съ каждымъ днемъ. Наставникъ его, Зотовъ, умѣлъ дать полезное направленіе порывамъ его пылкой природы; въ народѣ ходили тысячи разказовъ объ его раннихъ способностяхъ и о нѣжной привязанности къ нему вдовствующей царицы, которая въ немъ одномъ находила отраду посреди мало расположеннаго къ ней двора. Θеодоръ видѣлъ все это и рѣшился назначить Петра своимъ наслѣдникомъ. Онъ открылся въ этомъ Языкову: «Братъ мой Петръ, говорилъ онъ, здравъ и одѣленъ отъ Бога всѣми достоинствами и достоинъ наслѣдія державнаго престола россійскаго. Родитель мой еще имѣлъ намѣреніе его нарѣчь преемникомъ, но ради юныхъ его лѣтъ назначилъ меня. По волѣ его сдѣлаю и я!» (12).

(10) О послѣднемъ вотъ что говорится въ «Исторіи о невинномъ заключеніи А. С. Матвеева»: «который управленіе оныхъ государственныхъ и политическихъ дѣлъ такъ остро зналъ, какъ медвѣдь на гусляхъ играть.»

(11) Исторія о невинномъ заключеніи боярина А. С. Матвеева.

(12) Крекшинъ, въ Запискахъ Русск. люд., изд. Сахаровымъ, и многіе другіе русскіе писатели. Въ «Письмѣ англійскаго дворянина, имѣвшаго обхожденіе съ россійскими послами» (Собр. разн. записокъ Туманскаго), объ этомъ упоминается не только какъ о намѣреніи, но какъ о фактѣ совершившемся.

Намъ нѣтъ нужды знать, былъ ли Языковъ злѣйшимъ врагомъ вдовствующей царицы, какъ говорятъ нѣкорые современники, или онъ доброжелательствовалъ ей болѣе другихъ придворныхъ, какъ полагаютъ иные. Языковъ былъ честолюбивъ, и потому уже ему трудно было согласиться добровольно уступить свою власть родственникамъ вдовствующей царицы. Естественно поэтому, что онъ старался отклонить царя отъ его намѣренія. Онъ говорилъ о бѣдствіяхъ, постигающихъ государство при малолѣтнихъ правителяхъ, умолялъ не нарушать порядка престолонаслѣдія, и совѣтовалъ лучше самому Ѳеодору вступить во вторичный бракъ. Царь согласился, и въ 1682 году сочетался съ дѣвицею Марѳою Матвеевною Апраксиною. Но бракъ этотъ не обѣщалъ престолу прямыхъ наслѣдниковъ; здоровье Ѳеодора Алексѣевича съ каждымъ днемъ становилось хуже, и наконецъ онъ слегъ, чтобъ болѣе не вставать.

Можно вообразить себѣ, сколько интригъ кипѣло вокругъ одра умирающаго царя. Языковъ и прочіе любимцы Ѳеодора, не имѣвшіе прочныхъ связей при Дворѣ, а слѣдовательно и видовъ на будущее, скоро исчезли посреди столкновенія враждебныхъ интересовъ Милославскихъ и Нарышкиныхъ, которые одни заняли арену. На борьбу этихъ двухъ партій было обращено всеобщее вниманіе; будущность должна была рѣшиться между ними: отъ нихъ зависѣло, Петру ли царствовать, или Іоанну? Милославскіе выставляли право первенства Іоанна Алексѣевича, Нарышкины опирались на намѣреніе, приписываемое обоимъ царямъ, назначить себѣ наслѣдникомъ Петра. Множество бояръ и другихъ знатныхъ людей поспѣшили изъ своихъ помѣстій въ Москву и становились подъ знамена той или другой партіи. Нарышкины успѣли заинтересовать въ свою пользу царицу, которая выпросила у супруга своего облегченіе участи Матвеева: онъ переведенъ былъ изъ дальней своей ссылки въ городъ Лухъ (13) и получилъ небольшую вотчину въ вознагражденіе за долгую опалу. Это былъ важный успѣхъ со стороны Нарышкиныхъ: Матвеевъ былъ первый человѣкъ ихъ партіи, и въ рѣшительную минуту для нихъ выгодно было имѣть его по близости отъ Москвы. Милославскіе съ безпокойствомъ увидѣли этотъ успѣхъ своихъ противниковъ и поспѣ-

---

(13) Костромской губерніи.

шили противопоставить вліянію царицы Маркы Матвеевны вліяніе царевны Софіи Алексѣевны.

Здѣть мы пріостановимся въ разказѣ нашемъ, чтобы ближе ознакомиться съ этимъ новымъ и главнѣйшимъ лицемъ вновь завязывавшейся драмы. Въ высочайшей степени было бы любопытно прослѣдить психологически развитіе этого сильнаго и необыкновенно-самобытнаго характера. Въ настоящее время не легко постигнуть всю необычайность явленія въ Россіи политической женщины. Въ самомъ дѣлѣ теперь женщинамъ открыты многія поприща: художество, литература, наука, даже политика, цѣлый вѣкъ могущества женщинъ во Франціи, и нѣсколько разъ возобновлявшіяся женскія царствованія, громкія и славныя, пріучили насъ видѣть женщинъ въ высокихъ политическихъ роляхъ, а какъ скоро извѣстность и слава стали доступны имъ, честолюбіе сдѣлалось въ нихъ довольно естественнымъ чувствомъ. Но въ XVII вѣкѣ русскимъ женщинамъ едва ли было возможно мечтать о власти даже въ домашнемъ, хозяйственномъ быту; дочерямъ же и супругамъ царей еще можетъ быть менѣе чѣмъ въ частной сферѣ. Сочетаться бракомъ съ иностранными принцами не позволяли нашимъ царевнамъ господствовавшіе тогда понятія и нравы; выходить же замужъ за простыхъ гражданъ—считалось ниже ихъ достоинства. Поэтому онѣ обрекались безрадостному и безполезному одиночеству; жизнь ихъ должна была протекать въ тихомъ уединеніи; однообразною нитью проходили ихъ грустные дни, посвященные вышиванью шелками и золотомъ, или ничтожнымъ сплетнямъ съ боярынями и сѣнными дѣвушками. Онѣ раждались, жили и умирали, не вѣдая ничего, что̀ вокругъ нихъ совершалось, и сами никому неизвѣстныя. Даже въ церковь ходили онѣ, говоритъ современный иностранецъ Мейербергъ, по особой галлереѣ; прогуливаться ѣздили въ плотно-закрытыхъ экипажахъ, окруженныя всегда штатомъ придворныхъ дамъ и дѣвицъ, недоступныя даже взору мужчины, такъ что, прибавляетъ тотъ же путешественникъ, изъ множества придворныхъ сановниковъ, безпрестанно наполнявшихъ дворецъ, весьма не многимъ случалось во всю свою жизнь мелькомъ увидѣть дочь или супругу царя. Стольники, состоявшіе при нихъ (14), были

(14) Кошихинъ, о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, стр.. 25

отчисляемы въ другую службу съ наступленіемъ извѣстнаго возраста. Самъ царь, вслѣдствіе полувосточныхъ нравовъ старинной Россіи, рѣдко позволялъ себѣ раздѣлять трапезу съ супругою своею, съ дочерьми же почти никогда того не случалось. Какимъ же образомъ, при такомъ строгомъ отчужденіи отъ всякаго внѣшняго вліянія, могла царевна Софія войдти въ сношенія съ политическою партіею? Какъ вообще могли въ душѣ ея родиться властолюбивые помыслы? Откуда могла взяться въ ней жажда дѣятельности? Къ сожалѣнію мы имѣемъ весьма мало данныхъ для разрѣшенія этого любопытнаго вопроса и принуждены здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, ограничиться соображеніями и догадками.

При царѣ Алексѣѣ было нѣсколько людей въ Москвѣ, которые начинали чувствовать какую-то смутную потребность развитія нѣсколько болѣе широкаго, чѣмъ старинно-русское; которые инстинктивно, скорѣе чѣмъ по сознанію, сочувствовали глухо достигавшимъ до нихъ отраженіямъ западныхъ идей. Замѣчательнѣйшимъ изъ такихъ людей былъ Матвеевъ, поставленный своимъ положеніемъ, какъ начальникъ Посольскаго Приказа, въ довольно частыя сношенія съ иностранцами. Доказательствомъ его хоть нѣсколько европейскаго развитія служитъ то, что онъ первый въ Россіи завелъ драматическія представленія и оркестръ музыки. Разумѣется и въ сочиненіи и въ исполненіи этихъ піесъ было весьма мало художественнаго; но подобныя занятія по крайней мѣрѣ отнимали время у бражничества, и уже въ этомъ одномъ отношеніи приносили свою пользу. Самъ царь, какъ было уже сказано, любилъ эти забавы, эти западныя ухищренія и, не сознавая безъ сомнѣнія того самъ, поддавался вліянію проникавшаго въ Россію просвѣщенія.

Въ тоже время былъ другой человѣкъ, едва ли не болѣе еще Матвеева содѣйствовавшій успѣхамъ начинавшагося движенія при московскомъ Дворѣ. Это былъ извѣстный Симеонъ Полоцкій. Уроженецъ нынѣшнихъ западныхъ губерній нашихъ, онъ получилъ воспитаніе нѣсколько отличное отъ того, которое обыкновенно получали русскіе духовные; его обвиняли въ привязанности къ латинской церкви; но каковы бы ни были религіозныя его убѣжденія, онъ принесъ съ собою ко Двору московскому любовь къ литературѣ и ученію. Астрологъ, духовный писатель,

поэтъ и ораторъ, Полоцкій есть весьма замѣчательное лице при дворѣ Алексѣя Михайловича. Царь любилъ его, поддерживалъ противъ непріязни къ нему другихъ духовныхъ; онъ приблизилъ его къ своей особѣ и допустилъ до короткости, какою не пользовались весьма многіе несравненно высшіе его именемъ и званіемъ. Будучи, такъ сказать, домашнимъ человѣкомъ во дворцѣ, онъ имѣлъ случай видѣть и короче ознакомиться съ царевной Софіей. Пылкій духъ и своеобразный умъ этой царевны должны были съ трудомъ умѣщаться въ тѣсныхъ предѣлахъ теремной жизни. Симеонъ Полоцкій могъ открыть, и дѣйствительно открылъ передъ нею обширный міръ мысли, и царевна съ жаромъ, свойственнымъ пылкой ея природѣ, предалась чтенію, ученію, поэзіи. Ея наставникъ читалъ ей свои произведенія и даже ставилъ нѣкоторыя изъ нихъ на сцену въ собственныхъ ея комнатахъ. Онъ представилъ ей нѣкоторыхъ другихъ людей, занимавшихся тогда въ Москвѣ ученіемъ и литературою, каковъ былъ напримѣръ Медвѣдевъ (15), оставившій намъ любопытныя записки о первыхъ мѣсяцахъ послѣ кончины Θеодора. Полагаютъ, что царевна и сама сочиняла стихи: достовѣрно по крайней мѣрѣ, что первые шаги ея внѣ стези обыкновенныхъ женщинъ того времени, имѣли литературное направленіе; казалось, она должна была стать Меценатомъ рождавшагося въ Россіи просвѣщенія...

Между тѣмъ и образъ жизни царевны естественно долженъ былъ измѣниться съ измѣненіемъ ея привычекъ и занятій. Она позволила себѣ во многомъ преступать строгость теремныхъ законовъ и принимала въ своихъ покояхъ мужчинъ, которыхъ общество ей было пріятно. Милославскій, родной ея дядя, безъ сомнѣнія былъ одинъ изъ людей, имѣвшихъ къ ней доступъ. Вслѣдъ за нимъ, и вѣроятно нѣкоторыми другими, былъ ею принимаемъ и князь В. Голицынъ въ минуты, которыя дѣятельная его служба на украинской границѣ позволяла ему проводить въ Москвѣ. Рѣчи этихъ людей, посвятившихъ всю свою жизнь политической дѣятельности, должны были произвести большое впечатлѣніе на умъ царевны, по природѣ своей болѣе практическій и положительный, чѣмъ созерцательный. Чисто кабинетнымъ занятіямъ притомъ не благопріятствовалъ духъ времени и обще-

---

(15) Чт. Имп. Общ. Ист. и Древн. 1846 г. № 4, стр. 7.

ства, отнюдь не направленный къ умственнымъ интересамъ; въ дѣятельности же политической, въ управленіи массами, въ идеи власти есть какая-то неотразимая прелесть, столь осязательная, если можно такъ выразиться, что ни въ какую эпоху человѣкъ не оставался ей чуждъ. И теперь много ли есть безкорыстно высокихъ душъ, для которыхъ тихое наслажденіе, даруемое наукою, не покажется блѣднымъ, безжизненнымъ въ сравненіи съ упоеніемъ одержанной побѣды, съ торжествомъ удавшагося замысла? Многіе ли не промѣняютъ сочувствіе нѣсколькихъ избранныхъ умовъ на рукоплесканія цѣлаго народа, на повиновеніе милліоновъ? Царевна отдалась обаятельной прелести честолюбія. Эта новая, или доселѣ таившаяся безвѣстно въ глубинѣ ея души страсть вспыхнула,—и среди жгучихъ ощущеній надежды, страха, заботъ, среди сильнѣе и сильнѣе запутывавшихся отношеній, забыты, навсегда забыты были мирныя наслажденія, открытыя ей Полоцкимъ!...

И выборъ лицъ, окружавшихъ царевну, и давнишнее нерасположеніе ея къ Наталіи Кириловнѣ, и кровная связь съ Іоанномъ, и наконецъ увѣренность во имя его управлять государствомъ, а съ другой стороны невозможность одолѣть Матвеева и вдовствующую царицу съ ея родственниками въ умѣ Петра, все это рѣшило ея политическую роль.

Въ первый разъ является она на сценѣ политической у постели умирающаго царя, и является здѣсь такою, какою осталась всю жизнь: вкрадчивою, неотразимою для тѣхъ, кѣмъ она хотѣла овладѣть. Скоро успѣла она почти совершенно отдалить царицу отъ ея супруга, который естественно находилъ болѣе отрады въ разумныхъ попеченіяхъ своей сестры, нежели въ безполезныхъ рыданіяхъ царицы. Что говорила Софія Θеодору Алексѣевичу, склонясь надъ его изголовьемъ,—осталось тайною для исторіи. Смерть поспѣшила пресѣчь дѣло царевны: она не успѣла склонить царя къ назначенію себѣ преемникомъ старшаго изъ двухъ братьевъ, но и Петръ не былъ признанъ наслѣдникомъ. Это былъ уже важный успѣхъ: рѣшеніе великаго вопроса отсрочивалось,— а выиграть время для царевны значило увеличить вѣроятность побѣды; отнынѣ вопросъ о престолонаслѣдіи могъ разрѣшиться не иначе какъ борьбою двухъ партій.

Вникнемъ внимательнѣе въ составъ каждой изъ нихъ. Приверженцы Петра считали въ рядахъ своихъ лучшія имена тогдашней

аристократіи, каковы были Одоевскіе, Голицыны, Долгорукіе, Черкасскіе, Троекуровы, Ромодановскіе, Куракины, Лыковы, Урусовы, Репнины, Шереметевы и многіе другіе. Въ старой Россіи, гдѣ такъ строго соблюдались разграниченія, гдѣ простолюдины кланялись до земли всякому боярину (16), много значило имѣть на своей сторонѣ бо́льшую часть родовой и служебной аристократіи; духовенство, и въ главѣ его патріархъ, было также расположено къ Петру, сыну щедрой къ церквамъ, набожной Наталіи Кириловны; къ нему же наконецъ, какъ уже сказано, было обращено и народное сочувствіе. Но многіе изъ приверженцовъ Петра и его матери не любили Нарышкиныхъ, и отъ этого партія эта не имѣла цѣлости; народъ, напримѣръ, преданный молодому царевичу и царицѣ, не любилъ ихъ родню, непривѣтливую и надменную; то же самое должны были чувствовать весьма многіе вельможи, которые не безъ основанія считали себя выше Нарышкиныхъ какъ по происхожденію, такъ и по заслугамъ и живо сохранившимся еще расчетамъ мѣстничества. Наконецъ главнымъ несчастіемъ партіи было то, что она не имѣла руководителя. Петръ былъ еще почти младенецъ, дѣдъ же и дядья его, какъ люди слишкомъ посредственные, не могли стать во главѣ партіи, особенно при трудныхъ обстоятельствахъ того времени. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, надежды партіи обратились на Артамона Сергѣевича Матвеева, котораго и по опытности его въ дѣлахъ, и по любви къ нему народной, и по близкимъ отношеніямъ къ Наталіи Кириловнѣ всѣ признавали единственнымъ человѣкомъ, способнымъ управлять интересами и силами приверженцевъ Петра. По этому, какъ сказано, важнымъ дѣломъ для этой партіи было перемѣщеніе Матвеева въ Лухъ, откуда онъ могъ при первой надобности явиться въ Москву,

Совсѣмъ другое зрѣлище представляла противная партія. Въ ней насчитывалось мало именъ: сама царевна Софія, Иванъ Милославскій, племянникъ его Александръ, да двое другихъ его родственниковъ, Толстыхъ, — и только. Но эта партія имѣла на своей сторонѣ то важное преимущество, что она была сильно связана единствомъ цѣли и воли. Притомъ она опиралась на вооруженную и организованную массу стрѣльцовъ. Чтобъ хорошенько

(16) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, царствованія Θеодора Алексѣевича, т. I.

уразумѣть, какимъ образомъ София и Милославскій могли привить свои интересы стрѣльцамъ, необходимо нѣсколько объяснительныхъ словъ.

Стрѣлецкое войско, учрежденное Іоанномъ IV, много потеряло своей прежней значительности. Самая организація этого войска заключала въ себѣ причины будущаго его упадка. Это была первая рать, нѣсколько регулярная и существовавшая на иждивеніи государства. Стрѣльцы получали жалованье; но такъ какъ тогдашняя Россія была слишкомъ бѣдна монетою, то жалованья этого было имъ недостаточно для содержанія въ постоянной исправности своего оружія и для продовольствія себя съ семействами. Поэтому имъ разрѣшено было заниматься земледѣліемъ и торговлею, въ которой даже пользовались они многими льготами. На такомъ основаніи жили стрѣльцы отдѣльными слободами въ Москвѣ, въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ и по границамъ, въ крѣпостяхъ и острогахъ. Можно вообразить себѣ, что этимъ осѣдлымъ и осемьянившимся людямъ не было большой охоты выступать по призыву царскому въ походъ; война была для нихъ уже не ремесломъ, а помѣхою въ главныхъ ихъ занятіяхъ. Поэтому-то они приносили съ собою въ рать лишь печаль объ отставленныхъ ими семействахъ и равнодушіе къ славѣ оружія, а въ дома свои, въ гражданскую сферу, буйныя привычки лагерной жизни.

По всѣмъ этимъ причинамъ мнѣніе общественное не было въ пользу стрѣльцовъ; никто изъ людей нѣсколько значительныхъ не шелъ даже въ начальники стрѣлецкіе (17); самыхъ полковниковъ надобно было назначать туда силою, либо брать ихъ безъ всякаго разбора. Такъ дѣйствительно и было: командиры стрѣлецкихъ полковъ были люди далеко не строгой честности, и поступали на эти мѣста съ своекорыстными видами. Они заставляли своихъ подчиненныхъ работать у себя на огородахъ, на подворьяхъ (18), позволяли имъ за деньги откупаться отъ службы, жестоко наказывали ихъ и даже заставляли на свой счетъ чинить и строить лафеты артиллерійскихъ орудій, барабаны и т. п. (19).

(17) Челобитная Акинфія Данилова и Никиты Глѣбова, сообщенныя во многихъ сочиненіяхъ, о непоставленіи имъ и ихъ родственникамъ въ укоръ и поношеніе ихъ полковничьей въ стрѣлецкомъ войскѣ службы.

(18) Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 254.

(19) Тамъ же. № 255.

Если такія злоупотребленія совершались въ полкахъ московскихъ, то что же должно было происходить на украинской, на сибирской, на шведской границахъ! И это были злоупотребленія не случайныя или мѣстныя, но всеобщія и давно укоренившіяся (20). Слѣдовательно, вполнѣ признавая, что между стрѣльцами царствовалъ духъ буйства и своеволія, что военныя доблести ихъ были невелики, нельзя не согласиться, что они съ своей стороны имѣли причины жаловаться на своихъ начальниковъ.

Приказомъ Стрѣлецкимъ управляли въ послѣднее время князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и бояринъ Языковъ. Первый изъ нихъ, заслуженный воинъ, былъ уже слишкомъ старъ, чтобъ дѣятельно участвовать въ управленіи обширнымъ своимъ вѣдомствомъ: Языковъ же былъ слишкомъ занятъ сохраненіемъ власти своей при дворѣ, чтобъ имѣть время заниматься всѣми обязанностями, возложенными на него довѣренностію царя. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Өеодора была подана челобитная отъ стрѣльцовъ полка Пыжова на притѣсненія этого полковника. Государь передалъ челобитную по принадлежности Языкову, а Языковъ, не думая долго, велѣлъ жестоко наказать челобитчиковъ, и тѣмъ кончилось дѣло (21). Разумѣется, такое рѣшеніе не могло удовлетворить стрѣльцовъ; начальниковъ же ихъ только поощрило къ злоупотребленіямъ. За нѣсколько дней до смерти Өеодора Алексѣевича была подана новая жалоба отъ имени всего полка на полковника Семена Грибоѣдова. Это упорство стрѣльцовъ изумило и обезпокоило Языкова; но царь былъ тогда при смерти, и какъ на очереди стояли вопросы гораздо бо́льшей важности, то любимцу не достало времени заняться разборомъ челобитной. Онъ велѣлъ посадить въ тюрьму Грибоѣдова на одинъ день и поспѣшилъ къ одру умирающаго царя.

Такой судъ, безъ всякаго разбирательства, приговоръ на *скорую руку* раздражалъ стрѣльцовъ, и неудовольствіе ихъ готово было обнаружиться какимъ нибудь энергическимъ образомъ не только противъ своихъ полковниковъ, но противъ самаго правительства.

Партія царевны поспѣшила воспользоваться этимъ состояніемъ умовъ стрѣлецкаго войска. Первоначальныя сношенія между этою

(20) Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 254.
(21) Записки Медведева, изд. Сахаровымъ.

партіею и недовольными были открыты посредствомъ Александра Милославскаго и Толстыхъ Ивана и Петра. Они обратились къ полковникамъ Цыклеру и Озерову, людямъ, пользовавшимся вліяніемъ между стрѣльцами. Склонить ихъ на свою сторону было не трудно: люди небогатые, незнатные, но честолюбивые, они легко могли податься на приманку повышеній, корысти, извѣстности; на обѣщанія же въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно не скупятся. Цыклеръ и Озеровъ охотно приняли сторону царевны и обѣщали употребить все свое вліяніе, чтобъ расположить и все войско въ ея пользу.

Таковъ былъ видъ, который представляли Дворъ и Москва вообще, когда 27-го апрѣля печальный звонъ большаго колокола возвѣстилъ о кончинѣ Ѳеодора. По этему сигналу всѣ бросились въ Кремль, люди всѣхъ званій и всѣхъ партій. Умы были полны смущенія; всѣхъ безпокоила неизвѣстность будущаго, и всякій спѣшилъ узнать рѣшеніе важнаго вопроса о престолонаслѣдіи.

Тѣло покойнаго царя было уже выставлено на парадномъ одрѣ. Богатые и бѣдные, знатные и черные, всѣ были допущены въ чертоги царскіе. Но пока народъ, жадный до всякаго рода зрѣлищъ, веселыя ли они или печальныя, толпился вокругъ праха вчерашняго своего владыки и прощался съ нимъ, цѣлуя его руку,—патріархъ съ духовенствомъ и знатнѣйшіе свѣтскіе сановники удалились въ переднюю палату (22), чтобъ совѣщаться о томъ, кому быть царемъ на Руси.

Патріархомъ въ то время былъ Іоакимъ. Положивъ одну руку на святое Евангеліе, въ другой держа животворящій крестъ, онъ сказалъ собравшимся вокругъ него сановникамъ (23): «Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ отошелъ въ вѣчное блаженство; чадъ по немъ не оставалось, но остались братія его, царевичи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Царевичъ Іоаннъ шестнадцатилѣтенъ, но *одержимъ скорбію* и слабъ здоровьемъ; царевичъ же Петръ девя-

---

(22) Принимаемъ въ руководство разсказъ Крекшина, какъ болѣе прочихъ подробный, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ противорѣчитъ офиціяльнымъ документамъ.

(23) Избраніе Петра разказано иначе въ Запискѣ Посольскаго Архива, но противъ этого сказанія свидѣтельствуютъ Записки Рязанскаго Архива, царскія грамоты въ полномъ Собраніи Законовъ и Записки современниковъ (изданныя Сахаровымъ).

тилѣтенъ. Изъ сихъ двухъ братьевъ кто будетъ наслѣдникомъ престола россійскаго? Кого наименуемъ въ цари всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи? Единый, или оба будутъ царствовать? Спрашиваю и требую, чтобъ сказали истину по совѣсти, какъ предъ престоломъ Божіимъ; кто же изречетъ по страсти, да будетъ тому жребій измѣнника Іуды.»

Не взирая на увѣщаніе и угрозу первосвятителя, позволительно думать, что страсти въ эту минуту не дремали: для той и другой партіи рѣшался вопросъ *быть или не быть*. По этому мы не можемъ допустить, чтобъ рѣшеніе этого собранія было произнесено такъ единодушно и спокойно, какъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ, большею частію офиціяльные документы. Большинство присутствующихъ было расположено къ Петру, ибо состояло почти исключительно изъ вельможъ и духовенства, и потому весьма понятно, что младшій царевичъ восторжествовалъ въ этомъ собраніи. Но за чѣмъ рѣшеніе перваго собранія было потомъ предложено на утвержденіе народу? Какъ извѣстно, обычай совѣщаній народныхъ давно исчезъ въ Россіи; кто же могъ сдѣлать подобное предложеніе? Очевидно приверженцы Софіи, которые, опираясь на расположеніе нѣкоторой части стрѣльцовъ, могли ожидать въ приговорѣ массы народной болѣе благопріятнаго для себя рѣшенія. Заключеніе наше не опирается, правда, ни на одномъ словѣ ни въ офиціяльныхъ документахъ, ни даже въ частныхъ извѣстіяхъ; но тогда ни въ Россіи, ни въ другихъ государствахъ не существовало обычая обнародывать самыя пренія, а объявлялся только результатъ ихъ: такъ дѣлало правительство въ своихъ офиціяльныхъ актахъ, того же обычая держались и частные люди, когда вели свои записки. Много любопытнѣйшихъ подробностей погибло такимъ образомъ для насъ безъ всякаго слѣда. Но мы ни чѣмъ иначе не можемъ объяснить намѣреніе собранія подвергнуть новымъ случайностямъ утвержденное уже рѣшеніе, какъ вліяніемъ партизановъ Софіи. Отважившись на это, патріархъ вышелъ на Красное крыльцо, у котораго густою толпою стоялъ народъ. При видѣ святителя, сопровождаемаго важнѣйшими сановниками духовнаго и свѣтскаго чина, смолкнулъ смутный говоръ толпы, головы обнажились, и посреди глубокаго безмолвія патріархъ произнесъ: «Извѣстно вамъ, благочестивые христіане, что благословенное Господомъ царство Русское было подъ державою

блаженныя памяти великаго государя царя Михаила Өеодоровича, а по немъ державу наслѣдовалъ блаженныя же памяти царь Алексѣй Михаиловичъ. По его преставленіи былъ воспріемникомъ престола благочестивый государь, царь Өеодоръ Алексѣевичъ, самодержецъ всея Россіи. Нынѣ же, изволеніемъ Всевышняго, переселился онъ въ безконечный покой, оставя братьевъ, царевичей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Изъ нихъ, царевичей, кому быть царемъ всея Россіи? Да объявятъ о томъ свое единодушное рѣшеніе.»

Не безъ надежды и не безъ тревоги ожидали обѣ партіи народнаго приговора. Но еще Софія не успѣла преклонить на свою сторону большинства; тщетно нѣкоторые ея агенты, набранные изъ буйной сволочи, которою обильны всегда большіе города, пытались провозгласить Іоанна: изъ всей этой густой толпы возвысился одинъ голосъ, одинъ приговоръ: «Да будетъ царемъ Петръ!» Патріархъ благословилъ народъ и произнесъ: «Ему единому, или вмѣстѣ съ братомъ царствовать?» и шумный голосъ народа еще разъ отвѣтствовалъ ему: «Да будетъ царь Петръ единымъ самодержцемъ всея Россіи!» (23).

Съ этимъ рѣшеніемъ патріархъ возвратился въ палаты царскія, чтобъ волею народа наречь на царство Петра. Благословивъ его, онъ сталъ на колѣна и сказалъ: «Престолъ всероссійскій вдовствуетъ по кончинѣ государя Өеодора Алексѣевича. Отъ имени всего народа православнаго молю тебя, пріими скипетръ прародителей твоихъ и благоволи быть нашимъ царемъ!» Петръ поднялъ престарѣлаго святителя, говорилъ, что чувствуетъ себя еще слишкомъ юнымъ для управленія царствомъ, и просилъ предоставить престолъ старшему брату. Но патріархъ, поддерживаемый присутствующими, повторилъ, что таково желаніе народа, и упомянулъ объ умственныхъ и физическихъ несовершенствахъ Іоанна. «Государь, говорилъ онъ, не презри моленія рабовъ твоихъ!» И не ожидая отвѣта, осѣнилъ его крестомъ и нарекъ царемъ всея Россіи, а архидіаконъ возгласилъ ему многолѣтіе. Весь бывшій при этомъ святительскій ликъ повторилъ его, а думный дьякъ, вышедъ на Красное крыльцо, объявилъ народу о соизволеніи Петра принять державу и скипетръ Мономаха:

---

(24) Многіе современники не упоминаютъ объ этомъ вторичномъ вопросѣ патріарха; но не сдѣлавши сего, онъ подалъ бы поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ: такую опрометчивость трудно предполагать.

Въ тотъ же день Москва цѣловала крестъ новому царю и во всѣ концы государства были разосланы гонцы съ этимъ извѣстіемъ.

Такъ совершилось избраніе Петра. Возведенный на престолъ волею народа, онъ могъ ожидать спокойствія и тишины. Нарышкины торжествовали; но партія противная не считала еще своего дѣла окончательно проиграннымъ. Окруженная своими сестрами, на которыхъ она имѣла сильное вліяніе, царевна Софія въ мучительномъ безпокойствѣ ожидала рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи. Пока происходили совѣщанія бояръ и духовенства, она не теряла надежды, полагаясь на преданность къ ней народа. Но, когда до нея долетѣло имя Петра, произнесенное тысячью устъ, тогда, не въ состояніи будучи владѣть собою, она воскликнула: «избраніе это не право! Петръ еще юнъ и неразуменъ; Іоаннъ же совершеннолѣтенъ: онъ долженъ быть царемъ!» Не ограничиваясь этимъ протестомъ, невольно вырвавшимся изъ уязвленной груди, царевна пригласила къ себѣ патріарха и требовала, чтобъ онъ, во имя законности и первородства, уничтожилъ народное избраніе. Пылкая кровь Софіи кипѣла, затмевая разсудокъ! Патріархъ разумѣется отвѣчалъ, что избраніе совершено уже, и что измѣнить его нельзя. — «Пусть по крайней мѣрѣ оба царствуютъ!» воскликнула царевна. —«Многоначаліе пагубно, отвѣчалъ благоразумный старецъ: да будетъ единъ царь: такъ угодно Богу!» (25).

Но если пылкая природа Софіи Алексѣевны увлекала ее иногда слишкомъ далеко, то разсудокъ въ ней былъ довольно силенъ, чтобъ одержать наконецъ побѣду: она увидѣла неблагоразуміе и безполезность своихъ словъ и поспѣшила загладить ихъ, предложивъ своимъ сестрамъ немедленно идти поздравить новаго царя.

Возшествіе на престолъ Петра ознаменовалось обыкновеннымъ въ то время возвышеніемъ однихъ царедворцевъ и паденіемъ другихъ. Любимецъ покойнаго царя, Языковъ, долженъ былъ сойдти съ политической сцены. Милославскій тоже удалился отъ дѣлъ, за Матвеевымъ же былъ посланъ гонецъ съ приказаніемъ возвратиться въ Москву. Это возвращеніе Матвеева было общимъ желаніемъ всѣхъ Петровыхъ приверженцевъ, которые на него возлагали главныя надежды свои; самъ же царь и его родительница спѣшили уплатить ему старый долгъ благодарности. Притомъ, если не всѣ знали тайные замыслы царевны, то ея сопротивленіе из-

(25) Крекшинъ, стр. 32.

*

бранію Петра, ея старанія въ пользу Іоанна, наконецъ смутныя извѣстія о сношеніяхъ ея партизановъ съ недовольными стрѣльцами должны были убѣдить всѣхъ, что опасность еще не миновалась и что люди преданные теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, нужны у престола. Царевна между тѣмъ усилила свои интриги; агенты ея, бродя по слободамъ стрѣлецкимъ, воспламеняли недовольныхъ. «Чего, говорили они, ожидать вамъ въ правленіе младенца, окруженнаго вашими врагами, когда при покойномъ царѣ, который былъ благъ и совершеннолѣтенъ, вамъ чинимы были такія притѣсненія? Припомните, какой судъ, какую расправу далъ вамъ Языковъ, когда вы жаловались на вашихъ полковниковъ: Нарышкины сдѣлаютъ хуже! Не такъ было бы, продолжали возмутители, еслибъ царствовалъ Іоаннъ Алексѣевичъ, котораго окружаютъ доброжелательные вамъ бояре! Но злодѣи Нарышкины, которые своими бѣгунами топчутъ православный народъ на улицахъ, отдалили царевича нашего отъ законнаго достоянія! Недовольные этимъ, они только ищутъ случая, чтобъ вовсе извести его, и за малолѣтствомъ Петра, будутъ сами управлять государствомъ. Тогда настанутъ для васъ дни, горшіе прежнихъ!»

Такія рѣчи сильно волновали стрѣльцовъ; но не вовсе еще отрѣшившись отъ повиновенія, они попытались еще разъ, по прежнему примѣру, подать царю новую челобитную на несносныя притѣсненія своихъ начальниковъ. Въ то время въ Москвѣ было, по официяльнымъ документамъ (26), девятнадцать стрѣлецкихъ полковъ, заключавшихъ 14,198 человѣкъ, да кромѣ того нѣсколько регулярныхъ, *солдатскихъ* полковъ. Изъ этого числа весьма немногіе, не раздѣляя общаго неудовольствія, не участвовали въ челобитной, поданной царю, которая касалась шестнадцати полковниковъ стрѣлецкихъ и одного солдатскаго генерала (27).

Новое правительство, надѣясь, безъ сомнѣнія, снисходительностію привлечь недовольныхъ, не изслѣдуя ни вины полковниковъ, ни справедливости челобитчиковъ, не вникая въ дѣло, которое однакожь стоило вниманія, велѣло обвиненныхъ *выдать головою* самимъ стрѣльцамъ (28). Патріархъ, игравшій во все это смутное время вполнѣ приличную своему званію роль, почувствовалъ всю жестокость и неблагоразуміе такой мѣры. Не въ состояніи бу-

(26) Акт. Арх. Экс., т. IV, № 280.
(27) Акт. Арх. Экс., т. IV, № 254.
(28) Медвѣдева, стр. 7.

лучи отмѣнить рѣшенія, онъ поспѣшилъ послать къ стрѣльцамъ почетнѣйшихъ духовныхъ особъ, которые наконецъ уговорили ихъ предоставить наказаніе обыкновеннымъ властямъ. Но правительство рѣшилось до конца угождать недовольнымъ стрѣльцамъ; немедленно былъ изготовленъ указъ, въ которомъ исчислялись всѣ притѣсненія и неправды, приведенныя челобитчиками, исчислялись безъ изслѣдованія, безъ повѣрки, и въ заключеніе написанъ приговоръ, а именно: отрѣшить виновныхъ отъ командованія, отобрать чины, жалованныя деревни, заставить уплатить челобитчикамъ по ихъ искамъ и наконецъ бить публично батогами (29). Мѣра и жестокая и несправедливая! Вѣримъ, что жалобы стрѣльцовъ имѣли основаніе; но челобитная была подана 30 апрѣля, а въ первыхъ числахъ мая послѣдовало рѣшеніе. Спрашиваемъ: могло ли быть въ эти нѣсколько дней произведено хоть что-либо похожее на изслѣдованіе? А между тѣмъ дѣло шло о чести семнадцати человѣкъ, людей болѣе или менѣе заслуженныхъ! Вступительное дѣйствіе Нарышкиныхъ не обѣщало много хорошаго. Кромѣ жестокости, въ этомъ поступкѣ было величайшее неблагоразуміе. Твердость и справедливость составляютъ главныя и надежныя основанія власти; слабость же въ отношеніи однихъ неизбѣжно обращается въ жестокость и притѣсненіе въ отношеніи къ другимъ, и никому не внушаетъ ни уваженія, ни привязанности.

Таковъ и въ самомъ дѣлѣ былъ результатъ этого приговора. Стрѣльцы ни сколько не преклонились на сторону Нарышкиныхъ, а своевольство ихъ перешло всякія границы. Собираясь многочисленными сходбищами на площадяхъ, въ баняхъ, въ питейныхъ домахъ, они громко и дерзко высказывали свое предпочтеніе къ старшему царевичу: «Противниковъ Іоанна всѣхъ побьемъ, говорили они, и его возведемъ на престолъ!» Начальниковъ своихъ они ни во что не ставили, и если кто изъ нихъ осмѣливался унимать ихъ буйства, того они били, увѣчили, или, втащивши на каланчи своихъ съѣзжихъ избъ (30), сбрасывали оттуда «съ такою силою,» замѣчаетъ одинъ изъ современниковъ, «что никто изъ тѣхъ людей живъ не остался.»

Царевна Софія радовалась этому безначалію и искусно имъ пользовалась. Всѣ значительнѣйшія лица стрѣлецкаго войска бы-

(29) Акт. Арх. Экс., т. IV, № 254.

(30) То есть полковыхъ дворовъ.

ли ей уже преданы: вслѣдъ за Цыклеромъ и Озеровымъ подполковники Петровъ, Черный, Одинцовъ стали въ ряды ея приверженцевъ. Каждую ночь они тайкомъ пробирались въ домъ Милославскаго, сообщали ему извѣстія о ежедневныхъ своихъ успѣхахъ, получали новыя приказанія и возвратясь въ полки свои, распространяли клеветы противъ Нарышкиныхъ, возбуждали участіе къ несправедливо обойденному, будто бы, царевичу Іоанну и искусно примѣшивали имя царевны. Не довольствуясь этими сношеніями чрезъ посредство людей ей мало извѣстныхъ, царевна нашла въ постельницѣ своей, украинской казачкѣ, Ѳеодорѣ, по прозванію Родимицѣ, надежный и прямой путь дѣйствовать на умы стрѣльцовъ. Чрезъ нее царевна имѣла безпрестанныя и вѣрныя свѣдѣнія объ успѣхахъ своего дѣла, о состояніи умовъ, и чрезъ нее же пересылала значительныя суммы для врученія нужнымъ ей людямъ. Такимъ образомъ почти все стрѣлецкое войско было въ рукахъ царевны. Изъ девятнадцати полковъ, находившихся тогда, какъ сказано, въ Москвѣ, только Полтевъ, Жуковскій и Стремянный сопротивлялись ея вліянію, но наконецъ и они увлеклись примѣромъ своихъ товарищей; одинъ лишь Сухаревскій, благодаря вліянію пятисотеннаго Бурмистрова и пятидесятника Борисова, удержался въ границахъ долга. За то между солдатскими полками значительно распространился духъ мятежа, и одинъ изъ нихъ, Бутырскій, весь присталъ къ царевнѣ.

Планъ руководителей всего этого движенія заключался въ слѣдующемъ: произвести мятежъ между стрѣльцами—что было не трудно,—обратить этотъ мятежъ противъ двора, противъ Нарышкиныхъ и прочихъ бояръ (31), ненавистныхъ Милославскому и Софіѣ, низвергнуть или умертвить Петра и возвести Іоанна.... Какъ видно, Милославскій и Софія не останавливались ни передъ препятствіями, ни передъ преступленіями! Милославскій составилъ списокъ боярамъ, которыхъ смерть онъ считалъ для себя необходимою, и списокъ этотъ сообщилъ стрѣльцамъ. Все, казалось, было готово; можно было начинать.... Одно обстоятельство заставило заговорщиковъ пріостановиться: въ Москву долженъ

---

(31) Мы чувствуемъ, что часто неправильно употребляемъ слово бояре, но не знаемъ чѣмъ его замѣнить: вельможи? это слово вѣрнѣе передастъ мысль, но оно слишкомъ ново для той эпохи; впрочемъ сами современники,—смотри Записки русскихъ людей,—безъ разбора называютъ боярами всѣхъ знатныхъ свѣтскихъ людей.

былъ прибыть черезъ нѣсколько дней истинный предводитель Нарышкинской партіи, Артамонъ Сергѣевичъ Матвеевъ: онъ стоялъ первымъ въ роковомъ спискѣ Милославскаго (32).

Выше сказано было, что по воцареніи Петра отправленъ былъ гонецъ въ городъ Лухъ съ повелѣніемъ Матвееву спѣшить въ Москву. Радуясь возвышенію своихъ друзей, и оплакивая смерть Өеодора (говорятъ его біографы), пустился онъ въ путь. На дорогѣ встрѣтилъ его думный дворянинъ Лопухинъ (33), который отъ имени молодаго царя объявилъ ему прежнюю честь боярства; наконецъ въ селѣ Братовщинѣ, недалеко отъ Москвы, братъ царицы, Аѳанасій Кириловичъ, встрѣтилъ его со *здоровьемъ* отъ Наталіи Кириловны. Такимъ образомъ возвращеніе Матвеева въ Москву имѣло видъ торжественнаго шествія. Видя изливающуюся на него царскую милость, да и питая въ самомъ дѣлѣ къ нему уваженіе, власти тѣхъ городовъ, чрезъ которые надо было ему проѣзжать, и настоятели монастырей выходили къ нему на встрѣчу, угощали его. Чѣмъ ближе подвигался Матвеевъ къ Москвѣ, тѣмъ радостнѣе и торжественнѣе былъ его путь. Грустно было ему конечно увидѣть домъ свой, въ которомъ такъ часто принималъ онъ царя, запустѣвшимъ, и дворъ—заросшимъ травою, но этотъ дворъ, эти давно безлюдные покои скоро опять наполнились посѣтителями. Колымаги, кареты, верховые кони съ цѣлыми эскадронами стремянныхъ, вершниковъ, слугъ,—необходимая принадлежность при выѣздахъ знатныхъ людей,—тѣснились на дворѣ; комнаты же были наполнены боярами, окольничими, генералами, полковниками, дворянами, сановниками всѣхъ чиновъ, которые наперерывъ спѣшили привѣтствовать вчерашняго изгнанника. Между этими людьми было не мало такихъ, которые, принадлежа къ партіи царевны, находились тутъ единственно для того, чтобъ скрыть свои тайныя козни; много отъявленныхъ враговъ Матвеева тѣснилось въ его покояхъ; одинъ изъ нихъ однакожъ, самый непримиримый и самый опасный, Милославскій, отклонилъ отъ себя непріятность подобнаго притворства, распространивъ молву о своей болѣзни (34).

(32) Матвеевъ, стр. 18.

(33) Въ «Исторіи о невинномъ заключеніи» сказано Лутохинъ.

(34) «Тотъ вышеупомянутый бояринъ (Милославскій) подъ вымысломъ «якобы приключившейся ему самой жестокой болѣзни, но больше для

За то тѣмъ дѣятельнѣе работалъ онъ въ Стрѣлецкой слободѣ. Самый равнодушный глазъ могъ бы замѣтить по всей Москвѣ волненіе, безпокойство и боязливое ожиданіе чего-то неизвѣстнаго, обыкновенно предшествующія политическимъ кризисамъ. У стрѣльцовъ лилось вино, и мятежныя сходбища шумѣли среди бѣлаго дня. Безъ всякаго приказа со стороны начальства у съѣзжихъ полковыхъ избъ вдругъ слышался барабанный бой или раздавался набатъ, и стрѣльцы, схвативъ бердыши, мушкеты, кто что̀ могъ, сбѣгались слушать возмутительныя воззванія, пріучаясь вмѣстѣ съ тѣмъ быть всегда готовыми по сигналу своихъ руководителей.

15 мая рано утромъ грянули барабаны стрѣлецкіе, загудѣли набатные колокола и вооруженные стрѣльцы (35) сбѣжались къ своимъ полковымъ дворамъ. Между тѣмъ какъ они толпились, выстраивались, шумѣли,—примчались Петръ Толстой и Александръ Милославскій, крича, что Нарышкины удушили царевича Іоанна, и убѣждая стрѣльцовъ поспѣшать въ Кремль. Въ то же время съ Ивана Великаго раздался набатъ, какъ будто въ подтвержденіе этихъ словъ. Подготовленные къ такимъ извѣстіямъ, стрѣльцы не спрашивали ни какихъ доказательствъ и кинулись бѣго̀мъ, обрубивъ древки у копій для облегченія, и влача за собою пушки. «Злодѣи Нарышкины, говорили стрѣльцамъ агенты Милославскаго, выбрали для совершенія своего преступленія тотъ же день, въ который пролита такими же злодѣями кровь святаго Димитрія Царевича въ Угличѣ»... И обманутые, раздраженные стрѣльцы кричали: «изведемъ всѣхъ измѣнниковъ и губителей царскаго рода»!

Между тѣмъ со стороны правительства не было принято никакихъ мѣръ предосторожности или защиты. Съ утра Матвеевъ былъ во дворцѣ; около полудня онъ собирался домой, ожидая на крыльцѣ людей своихъ, когда князь Ѳедоръ Семеновичъ Урусо̀въ прибѣжалъ испуганный, разстроенный, и объявилъ ему, что стрѣльцы взбунтовались и идутъ къ Кремлю. Тотчасъ было приказано караульному тогда подполковнику Стремяннаго полка, Горюшкину, запереть всѣ ворота кремлевскія. Но приказанія не льзя было исполнить: всѣ выходы были заняты стрѣльцами (36). Ужасъ распространился по всему дворцу, со всѣхъ сторонъ туда сбѣга-

«молвы той въ народѣ о себѣ, горячими отрубями и кирпичами жегъ «себя»... Матвеевъ.

(35) Бутырскіе солдаты тоже.

(36) Стремянный полкъ при томъ, какъ было сказано, и самъ былъ на стоорнѣ мятежа.

лись царедворцы—одни для того, чтобъ защищать престолъ, другіе, чтобъ найдти безопасность на его ступеняхъ. Ихъ испуганныя лица, ихъ преувеличенные разказы только умножали всеобщее смятеніе, и никто не подалъ добраго совѣта, никто не оказалъ твердости, энергіи и благоразумія!.. Возмутившаяся толпа между тѣмъ ворвалась въ Кремль и залила всѣ улицы и площади. Бердыши, мушкеты сверкали у самыхъ оконъ Грановитой Палаты; изъ чертоговъ царскихъ явственно слышны были неистовые крики стрѣльцовъ, требовавшихъ смерти цареубійцъ, Нарышкиныхъ. «Если не выдадутъ намъ Нарышкиныхъ, кричали они, всѣхъ перебьемъ!»

Судя по этимъ крикамъ, вся причина мятежа заключалась въ мнимой смерти Іоанна. Ближайшіе совѣтники царицы предложили ей показать народу обоихъ царевичей: можно было надѣяться, что видъ ихъ обоихъ, здоровыхъ и невредимыхъ, обезоружитъ мятежниковъ. Царевичей дѣйствительно вывели на Красное крыльцо, и волненіе нѣсколько успокоилось. Нѣкоторые изъ стрѣльцовъ, желая удостовѣриться, что ихъ не обманываютъ, всходили на верхъ, чтобъ ближе разсмотрѣть того, въ смерти котораго ихъ увѣряли. Они спрашивали его: «Ты ли царевичъ Іоаннъ, и кто изъ бояръ измѣнниковъ тебя изводитъ?» Отвѣтъ Іоанна разумѣется былъ такого рода, что отнималъ по крайней мѣрѣ предлогъ къ мятежу. Обманутые и пристыженные стрѣльцы начинали уже переглядываться между собою; шумъ утихалъ, только изрѣдка слышались отдѣльные, неповторяемые крики о выдачѣ Матвеева и Нарышкиныхъ; крики эти были очевидно послѣдними раскатами народной грозы. Понимая, что настала минута, когда толпа дѣлается чувствительна къ голосу убѣжденія и разсудка, Матвеевъ, изможденный долгими страданіями, посѣдѣвшій въ ссылкѣ, но сохранившій еще величавыя и пріятныя черты лица (37), вышелъ къ народу, чтобъ нѣсколькими словами возвратить мятежниковъ къ долгу. Онъ говорилъ стрѣльцамъ о прежнихъ ихъ походахъ, которые онъ дѣлалъ съ ними, говорилъ о долгѣ вѣрноподданничества, о святости присяги, и убѣждалъ прекратить мятежное дѣло, которымъ помрачаютъ прежнія заслуги. Многіе, слышавшіе слова Матвеева и видѣвшіе его почтенныя сѣдины, были тронуты; нѣкоторые даже просили его заступленія и ходатайства предъ ца-

(37) Таковъ портретъ его, приложенный къ «Исторіи о невинномъ заключеніи боярина Матвеева» и въ Московскомъ Архивѣ М. И. Д.

ремъ. Мятежъ близокъ былъ къ окончанію, и Матвеевъ, возвратясь во дворецъ, объявилъ радостную вѣсть, что народъ успокоился и начинаетъ расходиться.

Но противная партія не дремала. По распоряженію Софіи выкачено было на площадь нѣсколько бочекъ вина (38), и умы, едва начинавшіе успокоиваться, снова стали приходить въ броженіе. Въ это время вышелъ къ стрѣльцамъ князь Михайло Юрьевичъ Долгорукій, назначенный, послѣ паденія Языкова, управлять, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, Стрѣлецкимъ Приказомъ. Уже самое появленіе его не могло произвести благопріятнаго впечатлѣнія: оно напомнило стрѣльцамъ начальство, которымъ они имѣли можетъ быть справедливыя причины быть недовольными;—къ довершенію несчастія, князь Долгорукій заговорилъ тономъ повелительнымъ, сталъ угрожать, бранить, приказывать.. Стрѣльцы вспыхнули; кинулись на него и сбросили съ крыльца внизъ, гдѣ другіе, подхвативъ его на копья, въ одно мгновеніе растерзали на части.

Это было сигналомъ къ страшнымъ убійствамъ и насиліямъ, которыя не прекращались цѣлые три дня и распространились на весь городъ. Наклонивъ копья, съ неистовыми криками бросились стрѣльцы на царское крыльцо, ворвались въ чертоги и стали бить и ломать все попадавшееся имъ, требуя ненавистныхъ имъ бояръ. Смятеніе придворныхъ было неописанно. Не думая о сопротивленіи, они искали гдѣ бы только укрыться. Семья царская съ немногими истинно преданными ей боярами удалились во внутренніе покои. Но разъяренная толпа не пощадила и этого убѣжища. Увидѣвъ Матвеева, стрѣльцы кинулись на него; царица хотѣла защитить своего воспитателя, но онъ былъ силою вырванъ изъ ея рукъ. Почтенный князь Михайло Алегуковичъ Черкасскій, намѣстникъ казанскій, старый и мужественный воинъ, не щадя себя, закрылъ Матвеева своею грудью, но и то не помогло: самъ благородный князь едва не лишился жизни; Матвеевъ же былъ схваченъ, приведенъ на Красное крыльцо и при радостныхъ кликахъ народа сброшенъ внизъ.

Содрогаясь отъ ужаса, плача отъ скорби, царица съ сыномъ своимъ принуждена была искать спасенія въ Грановитой Палатѣ. Стрѣльцы «какъ львы рыкающіе», тайно подстрекаемые агентами Милославскаго, продолжали бѣгать по дворцу, требуя выдачи На-

(38) Крекшинъ, стр. 33.

рышкиныхъ. Отъ ихъ насилія не избавились самые отдаленные внутренніе покои, тихіе терема царевнъ, даже молельни и церкви, которыми такъ обильны были тогдашніе дворцы. Окровавленными своими копіями они шарили подъ престолами, ища тамъ своихъ жертвъ. Въ слѣпомъ изступленіи они наконецъ никого не узнавали и убивали однихъ вмѣсто другихъ; такъ былъ умерщвленъ стольникъ Салтыковъ, котораго приняли за Аѳанасія Нарышкина. Но эта жестокая ошибка не усмирила убійцъ и не спасла брата царицы; увидя карлу его, по прозванью Хомяка, они заставили его указать, гдѣ скрывается его господинъ. Невѣрный рабъ, взятый Нарышкинымъ изъ богадѣльни и спасенный имъ отъ нищеты, выдалъ своего благодѣтеля; стрѣльцы вытащили его и на паперти той же церкви умертвили, а трупъ выбросили внизъ.

Между тѣмъ какъ это происходило внутри дворца, другія толпы бѣгали по всему Кремлю, по церквамъ, по соборамъ, взбирались на колокольни, спускались въ погреба, вездѣ ища обреченныхъ на гибель бояръ. Такъ былъ схваченъ между патріаршимъ дворомъ и Чудовымъ монастыремъ престарѣлый полководецъ, князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, и послѣ многихъ поруганій поднятъ на копья; такъ были пойманы и убиты дьякъ Ларіонъ Ивановъ, подполковники Горюшкинъ и Юреневъ и многіе другіе, менѣе извѣстные и менѣе значительные люди. Но счетъ убійцъ былъ еще далеко не полонъ: ни во дворцѣ, ни въ Кремлѣ имъ неудалось отыскать многихъ бояръ, внесенныхъ въ списокъ Милославскаго. И дѣйствительно нѣкоторые не успѣли пріѣхать во дворецъ (39), нѣкоторые были удержаны нездоровьемъ, страхомъ возмущенія; инымъ удалось пробраться и уйдти изъ Кремля. По этому толпы стрѣлецкія разсыпались по всей Москвѣ, и въ предмѣстіяхъ, слободахъ, на улицахъ и въ собственныхъ домахъ ловили тѣхъ, кого имъ было надобно. Въ Замоскворѣчьи жилъ тогда одинъ изъ Нарышкиныхъ, Иванъ Ѳомичъ, стольникъ, человѣкъ не весьма значительный; но онъ носилъ фамилію, указанную народному мщенію: стрѣльцы ворвались къ нему въ домъ и убили его. Подобнымъ же образомъ убитъ былъ Языковъ, любимецъ покойнаго царя, найденный на Хлыновкѣ, гдѣ онъ спрятался у свя-

---

(39) Царедворцы и сановники обязаны были ежедневно являться во дворецъ. Коших. стр. 22.

щенника. Сильный временщикъ не долго пережилъ свое политическое паденіе!

День уже склонялся къ вечеру. Стрѣльцы были утомлены своими неистовствами. Одна толпа ихъ, проходя мимо дома князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, вздумала извиниться предъ нимъ въ убіеніи его сына (40). Было ли это дѣйствительно раскаяніе съ ихъ стороны, произведенное видомъ восьмидесятилѣтняго и разбитаго параличемъ старика, или ухищреніе самаго лютаго звѣрства,—не беремся рѣшить: разъяренныя массы столько же способны къ утонченнымъ злодѣйствамъ, какъ и къ мгновеннымъ переходамъ отъ жестокости къ состраданію и великодушію... Какова бы ни была впрочемъ тому причина, стрѣльцы скромно повинились предъ старымъ княземъ въ своей запальчивости, оправдываясь грубостію выраженій князя Михайлы. Старецъ благоразумно скрылъ свое негодованіе и отпустилъ съ миромъ убійцъ своего сына. Но оставшись одинъ, онъ далъ волю своему чувству, горько оплакивалъ свою потерю, и предвидя, что торжество мятежниковъ будетъ непродолжительно, воскликнулъ: «добро́, щуку они съѣли, но зубы ея остались!» Эти слова погубили князя. Одинъ изъ слугъ его передалъ ихъ стрѣльцамъ, которые-было мирно возвращались домой. Бѣшенство овладѣло ими: они кинулись назадъ, вломились въ домъ, въ самую опочивальню стараго князя, стащили его съ постели, и влача по комнатамъ, крыльцамъ, вытащили наконецъ на дворъ, гдѣ разсѣкли его на части бердышами и разтерзали копьями.

Среди подобныхъ сценъ кончился кровавый день 15 мая.

Соображая событія этого дня, нельзя не признать, что партія злонамѣренныхъ показала несравненно больше искусства, нежели та, къ которой естественно обращается наша симпатія. Милославскій и Софія, какъ видно, хорошо знали свойства народныхъ массъ. Толпа въ спокойномъ положеніи гнушается зла, но она легко поддается обману, и уловить ее всего легче со стороны добрыхъ ея инстинктовъ: взволнованная же, она быстро увлекается страстями слѣпыми и свирѣпыми. На этихъ расчетахъ и ведена была вся интрига. Разжегши въ стрѣльцахъ неудовольствіе противъ нелюбимыхъ ими начальниковъ, агенты Милославскаго ука-

(40) Матвеевъ относитъ это убійство къ 16 числу, но противъ него свидѣтельствуютъ Крекшинъ и Медвѣдевъ.

зали имъ на беззаконное будто бы отстраненіе отъ престола царевича Іоанна, взывающаго къ нимъ о помощи; извѣстіе объ убіеніи его рѣшило начало мятежа. Была минута, когда толпа, образумленная видомъ здравствующаго царевича и словами Матвеева, готова была успокоиться, но не благоразуміе Долгорукова и коварное искусство Софіи поправили дѣло: первая капля крови была пролита, страсти забушевали и подстрекать ихъ уже было не нужно болѣе.

Совсѣмъ другое принуждены мы сказать о партіи Нарышкиныхъ. Съ ихъ стороны не было выказано ни малѣйшаго благоразумія, ни малѣйшей энергіи. Невозможно предполагать, чтобы явное волненіе стрѣльцовъ не было извѣстно двору: «для настоящаго обезопасенія царя Петра», говоритъ Матвеевъ, «собрались его приверженцы » Да и какъ было имъ не знать того, что знала вся Москва! Царствованіе Ѳеодора закатилось въ тучахъ, и немного нужно было проницательности, чтобъ угадать бурю къ утру новаго царствованія. И что же было сдѣлано для предотвращенія этой бури? Какія мѣры были приняты, какія средства приготовлены въ теченіе двухъ съ половиною недѣль? Никакихъ совершенно. Матвееву, который былъ душею партіи, правда, приказано было поспѣшить въ Москву, но и это было кажется болѣе дѣломъ доброты царицыной, чѣмъ предусмотрительности со стороны политическихъ ея друзей. Мы знаемъ, что немедленно по преставленіи царя были посланы гонцы во всѣ города съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ (41): почему же черезъ нихъ въ тоже время не было приказано собираться ратнымъ людямъ и вооруженнымъ слугамъ вѣрныхъ бояръ? Послѣ мятежа раскольниковъ, какъ мы увидимъ ниже, подобная мѣра принесла быстрые и рѣшительные результаты,—а съ 27 апрѣля по 15 мая сколько защитниковъ престола могло бы собраться въ Москву! Какихъ нибудь пятнадцать тысячъ мятежниковъ были бы легко усмирены, вѣроятно они и не рѣшились бы начать мятежа; въ самой Москвѣ наконецъ было множество дѣтей боярскихъ, жильцовъ, дворянъ, которыхъ обязанность состояла въ охраненіи Двора; собрать ихъ никто не позаботился; почему? — нельзя понять. Почему также никто не подумалъ препятствовать сношеніямъ Милославскаго съ стрѣльцами? Почему этотъ бояринъ не былъ заключенъ, или хоть вы-

(41) Исторія о невинномъ заключеніи боярина А. С. Матвеева.

сланъ изъ Москвы, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлаться слишкомъ опаснымъ и неприкосновеннымъ, тѣмъ болѣе, что ссылка и опалы были тогда очень обыкновеннымъ дѣломъ!.. Ничего этого не было сдѣлано,—и вотъ какъ объясняетъ это бездѣйствіе Матвеевъ, органъ нарышкинской партіи: «хоть о всемъ томъ (т. е. волненіи стрѣльцовъ), говоритъ онъ, не безъизвѣстно было при царскомъ дворѣ, однакоже за мнимымъ нечаяніемъ того бунта на самомъ дѣлѣ и не усматривая важной быть причинѣ, за что бы оный бунтъ начаться могъ, надлежащею своею предосторожностію отъ себя тогда не упредили.» Слѣпота непонятная! И такъ единственное дѣло Нарышкиныхъ было приглашеніе Матвеева въ Москву, да и это было сдѣлано уже черезъ нѣсколько дней по кончинѣ Өеодора (42).

Осмѣлимся ли высказать здѣсь наше мнѣніе объ этомъ мужѣ, прославленномъ историками, воспѣтомъ поэтами?.. Намъ кажется, что Матвеевъ былъ рѣшительно ниже роли, которую ему указывали надежды его друзей и важность настоящихъ обстоятельствъ. Что онъ могъ быть, и былъ хорошимъ министромъ при царѣ Алексѣѣ, во времена порядка и мира,—признаемъ вполнѣ; но въ минуту столкновенія партій, при ниспроверженіи порядка, предводительствовать одною изъ этихъ партій онъ былъ не въ состояніи. Для начальника партіи нужно болѣе быстроты и энергіи, чѣмъ спокойной мудрости; болѣе смѣлости, чѣмъ правоты чувства, а этихъ именно свойствъ ему не доставало. Человѣкъ, рожденный для дѣйствованія посреди политическихъ бурь, не сталъ бы дожидаться приказанія ѣхать въ Москву. Узнавши отъ гонцовъ, разосланныхъ послѣ кончины Өеодора о воцареніи Петра, Матвеевъ могъ бы тотчасъ же пуститься въ путь, поспѣть въ Москву 1 или 2 мая (43), и принявши рѣшительныя мѣры, вѣроятно успѣлъ бы еще предупредить мятежъ. Но онъ, какъ видно, не очень торопился пріѣздомъ. Тутъ онъ останавливался, чтобъ принять приготовленный для него обѣдъ, тамъ чтобъ отслушать обѣдню или отдохнуть съ дороги (44).... Такъ ли должно ему было спѣшить!... Знаемъ, что ни хорошихъ дорогъ, ни исправныхъ почтъ не было тогда въ Россіи, знаемъ, что Матвеевъ былъ не молодъ (45) и очень исто-

(42) Исторія о невинномъ заключеніи боярина Матвеева.

(43) Лухъ отъ Москвы по Дорожнику 466 верстъ.

(44) Исторія о невинномъ заключеніи боярина Матвеева.

(45) «Въ 1638 г. былъ онъ пожалованъ *въ житье* (смотри «Опытъ обозрѣ-

щенъ лишеніями и страданіями послѣднихъ годовъ; но если не было почтъ, то были ямы, ѣхать было можно безостановочно, а энергія души даетъ бодрость и дряхлому тѣлу! Такимъ образомъ бояринъ этотъ, на котораго возлагала свои надежды вся партія, прибылъ въ Москву только 12 мая (46), когда мятежъ готовъ былъ вспыхнуть. Но и тогда неужели ему уже ничего нельзя было сдѣлать, чтобъ обезопасить по крайней мѣрѣ царскую фамилію? Мы знаемъ, какое множество бояръ, по большей части преданныхъ Петру, было тогда въ Москвѣ; число ихъ слугъ, по словамъ одного изъ лѣтописцевъ (47), превосходило вдвое число стрѣльцовъ: отчего они не были тотчасъ же собраны и вооружены? Мятежъ могъ бы тогда быть потушенъ въ самомъ началѣ. Почему наконецъ, если уже ничего другаго не было сдѣлано, вмѣсто ненадежнаго Стремяннаго полка, не былъ введенъ въ Кремль вѣрный Сухаревскій полкъ, который въ этой старинной цитадели могъ бы безъ сомнѣнія выдержать первые удары мятежниковъ? А между тѣмъ собрались бы ратные люди изъ окрестностей, и соединившись съ частію, и едва ли не значительнѣйшею, московскаго населенія, преданною Петру, предупредили бы злодѣянія и перевороты, ознаменовавшія 1682 годъ. Милославскій и Софія, отдѣленные такимъ образомъ отъ своихъ приверженцевъ, заключенные одни въ Кремлѣ посреди своихъ непріятелей, не осмѣлились бы снять маску, и не могли бы дѣйствовать тайно, и возстаніе успокоилось бы само собою за недостаткомъ руководителей. Мы видѣли, что Петру преданы были почти всѣ свѣтскіе и духовные сановники; большинство народа тоже было на его сторонѣ, это доказано избраніемъ,—какимъ же образомъ могла побѣдить противная партія? Въ чемъ заключалась ея сила? Въ безпрерывныхъ ошибкахъ, ознаменовавшихъ правленіе Нарышкиныхъ.

Нѣтъ, какъ ни расположены мы сочувствовать несчастіямъ

нія жизни сановниковъ, управлявш. иностранными дѣлами») за заслуги отца тридцати лѣтъ отъ роду» — значитъ въ 1682 году ему было не больше 58 лѣтъ.

(46) Въ запискахъ Матвеева показано 10 число: думаемъ, что это ошибочно, тѣмъ болѣе, что на памятникѣ, воздвигнутомъ ему графомъ Румянцовымъ, сказано, что онъ пробылъ въ Москвѣ три дня съ 12 по 15 мая. Если же онъ пріѣхалъ 10 числа, то ему осталось два лишнихъ дня для принятія мѣръ противъ мятежа; такъ или иначе, а все нельзя не обвинить Матвеева.

(47) Крекшинъ.

Нарышкиныхъ, добродѣтелямъ Матвеева—мы не можемъ не высказать ихъ ошибокъ, такъ же какъ не можемъ повторить столь часто произносимыхъ проклятій противъ честолюбія царевны и интригъ Милославскаго, не отдавши справедливой дани искусству и твердости, съ которыми стремились они къ своей, конечной, преступной цѣли. Нѣтъ, противъ этихъ двухъ борцовъ, тайно, но сильно поддерживаемыхъ Голицынымъ, Матвееву устоять было трудно, хотя люди даже противной партіи говорятъ, что онъ былъ «остръ въ разумѣ и гражданскимъ дѣламъ искусенъ зѣло» (48).

Еще одинъ вопросъ раждается при внимательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ. Не могла ли царевна, которой цѣль намъ теперь извѣстна, не могла ли она въ одинъ день окончить всего переворота, вмѣсто того чтобъ допустить трехдневное кровопролитіе? Какъ не подумала она, что стрѣльцы могутъ быть наконецъ отвлечены отъ служенія ея дѣлу мыслію о собственныхъ выгодахъ, добычею, буйствомъ? Толпа забывчива, часто неблагодарна и всегда впечатлительна. Подобные перевороты тѣмъ болѣе представляютъ вѣроятностей успѣха, чѣмъ они быстрѣе совершаются. Еслибъ къ вечеру 15 мая, когда Дворъ погруженъ былъ въ оцѣпенѣніе, одинъ изъ руководителей движенія выступилъ передъ торжествующею толпою и провозгласилъ царемъ Іоанна, а царевну правительницею, можно ли предполагать, чтобъ кто-нибудь воспротивился этому рѣшенію? Едва ли: тогда по крайней мѣрѣ все было бы кончено вдругъ, и не было бы нужно ни двухъ лишнихъ дней кровопролитія, ни новыхъ интригъ; само же правительство избавилось бы отъ деспотизма стрѣльцовъ, слишкомъ привыкшихъ властвовать среди трехнедѣльной анархіи. Но кому было это сдѣлать? Голицынъ во все время смутъ не принималъ въ нихъ явнаго участія, Милославскій имѣлъ многія качества предводителя партіи, былъ неутомимъ, неразборчивъ на средства для достиженія цѣли и, посѣдѣвъ въ борьбѣ и интригѣ, зналъ лучше всѣхъ, какъ управлять страстями толпы и интересами царедворцевъ, но у него не было ни личной смѣлости, необходимой вождю народнаго движенія, ни того орлинаго взмаха крылъ, который однимъ ударомъ рѣшаетъ дѣло; самой же Софіи вдругъ явиться передъ народомъ значило бы уже слишкомъ выйдти изъ круга женскихъ понятій и обычаевъ того времени....

(48) Медвѣдевъ.

По этому на другой день надобно было ожидать возобновленія кровавыхъ сценъ 15 мая. Дѣйствительно, все предвѣщало грозу на утро. У всѣхъ воротъ и выходовъ изъ Кремля, Китая и Бѣлаго города стояли крѣпкіе караулы стрѣлецкіе, которые не позволяли никому ни входить, ни выходить. Москва казалась пуста, всѣ двери, всѣ окна были заперты, народа нигдѣ не видно; только гонцы и агенты, черезъ которыхъ пересылались Милославскій и царевна со стрѣльцами, безпрерывно носились взадъ и впередъ: для нихъ караулы разступались и ворота растворялись настежъ. Скоро опять грянули стрѣлецкіе барабаны, опять загудѣли набатные колокола, и мятежники снова вступили въ Кремль. Но въ этотъ день въ дѣйствіяхъ ихъ не замѣтно болѣе ни плана, ни цѣли; это и естественно: ими руководили издали, заочно; никто изъ ихъ главныхъ начальниковъ не хотѣлъ показываться. Стрѣльцы окружили дворецъ, требовали выдачи Ивана Нарышкина, и разошлись, снова обѣщая возвратиться на другой день и все перебить, если имъ не выдадутъ его головою. Очевидно, имъ надоѣло повиноваться невидимымъ начальникамъ и работать для нихъ: они разсудили лучше заняться собственными дѣлами. Дѣйствительно они разсыпались по Москвѣ, побили нѣкоторыхъ ненавистныхъ имъ людей, какъ напримѣръ дьяка Аверкія Кирилова, котораго они считали сообщникомъ въ притѣсненіяхъ своихъ начальниковъ, но преимущественно занялись грабежемъ богатыхъ боярскихъ домовъ, опустошеніемъ ихъ кладовыхъ и погребовъ, а къ вечеру возвратились восвояси, довольные этимъ днемъ вѣроятно болѣе чѣмъ вчерашнимъ.

Но такимъ оборотомъ дѣла не могли быть довольны главныя дѣйствующія лица. Поэтому сильнѣе прежняго, въ теченіе ночи, было подтверждено стрѣльцамъ не оставлять требованія о выдачѣ Нарышкиныхъ, и употреблены новыя усилія, чтобъ разжечь ихъ ненависть противъ приверженцевъ Петра. Царевна понимала, что надобно было ковать желѣзо, пока еще кипѣли народныя страсти. Кромѣ того, видя, что Милославскій продолжаетъ хитрить, сказываясь больнымъ, она рѣшилась сама принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ, которое и должно было интересовать ее болѣе чѣмъ всѣхъ другихъ. Съ этого часу она дѣлается вполнѣ главою своей партіи.

Когда 17 числа утромъ многочисленнѣйшія прежняго толпы

нахлынули въ Кремль, она находилась при царицѣ, выжидая случая содѣйствовать стрѣльцамъ. Исполняя вчерашнюю угрозу, мятежники начали настойчиво требовать выдачи Нарышкиныхъ. «Не выйдемъ отсюда, кричали они, пока не выдадутъ намъ измѣнниковъ!» Особенно казались они озлоблены противъ брата царицы, Ивана, котораго обвиняли въ томъ, что онъ надѣвалъ на себя корону царскую, какъ будто давая этимъ знать, что она въ его рукахъ. Видя твердую рѣшимость стрѣльцовъ, бояре, совершенно обезсилѣвшіе духомъ отъ трехдневной опасности, отъ этого заключенія во дворцѣ, рѣшились наконецъ высказать давнишнее свое тайное желаніе, и приступили къ царицѣ, умоляя ее пожертвовать братомъ для спасенія царской фамиліи, себя и, прибавляли они съ цинизмомъ малодушія, «насъ всѣхъ, преданныхъ и вѣрныхъ слугъ». Царевна Софія, находившаяся во весь этотъ день посреди враговъ своихъ, чтобъ вызывать ихъ на ложныя мѣры, стала горячо поддерживать это предложеніе. «Видите, говорила она, стрѣльцы озлоблены: они сдѣлаютъ какъ говорятъ! Должно или немедленно исполнить ихъ желаніе, или ожидать, что они всѣхъ насъ истребятъ.»

Несчастная царица была въ жестокомъ положеніи: у оконъ ея чертоговъ сверкало оружіе, бѣсновался раздраженный народъ; бояре преслѣдовали ее своими мольбами тѣмъ съ большею настойчивостію, чѣмъ сильнѣе становилось ихъ смятеніе. Она видѣла справедливость ихъ опасеній, но какъ было рѣшиться пожертвовать братомъ и можетъ быть отцемъ! Она обливалась слезами и не знала что̀ дѣлать. Хитрая Софія посовѣтовала царицѣ перейдти вмѣстѣ съ братомъ въ церковь Нерукотвореннаго Спаса, увѣряя, что мятежники не осмѣлятся нарушить святыни, хотя бы имъ и отворили двери храма. Бояре съ жаромъ одобрили это лукавое предложеніе; царица приняла его съ радостію, какъ удалявшее хоть на нѣсколько мгновеній опасность.

Всѣ эти дни Иванъ Нарышкинъ съ отцомъ своимъ Кирилломъ Полуектовичемъ, съ нѣкоторыми другими своими родственниками, съ семнадцатилѣтнимъ сыномъ Артамона Сергѣевича Матвеева (49), скрывался въ разныхъ потаенныхъ мѣстахъ собственныхъ покоевъ царевны Наталіи Алексѣевны. Но не считая жилище своей дочери достаточно надежнымъ убѣжищемъ, царица

(49) Авторъ Записокъ, которыми мы руководствуемся.

упросила свою золовку Мареу Матвеевну (50) укрыть у себя этихъ несчастныхъ. Вслѣдствіе этого, они всѣ были тайно переведены въ отдѣленіе царицы, и скрыты вѣрною ея прислужницею, Клушиною, въ отдаленныхъ покояхъ. Тамъ проводили они ночное время; утромъ же, какъ скоро звонъ набата возвѣщалъ приближеніе стрѣльцовъ, ихъ прятали въ тайный чуланъ, между перинами, гдѣ они сидѣли, и по счастію не были открыты, хотя слышали яростные вопли мятежниковъ, слышали шумъ ихъ шаговъ, звукъ ихъ оружія, видѣли наконецъ этихъ людей, неоднократно пробѣгавшихъ мимо ихъ убѣжища. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ успѣли уйдти; молодой Матвеевъ, напримѣръ, былъ спасенъ царскимъ карлою, Комаремъ, который, одѣвъ его въ платье своего конюха и приказавъ ему слѣдовать за собою, благополучно провелъ его сквозь толпы стрѣльцовъ; другіе родственники и меньшіе братья царицы тоже нашли средство пробраться тайно изъ Кремля. Но нѣкоторые, боясь быть узнанными, или не имѣя довольно отважныхъ доброжелателей, оставались въ дворцѣ. Въ числѣ ихъ былъ и Иванъ Нарышкинъ.

По совѣту Софіи, былъ онъ проведенъ въ церковь Нерукотвореннаго Спаса, куда, какъ сказано, пришла царица, окруженная своими приближенными. Нарышкинъ, не обманываясь относительно своей участи, приготовился къ смерти принятіемъ святыхъ таинъ и спокойно вступилъ въ храмъ, осажденный разъяренною чернью. «Государыня царица, сказалъ онъ, иду на смерть безъ страха, и желаю только, чтобъ кровь моя была послѣднею, пролитою нынѣ.» Всѣ присутствующіе были тронуты или пристыжены. Царевна тоже изъявляла сожалѣніе, но настаивала на необходимости удовлетворить стрѣльцовъ; бояре скоро присоединились къ ней, и несчастная царица увидѣла, что святость мѣста не спасетъ ея брата. Она не рѣшалась отпустить его, но Софія Алексѣевна и тутъ нашла средство облегчить развязку: она предложила дать въ

---

(50) Въ Запискахъ Матвеева сказано: «Царицу Мареу Алексѣевну»; была царица Мареа Матвеевна, а царевна Мареа Алексѣевна: о которой изъ двухъ здѣсь говорится? Думаемъ, что о первой, зная ея расположеніе къ Натальѣ Кирилловнѣ. Вотъ имена тогдашняго царскаго дома: Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, вдовствующія царицы Мареа Матвеевна, вдова Өеодора, и Наталія Кирилловна, царевны: Анна Михайловна и Татіана Михайловна, Евдокія, Мареа, Софія, Марія, Өеодосія и Наталія Алексѣевны, послѣдняя отъ втораго брака.

руки обреченной жертвѣ образъ Пресвятой Богородицы, ручаясь, что стрѣльцы не осмѣлятся возложить руку на человѣка, охраняемаго этою святыней. Между тѣмъ клики мятежниковъ становились грознѣе и настойчивѣе. На минуту тронутые бояре приступили снова къ царицѣ, торопясь кончить сцену, которая и ужасала и пристыжала ихъ. Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, старый и честный бояринъ, но слабый и робкій духомъ, обнаружилъ при этомъ замѣчательный цинизмъ. «Сколько вамъ, государыня, сказалъ онъ, ни жалѣть, отдать его нужно будетъ, а тебѣ, Ивану, скорѣе отсюда идти надобно, чѣмъ намъ всѣмъ погубленнымъ быть!» (51).

Царица съ несчастнымъ братомъ своимъ приближалась уже къ порогу храма... въ эту минуту дверь съ шумомъ растворилась, и толпа хлынула на паперть. Увидя передъ собою того, чьей смерти они такъ давно желали, стрѣльцы кинулись на него, ухватили за волосы, стащили внизъ по ступенямъ и влекли по всему Кремлю до Константиновскаго застѣнка, гдѣ его жестоко пытали. Еще недовольные этимъ, они повлекли его опять, полуживаго, измученнаго, на Красную площадь и тамъ, при радостныхъ крикахъ, подхватили его на копья, высоко вскинули наверхъ, и бросивъ на землю, отрубили ему руки, ноги и голову, а туловище изсѣкли въ куски.

Отецъ этого несчастнаго, Кириллъ Полуектовичъ, тоже обреченный на смерть ненавистію Милославскаго, не былъ умерщвленъ, но постриженъ въ монахи, подъ именемъ Кипріана, и на другой же день отправленъ въ Кирилловъ монастырь, на Бѣлоозеро.

Кремль послѣ этого вздохнулъ свободнѣе: стрѣльцы оставили его, но разсыпались по Москвѣ и совершили еще нѣсколько жестокостей, которыя впрочемъ мы не станемъ описывать, спѣша заняться результатами этихъ кровавыхъ трехъ дней.

Петрова партія была если не вовсе истреблена, то совершенно обезсилена. Матвеевъ, который былъ признанъ ея главою, былъ убитъ; Ромодановскіе, Долгорукіе также убиты; отецъ царицы постриженъ противъ воли и сосланъ; двое братьевъ ея умерщвлены, остальные ея братья скитались въ окрестностяхъ Москвы, ежеминутно дрожа за свою жизнь. Множество другихъ людей, мо-

(51) Матвеевъ.

нѣе значительныхъ, тоже или были побиты, или принуждены скитаться въ предмѣстіяхъ, въ окрестностяхъ, и скрываться по погребамъ и чуланамъ. Наконецъ тѣ изъ преданныхъ Петру бояръ, которыхъ миновала буря, были такъ оглушены ею, что едва ли могли сдѣлать что-либо для возстановленія своего дѣла.

Стрѣльцы же восторжествовали вполнѣ. За то не было жестокостей, не было неистовствъ, которыхъ бы они не совершили: когда народъ присвоиваетъ себѣ расправу, — онъ не наказываетъ, не караетъ, какъ правильное правосудіе, но становится бичемъ и истребляетъ, отдаваясь страстямъ слѣпымъ и неумолимымъ. Съ лютою радостію губили стрѣльцы враговъ своихъ, терзали ихъ, мучили, сопровождая свои дѣйствія насмѣшками: они восклицали, таща на закланіе свои жертвы: «се ѣдетъ Долгорукій, се бояринъ Матвеевъ! дорогу, дорогу!» (52). И безумствующая толпа оглашала воздухъ криками, ругательствами, хохотомъ. «Любо ли?» спрашивали палачи, обращаясь къ народу, и народъ, хлопая въ ладоши, отвѣчалъ: «любо, любо!» А кто не раздѣлялъ этой бѣшеной радости, кто молчалъ, кто взоромъ или наклоненіемъ головы или невольнымъ содроганьемъ осмѣливался не одобрять этихъ кровавыхъ сатурналій, того не только били, но часто и убивали. Тѣла несчастныхъ жертвъ валялись кучами, обезображенныя, истерзанныя; тлѣніе довершало надъ ними то, что̀ случайно пощадило желѣзо, и нестерпимый смрадъ носился надъ Красною площадью. Горестно подумать, что всѣ эти знатные и богатые люди, эти князья, эти бояре, еще недавно окруженные толпами родственниковъ, друзей, внимательныхъ прислужниковъ, оставались такъ на поруганіе черни, на добычу псамъ и коршунамъ; и никто изъ этихъ друзей и родственниковъ не думалъ укрыть ихъ трупы отъ поруганія. Но на что̀ не отваживался ни одинъ изъ кровныхъ и близкихъ людей, то̀ совершилъ ничтожный черный рабъ. Мы говоримъ объ арапѣ Матвеева, котораго имя сохранила исторія къ вѣчному утѣшенію человѣчества. Рабъ этотъ, Иванъ по имени, пробрался на Красную площадь, не страшась ни отвратительнаго зрѣлища, ни крѣпкаго караула, которымъ стрѣльцы оберегали свои жертвы; онъ отыскалъ между кучами тѣлъ трупъ своего несчастнаго господина и отнесъ его домой. Тамъ, въ присутствіи немно-

(52) Медвѣдевъ.

гихъ родственниковъ, которымъ ужасъ не помѣшалъ собраться для отданія послѣдняго долга нѣкогда знаменитому боярину, останки его были отпѣты и преданы землѣ въ приходѣ Николая Столба, на Покровкѣ (53). Благодаря преданности чернаго раба, Матвеевъ одинъ, изъ всѣхъ жертвъ стрѣлецкаго мятежа, получилъ честное погребеніе.

Стрѣльцы не только удовлетворили своему мщенію, но и награбили богатую добычу. Серебряная и золотая посуда, заграничныя ткани, драгоцѣнные камни, иностранныя вина, сокровища частныя и царскія наполняли ихъ сундуки и клѣти, появились на столахъ ихъ, украсили ихъ женъ. Но что̀ гораздо важнѣе, стрѣльцы разбили также приказы Холопій и Судный. Они перервали и сожгли крѣпостныя записи, уничтожили тяжебныя дѣла, освободили содержавшихся преступниковъ и объявили волю холопямъ. Какія неизчислимыя послѣдствія могли проізодти изъ всего этого! — Всѣ современники однакожь единодушно утверждаютъ, что бывшіе въ то время въ Москвѣ слуги боярскіе не только не воспользовались предложенною имъ свободою и не присоединились къ мятежникамъ, но напротивъ укоряли и останавливали ихъ: чувство справедливости иногда сильнѣе говоритъ въ простыхъ сердцахъ, и подобные случаи не безпримѣрны въ нашей исторіи (54). Впрочемъ мы должны замѣтить, что, въ продолженіе мятежа, къ сторонѣ Софіи пристали также и многіе московскіе жители, одни—увлеченные успѣхомъ стрѣльцовъ и всегда готовые поддерживать побѣдителей, другіе,—подвигнутые къ тому же ихъ угрозами. По крайней мѣрѣ всѣ свидѣтельства соглашаются въ томъ, что мятежъ былъ начатъ лишь нѣсколькими полками стрѣльцовъ и солдатъ, а меньше чѣмъ черезъ три недѣли послѣ возмущенія, именно 6-го іюня, была подана царямъ челобитная о поставленіи на Красной площади тріумфальнаго столба отъ имени не только стрѣльцовъ и солдатъ, но и гостей, посадскихъ людей и ямщиковъ: новое доказательство, какъ много потеряла партія Петрова въ теченіе этихъ немногихъ дней.

---

(53) Бѣдный рабъ былъ въ послѣдствіи положенъ въ одну могилу съ знатнымъ бояриномъ. Памятникъ, воздвигнутый надъ ними, поставленъ графомъ Н. П. Румянцовымъ.

(54) Вовремя безпокойствъ, въ Новгородскихъ поселеніяхъ, бунтовщики отворили двери арестантамъ, которые содержались въ поселеніяхъ, предлагали имъ свободу, но большая часть ихъ не тронулась съ мѣста, говоря: «кто посадилъ насъ, тотъ и выпуститъ.» Это слышали мы отъ очевидцевъ.

Софія могла быть довольна своимъ успѣхомъ: враги ея были низложены, Москва въ ея власти, ступени престола передъ нею расчищены... Мечтала ли она тогда уже о коронѣ, не знаемъ; не беремся также рѣшить, въ состояніи ли бы она была въ то время исполнить подобный замыселъ. Но если она могла, то конечно горько сожалѣла въ послѣдствіи, сидя въ печальной келіи Новодѣвичьяго монастыря (какъ справедливо замѣчаетъ Миллеръ), что не обезпечила своей будущности!... Повидимому, въ настоящую минуту у нея была одна только цѣль—возвести на престолъ брата своего Іоанна. По окончаніи кровопролитій, именно 18 числа, стрѣльцы собрались въ Кремль и стали требовать его избранія (55). Но царевна не хотѣла, чтобъ онъ принялъ корону изъ рукъ мятежниковъ; она желала покрайней мѣрѣ наружной законности. Для этого нужно было содѣйствіе бояръ,—они должны были произнести избраніе Іоанна, — и патріарха, который бы благословилъ его на царство. Почему этого не было сдѣлано тогда же, не легко себѣ объяснить. Были ли еще люди непреклонные и безстрашные, которыхъ ничто не могло заставить измѣнить своей присягѣ? или Дума Боярская была такъ оглушена недавними потрясеніями, что не была способна даже къ предусмотрительной покорности, и Софія сочла за нужное дать имъ время собраться съ мыслями?..

Въ это время изъ толпы обыкновенныхъ царедворцевъ вдругъ

---

(55) О времени и подробностяхъ воцаренія Іоанна существуетъ множество различныхъ и противорѣчивыхъ извѣстій—доказательство страшной суматохи въ то время. Матвеевъ говоритъ, и Крекшинъ повторяетъ за нимъ, что 18 числа было провозглашено двуцарствіе. Въ грамотѣ царей о ихъ восшествіи на престолъ это отнесено къ 25 мая; въ 5-мъ томѣ Сборника Туманскаго приведено извѣстіе будто бы изъ записокъ Матвеева (чего впрочемъ нѣтъ въ изданіи Сахарова), что стрѣльцы провозгласили Іоанна царемъ 23 мая,—что и было утверждено приговоромъ бояръ и согласіемъ царей; 25-го же числа вторично приступили они, требуя, чтобъ Іоаннъ былъ ервымъ, па Петръ вторымъ царемъ,—извѣстіе, которое отчасти подтверждается предшествующими. Далѣе (5 томъ) Туманскій приводитъ выписку изъ Арх. Кол. Ин. Дѣлъ, гдѣ сказано, что 26 мая патріархъ съ боярами и духовенствомъ упросили Іоанна раздѣлить престолъ съ братомъ, на грамотѣ же царской, писанной къ полковнику Горленко, командиру Прилуцкаго полка въ Запорожье, выставлено 27 число. Полн. Собраніе Законовъ выводитъ насъ наконецъ изъ этого лабиринта противорѣчій и опредѣляетъ день вступленія царей на престолъ — 26 мая.

выступаютъ впередъ Хованскіе, князь Иванъ Андреевичъ и сынъ его Андрей. Современники должны были немало этому удивиться: никто не ожидалъ видѣть ихъ въ славѣ и могуществѣ. Въ самомъ дѣлѣ Иванъ Хованскій, благодаря значительности своего происхожденія и, такъ сказать, въ очередь, былъ воеводою, бояриномъ; но ни особеннаго ума государственнаго, ни доблестей воинскихъ въ немъ никто не замѣчалъ; напротивъ, многіе считали его храбрость весьма сомнительною; въ народѣ знали его между прочимъ подъ насмѣшливымъ прозваніемъ *Тараруя*, которымъ называлъ его въ дружественной своей перепискѣ самъ покойный царь Алексѣй Михайловичъ (56). Участіе его въ мятежѣ стрѣлецкомъ и приверженность къ Софьѣ Алексѣевнѣ или Милославскому могли бы объяснить внезапное его возвышеніе, по ничего подобнаго не было, по крайней мѣрѣ не было извѣстно. Тѣмъ не менѣе послѣ убіенія Долгорукихъ, старый Хованскій былъ сдѣланъ начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа, а во время суматохи, послѣдовавшей за мятежемъ, онъ былъ органомъ воли стрѣльцовъ, или посредникомъ между ими и боярами. Когда толпы безпокойныхъ людей врывались въ Кремль, крича и угрожая, Хованскій выходилъ къ нимъ, выслушивалъ ихъ и передавалъ ихъ слова и требованія Думѣ Боярской.

Главнѣйшее изъ этихъ требованій было возведеніе на престолъ Іоанна, какъ было сказано; Дума Боярская была готова исполнить волю побѣдителей, которые въ сущности могли обойдтись безъ ея согласія, но какъ было это сдѣлать? Устранить Петра отъ престола казалось невозможнымъ: ему цѣловала крестъ Москва и вся Россія. Вручить скипетръ обоимъ братьямъ вмѣстѣ, имѣть двухъ царей въ одно время—было дѣломъ неслыханнымъ въ нашемъ отечествѣ.... Между тѣмъ толпы стрѣлецкія ежедневно шумѣли подъ окнами Грановитой Палаты, грозя своимъ мщеніемъ: страшные дни 15, 16 и 17 мая готовы были повториться.... Наконецъ 26 числа патріархъ, сопутствуемый духовенствомъ и боярами, отправился въ чертоги царскіе умолять Іоанна Алексѣевича раздѣлить престолъ съ братомъ своимъ. Царевичъ этотъ, чуждый всѣхъ потрясеній и черныхъ дѣлъ, совершенныхъ во имя его, не думавшій искать власти, набожный и хворый, подчинился въ этомъ, какъ и во всѣхъ

(56) Письмо царя къ стольнику Матюшкину въ Актахъ Археогр. Экспед. т. III.

другихъ случаяхъ своей жизни, постороннему влiянiю и согласился принять корону, совокупно съ Петромъ, *для усмиренiя народнаго.* Царевнѣ же положено было предоставить, за слабостiю одного и молодостiю другаго царя, управленiе дѣлами. Но и этого было еще недостаточно для честолюбивой Софiи. Она настояла, чтобъ Думой было опредѣлено и формальнымъ актомъ объявлено о первенствѣ Iоанна предъ Петромъ. Въ тоже время этою Думою, сдѣлавшеюся послушнымъ орудiемъ царевны, разграничены власть и принадлежности обоихъ царей, а именно Iоанну предоставлено было внутреннее управленiе государствомъ, веденiе же войнъ и прiемъ пословъ Петру. Это опредѣленiе было поднесено патрiархомъ отъ имени всего духовенства, царевичей (57), бояръ, и всего народа русскаго царевнѣ Софiи: власть, такимъ образомъ предлагаемую, она согласилась принять, и не стѣсняясь болѣе ложнымъ смиренiемъ, взяла твердою рукою кормило правленiя.

Немедленно была опредѣлена форма царскаго титула; Iоаннъ долженъ былъ писаться прежде Петра, послѣ именъ же царскихъ слѣдовало имя царевны-правительницы. За тѣмъ началась раздача награжденiй людямъ, содѣйствовавшимъ этому перевороту. Близкiй любимецъ царевны, человѣкъ, о которомъ въ послѣдствiи будемъ часто говорить, князь Василiй Голицынъ былъ сдѣланъ намѣстникомъ новгородскимъ, начальникомъ Посольскаго Приказа и государственныя большiя печати оберегателемъ. Кромѣ значительныхъ окладовъ, соединенныхъ съ этими должностями, и значенiе и дѣятельность Голицыну предоставлялись обширные; Новгородское намѣстничество искони считалось однимъ изъ почетнѣйшихъ, мѣсто же начальника Посольскаго Приказа дѣлало его какъ бы представителемъ Россiи передъ цѣлою Европою, однимъ изъ первыхъ придворныхъ сановниковъ, главнымъ дипломатическимъ лицемъ, и подчиняло ему въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ все пограничное управленiе Россiи. Иванъ Милославскiй получилъ Приказъ Большой Казны, то есть завѣдыванiе всѣми доходами государства; князь Иванъ Хованскiй назначенъ управлять, какъ, сказано Стрѣлецкимъ Приказомъ, то есть регулярными войсками, главною военною силою Россiи, а старшiй сынъ его, Андрей, Приказомъ Суднымъ. Не только такiе значительные люди, но и второстепенные сотрудники царевны не были забыты ею при раздачѣ милостей;

(57) Касимовскихъ, Сибирскихъ и Грузинскихъ, проживавшихъ тогда въ большой чести, но безъ всякой власти въ Москвѣ.

такъ напримѣръ расторопная ея прислужница, Ѳеодора Родимица, выдана была съ большимъ приданымъ замужъ за подполковника Озерова.

На стрѣльцовъ разумѣется щедрою рукою посыпались милости. Они получили почетное названіе *надворной пѣхоты*; къ обыкновеннымъ ихъ денежнымъ окладамъ сдѣлана была прибавка; кромѣ того, выдано имъ значительное единовременное награжденіе и уплачено недоданное жалованье съ 1673 года. Для покрытія всѣхъ этихъ издержекъ конфискованы были имущества людей, погибшихъ въ мятежѣ, и слѣдовательно признанныхъ виновными. Но не довольствуясь всѣмъ этимъ, стрѣльцы хотѣли, чтобъ правительство еще болѣе торжественнымъ образомъ признало ихъ заслуги. Съ этою цѣлію подана была царямъ 6-го іюня челобитная, въ которой сказано (58): «Въ нынѣшнемъ году въ Московскомъ Россійскомъ государствѣ учинилось побіеніе за Домъ Пресвятыя Богородицы и за васъ, великіе государи», и за тѣмъ исчислялись преступленія умерщвленныхъ бояръ, а именно: притѣсненія и неправды нѣкоторыхъ, злоумышленія и измѣна другихъ, въ томъ числѣ Матвеева, противъ царей и царскаго дома. Оклеветавъ такимъ образомъ вѣрнѣйшихъ слугъ царскихъ, стрѣльцы просили выдать имъ похвальныя грамоты за усердную ихъ службу, чтобы никто не смѣлъ и думать укорять ихъ за нее; а сверхъ того они изъявляли желаніе, чтобъ въ память этой службы на Красной площади былъ воздвигнутъ каменный столбъ съ изображеніемъ на немъ именъ умерщвленныхъ бояръ и преступленій каждаго изъ нихъ. Въ отвѣтъ на эту дерзкую челобитную, послѣдовалъ царскій указъ, который возбуждаетъ еще сильнѣйшія чувства сожалѣнія. Онъ начинается также словами: «Въ нынѣшнемъ году въ Московскомъ Россійскомъ государствѣ учинилось побіеніе за Домъ Пресвятыя Богородицы» и пр., потомъ повторены тѣ же клеветы про Матвеева, Долгорукихъ, Ромодановскихъ и пр., и въ заключеніе повелѣно имена этихъ несчастныхъ изобразить для поруганія на столбѣ.... Дальше этого униженіе не могло простираться! Каково было Петру, хотя еще и отроку, подписывать этотъ жестокій указъ! Сама царевна едва ли могла простирать свое мщеніе до того, чтобъ предавать поруганію не страшныхъ ей болѣе враговъ. Она была честолюбива и безъ сожалѣнія разрушала преграды, которыя были

(58) Акты Арх. эксп. т. IV. № 255.

у нея на пути, но зла безъ пользы для себя она не дѣлала. Напротивъ мы думаемъ, что это было первымъ проявленіемъ того насилія, которое она сама начинала испытывать со стороны стрѣльцовъ, и что она должна была согласиться на ихъ требованіе, потому что не имѣла силы не исполнить его. Дѣйствительно, скоро пришлось ей вступить въ борьбу со вчерашними своими союзниками, которые сдѣлались слишкомъ сильными, слишкомъ самовластными; изъ этой борьбы, какъ увидимъ ниже, она вышла побѣдительницею. Но на этотъ разъ ей надлежало покориться. Столбъ былъ воздвигнутъ на Красной площади, и стрѣльцы получили похвальные листы за красными печатями, которые съ торжествомъ и музыкою они носили по улицамъ устрашенной и опечаленной Москвы.

Видя возрастающія требованія и самовольство стрѣльцовъ, которые показывали много преданности новому своему начальнику, Хованскому, и не давались ей въ руки, царевна, опасаясь новыхъ переворотовъ, начала торопиться совершеніемъ обряда вѣнчанія надъ обоими царями. При этомъ еще разъ нельзя не подивиться той рѣдкой энергіи, которую выказывала эта необыкновенная женщина, когда желала чего нибудь достигнуть. При вѣнчаніи русскихъ царей искони употреблялись, какъ извѣстно, однѣ и тѣже регаліи, получившія священную цѣнность по своей древности и историческимъ воспоминаніямъ. Но регалій этихъ было по одному экземпляру. Много коронъ напримѣръ заключалось въ сокровищницѣ царской, но шапка Мономаха была одна, и она казалась священнѣе всѣхъ прочихъ. Это обстоятельство могло затруднить, но не остановило царевну; она приказала немедленно изготовить корону, скипетръ и прочія регаліи новыя, но совершенно подобныя стариннымъ, и все это было сдѣлано съ поспѣшностію и совершенствомъ, которымъ, какъ справедливо замѣчаетъ Миллеръ, нельзя не удивляться. Въ мѣсяцъ всѣ приготовленія были окончены.

Всю ночь, предшествовавшую дню вѣнчанія, патріархъ и почетнѣйшее духовенство молились въ Успенскомъ Соборѣ. Съ утра загудѣлъ большой колоколъ, и Москва, забывая недавнія смятенія, радостно поспѣшила въ Кремль. Рано утромъ, вкусивъ лишь нѣсколько часовъ отдохновенія, патріархъ, сопутствуемый духовенствомъ, вступилъ въ храмъ. Потомъ съ большою церемоніей были принесены туда царскія регаліи. Бояре Шеинъ и князь Троеку-

ровъ несли вѣнцы, окольничьи Пушкинъ и Чаадаевъ—скипетры, казначей Толочановъ и печатникъ Башмаковъ—державы; шествіе это открывалъ оберегатель государственной печати, князь Василій Голицынъ. Звонъ всѣхъ кремлевскихъ колоколовъ потрясалъ воздухъ во время этого шествія (59). Депутація духовенства встрѣтила и приняла отъ бояръ регаліи и отнесла въ Соборъ. Затѣмъ князь Голицынъ пошелъ извѣстить царей, что все готово къ ихъ принятію. Тогда съ Краснаго крыльца начала спускаться торжественная процессія. Шествіе открывали стольники, стряпчіе, дворяне, потомъ, по старшинству, окольничіе, думные дьяки и комнатные ближніе люди, которые окружали царей. Наконецъ шествовали цари, въ золотыхъ одеждахъ, съ мѣховыми шапками на головахъ, украшенными драгоцѣнными каменьями. Позади ихъ шли бояре и прочіе знатные свѣтскіе сановники. При вступленіи царей въ храмъ патріархъ благословилъ ихъ, послѣ чего они вошли на приготовленное для нихъ возвышеніе, на которомъ стоялъ тронъ, общій для нихъ обоихъ. Царя Іоанна при этомъ поддерживали ближніе бояре князь Прозоровскій и Юшковъ, Петра—ближній бояринъ и окольничій Стрѣшневы.

За тѣмъ начался обрядъ вѣнчанія, и потомъ обѣдня, по окончаніи которой цари вышли изъ храма уже въ царскихъ одеждахъ. При выходѣ сибирскіе царевичи осыпали ихъ золотою и серебряною монетою, послѣ чего цари продолжали свое шествіе въ церковь Михаила Архангела, оттуда къ Благовѣщенью и наконецъ черезъ Красное крыльцо возвратились во дворецъ. Въ этотъ день патріархъ, знатнѣйшее духовенство, бояре и окольничіе обѣдали у царей въ Грановитой Палатѣ. Въ этотъ же день были дарованы многія милости, которыми по большой части воспользовались друзья или друзья друзей царевны: одинъ изъ Милославскихъ и князь Андрей Хованскій, сынъ князя Ивана, Плещеевъ, Соковнинъ и знаменитый въ послѣдствіи Борисъ Петровичъ Шереметевъ произведены въ бояре....

Дворъ и Москва ликовали, и казалось, что ни въ чьемъ сердцѣ не оставалось мѣста печальнымъ воспоминаніямъ.

---

(59) Описаніе этой церемоніи взято изъ выписки, заключающейся въ Сборникѣ Туманскаго, изъ Полн. Собр. Законовъ Россійск. Импер., томъ II, стр. 412.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вступленіемъ на престолъ Іоанна не окончились смуты: сѣмена зла и безпорядка были слишкомъ многочисленны. Мы видѣли, какой взрывъ произведенъ былъ духомъ придворныхъ партій, соединившимся съ строптивымъ духомъ дурно-организованнаго, дурно-управляемаго войска; но это были не единственные плевелы, возросшія на старинной русской почвѣ: были еще и другіе, которыхъ корни разрослись, можетъ быть, еще глубже. Мы разумѣемъ расколы.

Еще въ весьма отдаленныя времена находимъ мы грамоты епископовъ и митрополитовъ нашихъ (1) къ людямъ, которые, имѣя можетъ быть справедливыя причины неудовольствій противъ священниковъ, начали громко вооружаться противъ нихъ. Нѣкоторые, восходя отъ результатовъ къ причинамъ, стали находить, что самое званіе священства установлено произвольно, что оно не необходимо, и наконецъ, какъ ненужное, вредно. Обратясь такимъ образомъ отъ лицъ къ самимъ догматамъ, люди эти основали цѣлое ученіе, коего послѣдователи извѣстны подъ именемъ стригольниковъ. Стригольническая секта возникла въ Новгородѣ и мало по малу усилилась до такой степени, что великіе князья нашлись принужденными употребить противъ нея силу

---

(1) Историч. извѣстія о древнихъ стригольникахъ и проч.

Имя этой секты исчезло, но отъ ней навѣрное остались въ народѣ сѣмена, давшія въ послѣдствіи сильные ростки.

При общемъ неустройствѣ и бѣдствіяхъ народныхъ, во времена княжескихъ междоусобій и татарщины, конечно не могло быть удовлетворительнаго порядка въ отношеніяхъ церкви къ обществу. Не всегда строгая жизнь и недостаточное образованіе духовныхъ особъ, ихъ произвольныя толкованія священныхъ книгъ (2), наконецъ эта мистическая экзальтація, которая овладѣваетъ племенами утѣсненными и страдающими (3), все это вмѣстѣ имѣло слѣдствіемъ то, что многіе стали отвергать духовную пищу, предлагаемую мѣстнымъ священствомъ, и искать утѣшеній въ собственныхъ созерцаніяхъ и вдохновеніяхъ, посреди пустынь и дебрей. И не должно думать, чтобъ люди эти были бродяги, принужденные бѣдностію или преступленіемъ оставлять общество: можетъ быть были и такіе, но со стороны многихъ это было дѣломъ убѣжденія. Такъ одинъ изъ членовъ старинной и нѣкогда знатной фамиліи князей Мышецкихъ удалился, въ царствованіе царя Василія Шуйскаго, въ мрачные лѣса нынѣшней Архангельской губерніи, и потомки его были одними изъ главныхъ вождей раскола.

При этомъ надо принять въ соображеніи еще одно обстоятельство: съ самаго начала нашей церкви существовалъ обычай испрашивать рукоположенія русскому митрополиту у константинопольскаго патріарха. Когда же Царьградомъ овладѣли Турки, церковь наша получила независимость, благодѣтельную можетъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но вредную съ одной стороны: на престолѣ первосвятительскомъ чаще стали возсѣдать лица недостаточно образованныя, которыя мало по малу допустили въ обряды и въ книги духовныя вкрасться ошибкамъ, ежедневно усиливавшимся отъ невѣжества священниковъ и безграмотности переписчиковъ.

Когда Россія отдохнула отъ долгихъ своихъ страданій, а въ администраціи, какъ политической, такъ и духовной, учредилось болѣе правильности и порядка, стала ощутительна необ-

---

(2) Исторія Россійской церкви, стран. 107.—«Инъ бо учитъ сице, инъ сице», говоритъ Св. Димитрій Ростовскій въ Розыскѣ о расколѣ брынской вѣры.

(3) Исторія Россійской церкви, томъ III, стр. 63.

ходимость преобразованія въ дѣлахъ церковныхъ. При царѣ Василіи Іоанновичѣ прибылъ изъ Греціи ученый монахъ Максимъ, которому поручено было заняться исправленіемъ духовныхъ книгъ, на основаніи старинныхъ славянскихъ и греческихъ подлинниковъ. Дѣло, возложенное на *Максима Грека*, какъ его называютъ лѣтописи, не имѣло слѣдовательно необыкновенной важности, но оно показалось тогдашнему духовенству посягательствомъ на святыню; къ этому присоединились нѣкоторые придворные происки, и ученый Максимъ обвиненъ въ искаженіи текста и сосланъ въ заточеніе, гдѣ пробылъ слишкомъ тридцать лѣтъ, до самой смерти своей.

При Грозномъ возобновлены были попытки исправленія духовныхъ книгъ. Но сличая книги, предложенныя къ исправленію, не съ древними оригиналами, а съ списками, во многихъ мѣстахъ неисправными, лица, созванныя для этого дѣла, не только не искоренили, а напротивъ утвердили нѣкоторыя ошибки, какъ напримѣръ двухперстное знаменіе (4). На составленныя тогда постановленія, извѣстныя подъ именемъ Стоглава, въ послѣдствіи и опирались люди, отвергавшіе исправленія, произведенныя Никономъ.

Послѣ смерти Іоанна IV смуты, какъ извѣстно, въ теченіе полувѣка обуревавшія Россію, отвлекли вниманіе государей отъ духовныхъ реформъ, такъ что не ранѣе какъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ за нихъ принялись снова. По приглашенію Алексѣя Михайловича составился, въ 1654 году, новый соборъ, на которомъ предсѣдательствовалъ за два года передъ тѣмъ возведенный въ патріаршее достоинство знаменитый Никонъ.

Много было высказано различныхъ мнѣній объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, но кажется до сихъ поръ исторія не произнесла надъ нимъ окончательнаго приговора. Юность его протекла въ глубокомъ уединеніи. Онъ жилъ на дикомъ островѣ, окруженный водами пустыннаго озера, и только три раза во время долгаго своего отшельничества, и то противъ воли, имѣлъ сообщеніе съ людьми. Ревность его къ вѣрѣ доходила до фанатизма, и, можетъ быть, безпрестанное напряженіе одной мысли, востор-

(4) «Наставленія правильно состязаться съ раскольниками», сочин. еписк. [illegible] Сл...ева.

женныя созерцанія и совершенное одиночество, дали бы наконецъ одностороннее направленіе его уму; можетъ быть онъ умеръ бы безвѣстнымъ схимникомъ, еслибъ царь не вызвалъ его на поприще положительной дѣятельности. Въ короткое время онъ достигъ сана архіепископа и потомъ митрополита новгородскаго. На этомъ возвышенномъ постѣ имѣлъ онъ случай обнаружить всю силу своего характера: извѣстно, какую высокую гражданскую доблесть обнаружилъ онъ во время бывшаго при немъ въ Новгородѣ возмущенія. Смѣлый духъ этого человѣка не зналъ страха, также какъ упорный его умъ не зналъ уступки; не возможно далѣе Никона простирать непреклонность убѣжденій. Онъ имѣлъ нѣчто напоминающее Иннокентія III, Григорія VII, этихъ великихъ типовъ Латинской церкви, именно — глубокое убѣжденіе въ безконечномъ величіи своего сана и своего назначенія. Никона упрекаютъ въ властолюбіи: это справедливо; но онъ желалъ все окружающее подчинить не особѣ своей, а своему званію; упрекаютъ въ безмѣрной строгости, — и это справедливо: но возвышая духовный чинъ, онъ желалъ, чтобъ лица, къ нему принадлежащія, были его достойны.

Будучи новгородскимъ митрополитомъ, Никонъ ярко выказалъ всѣ эти свойства. Онъ каралъ безпощадно недостойныхъ священниковъ и возвышалъ духовенство, подвергалъ себя добровольнымъ лишеніямъ, требовалъ того же отъ другихъ, и въ то же время наполнялъ храмы великолѣпіемъ, завелъ искусныхъ пѣвчихъ и всему служенію церковному придалъ торжественность, порядокъ и величіе, какихъ не было въ другихъ митрополіяхъ Это скоро обратило на Никона всеобщее вниманіе. Одни порицали и горько осуждали его, другіе ему удивлялись. Царь видимо ему покровительствовалъ, за то патріархъ, тогда бывшій, Іосифъ, столь же явно не доброжелательствовалъ ему. Впрочемъ престарѣлый святитель руководился въ этомъ не столько своими собственными убѣжденіями, сколько внушеніями его окружавшихъ, особенно священниковъ Аввакума и Никиты, въ послѣдствіи весьма извѣстныхъ. По ихъ настоянію повелѣлъ патріархъ напечатать нѣсколько книгъ, направленныхъ противъ нововведеній Никона и произведшихъ на умы печальныя слѣдствія,—недоумѣніе, сомнѣніе и раздоръ.

Въ 1653 году скончался Іосифъ, и царь пожелалъ видѣть на патріаршемъ престолѣ Никона. Сказываютъ, что Никонъ долго от-

казывался отъ этой чести; весьма вѣримъ: при своихъ непреклонныхъ убѣжденіяхъ, при крутомъ своемъ нравѣ, онъ долженъ былъ предвидѣть ожесточенную борьбу на патріаршемъ престолѣ. Но царь настаивалъ; Никонъ согласился и съ перваго же шага пошелъ на встрѣчу опасности.

Онъ началъ съ того, что подвергъ строгому наказанію людей, участвовавшихъ въ сочиненіи книгъ, о которыхъ мы выше говорили; потомъ приступилъ къ великой реформѣ духовной, столько разъ безуспѣшно предпринимаемой. Онъ озаботился достать сколько можно болѣе и сколь можно древнѣйшихъ рукописей, по которымъ предполагалъ сдѣлать повѣрку церковныхъ книгъ; по его просьбѣ константинопольскій патріархъ снабдилъ соборъ, созванный въ Москвѣ, подлинниками, изъ коихъ нѣкоторые относились къ первымъ вѣкамъ христіанства, числомъ до пятисотъ. Тогда, съ полною надеждою на достиженіе истины, соборъ приступилъ къ своимъ дѣйствіямъ.

Всѣ дѣйствія этого собора совершались съ большою торжественностію; опредѣленія его были обнародываемы по всей Россіи. Можно было надѣяться, что шаткіе умы утвердятся, а строптивые принуждены будутъ покориться. Раскольники преданы были анаѳемѣ и подвергнуты преслѣдованіямъ свѣтской и духовной власти (5); главные же ихъ учители потерпѣли жестокое наказаніе; Аввакумъ и Никита были заключены. Соборъ дѣйствовалъ быстро и рѣшительно. Но зло было глубоко вкоренено, и вырвать его было трудно. Многіе все еще съ сомнѣніемъ взирали на опредѣленія новаго собора, который опровергалъ постановленія Стоглава. Къ неосновательнымъ, но добросовѣстнымъ сомнѣніямъ примѣшивались другія, менѣе честныя чувства; люди, нерасположенные къ Никону, который между тѣмъ палъ, перенесли это нерасположеніе и на его дѣло. Особенно между духовными весьма многіе, раздраженные его суровостію, переходили подъ знамена раскола; лѣсныя чащи наполнились хижинами и шалашами этихъ отщепенцевъ. Жители окрестныхъ мѣстъ слышали вдругъ, въ необитаемомъ дотолѣ мѣстѣ, звонъ колокола (6), спѣшили на этотъ призывный звукъ, встрѣчали старца, молящагося въ чащѣ дебри, съ участіемъ внимали его разказамъ о преслѣдованіяхъ, которымъ

---

(5) Жезлъ правленія.
(6) Ист. изв. о Стриголы.

будто бы подвергалась вѣра праотцевъ, о пришествіи Антихриста, о близкомъ концѣ міра. Имена Никона и никоніанцевъ произносимы были съ проклятіями, сѣтованія объ утратѣ православія сопровождались слезами, и простодушные поселяне съ благоговѣніемъ взирали на отшельника, потомъ возвращались къ нему, чтобъ слушать его поученія, приносили ему посильные дары, требуя за то только его благословенія, и по немогу обращались къ расколу. Иные поселялись вокругъ своего учителя, оставляя, вмѣстѣ съ жилищами своими, семейства, имущества, всѣ обольщенія житейскія. Такъ образовались во многихъ мѣстахъ монастыри или *скиты* раскольничьи, центры ученій, направленныхъ противъ господствующей церкви. Естественно, что эти скиты основались преимущественно въ отдаленныхъ отъ Москвы мѣстахъ; низовья Дона и Днѣпра, берега Волги, страны пограничныя съ Литвой, Ливоніей и Швеціей, даже отдаленная Сибирь, наполнились раскольниками. Но главнымъ центромъ ихъ было такъ-называемое поморье за-Онѣжское, тѣ суровыя и печальныя страны, гдѣ нѣкогда поселился фанатикъ Мышецкій. Здѣсь живѣе сохранились преданія старинныхъ стригольниковъ, страна была мало доступна надзору, все благопріятствовало сильному развитію отдѣлившейся секты. Вліяніе ея простерлось далеко. Соловецкій монастырь, одна изъ значительнѣйшихъ обителей въ Россіи, былъ потрясенъ расколомъ и предался ему, отвергнувъ въ одно и тоже время господство духовной и свѣтской власти.

Ударъ этотъ былъ чувствителенъ. Монастырь Соловецкій обладалъ такимъ богатствомъ, что было время, когда царь Алексѣй, истративъ всю казну свою на войны съ Поляками, принужденъ былъ прибѣгнуть къ Соловецкой братіи, и получилъ весьма значительное пособіе (7). Понятно, какую власть могли придать мятежникамъ столь великія богатства. доставшіяся въ ихъ руки. Правительство и патріархъ увѣщевали, грозили,—напрасно; наконецъ было послано сильное войско подъ начальствомъ воеводы Мещеринова, который взялъ приступомъ воинственную обитель.

Такимъ образомъ матеріяльное развитіе власти раскольниковъ было пріостановлено, но расколъ по-прежнему, и еще сильнѣе,

(7) Акт. Арх. Экс. Т. IV № 149.

сталъ похищать не только гражданъ у государства, но и у церкви ея служителей. Попъ Никита, нѣкогда заточенный Никономъ, покаявшійся въ своей ереси, отвергшій ее и прощенный, «возвратился, говоритъ Крекшинъ, какъ песъ на свои блевотины». Несравненно важнѣйшій еще успѣхъ одержалъ расколъ, когда ему предался одинъ изъ значительнѣйшихъ духовныхъ сановниковъ, епископъ коломенскій, Павелъ, самъ засѣдавшій въ соборѣ Никоновомъ. Напрасно новые соборы, предсѣдательствуемые восточными патріархами, подтверждали постановленія Никона и обличали ересь раскольниковъ; расколъ гордо поднялъ голову и въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя ни лжеучители, ни ихъ послѣдователи, не скрывались.

Въ чемъ состояло ученіе раскола, мы считаемъ себя обязанными упомянуть только въ общихъ чертахъ. Самое названіе *старообрядцевъ*, принятое послѣдователями этой секты, указываетъ на основанія ея. Дѣйствительно, отвергая исправленія, утвержденныя послѣднимъ соборомъ, раскольники признавали истинными и священными только старыя книги и старые образа; писали Іссусъ вмѣсто Іисусъ, крестились двумя перстами, служили на семи просфорахъ и поклонялись только осьмиконечному кресту (8).

Старыя книги, чтимыя ими, они пріобрѣтали не щадя ни денегъ, ни трудовъ; употребляли подкупы и обманы, чтобъ добывать старинные образа, и чѣмъ живопись была на нихъ чернѣе, чѣмъ лики святыхъ были удаленнѣе отъ естественныхъ лицъ человѣческихъ, тѣмъ драгоцѣннѣе и святѣе казались они необразованнымъ изувѣрамъ. Отвергаемые церковію, преслѣдуемые правительствомъ, они, такъ сказать, заключались въ самихъ себя; считали оскверненіемъ всякое сношеніе съ никоніанцами, не хотѣли ни пить, ни ѣсть изъ однихъ посудинъ съ ними, очищали молитвами припасы, которые необходимость заставляла ихъ покупать внѣ своего общества, церкви православныя называли амбарами и хлѣвами, а священниковъ хищными волками (9).

Въ такомъ духѣ нетерпимости и исключительности былъ написанъ ими катихизисъ, служившій основаніемъ ихъ ученію. Различествуя отъ православія собственно въ томъ, что есть осязаемаго и символическаго въ религіи, ученіе это, проповѣдуемое

(8) Розыскъ о раскольн. Брынск. вѣры, Св. Димит. Ростовск.
(9) Увѣтъ духовный стр. 13.

по большей части безграмотными фанатиками, развило символизмъ и какую-то чувственную мистику до невѣроятныхъ безразсудствъ (10). Такъ картины, всегда духовнаго содержанія, которыми облѣпляли они стѣны своихъ избъ, еще болѣе нелѣпы по содержанію, чѣмъ по исполненію: на нихъ изображается то какая нибудь чудовищная птица, подъ которою церковными буквами и риѳмованною прозою подписано, что когда эта птица закричитъ и размахнетъ крыльями, тогда настанетъ страшный судъ; то представленъ самъ Антихристъ съ своими аггелами (которые всѣ поименованы), воюющій противъ святыхъ и архангеловъ. Всѣ эти странныя исчадія грубо мистической экзальтаціи были чествуемы, почти обожаемы старовѣрами, и какъ были за двѣсти лѣтъ, такъ и теперь все тѣже, неизвѣстно.

Упорная, злостная неподвижность и неизчерпаемая бездна предразсудковъ были результатами этого ученія, освящавшаго старинность и обоготворявшаго символъ. Потому, что Спаситель изображается съ бородою, они считаютъ неискупимымъ грѣхомъ бритье подбородковъ. Одинъ изъ духовныхъ писателей, бывшій сначала раскольникомъ, увѣряетъ, что для лучшаго очищенія покупаемыхъ ими у никоніанцевъ съѣстныхъ припасовъ, они просверливали въ печахъ дыры, чрезъ которыя удобнѣе можетъ проникать, полагали они, благодать... (11). Убѣжденные, что Антихристъ дѣйствительно пришелъ на землю и что царствованіе его началось, они томились мыслію о близости страшнаго суда и во многихъ мѣстахъ—это не вымыселъ романиста — одѣвались въ саваны, зажигали свѣчи и ложились въ гробы, въ ожиданіи трубы архангела (12).

Всѣ эти нелѣпыя понятія получили главное свое развитіе въ за-Онѣжскомъ поморьѣ, то есть въ нынѣшней Олонецкой и Архангельской губерніяхъ.

Тамъ находился монастырь, чтимый всѣми старовѣрами и называемый, по имени рѣки, на которой былъ построенъ, Выгорѣцкимъ. Во второй половинѣ XVII столѣтія проживали здѣсь потомки упомянутаго выше князя Мышецкаго, давно забывшіе свое

---

(10) Пишущему эти строки случалось слышать отъ гребенскихъ казаковъ, усердныхъ старовѣровъ, что чай, кофе и табакъ потому прокляты, что *родились отъ блудницы*.

(11) Истор. извѣстія о Стригольн.

(12) Тамъ же.

первоначальное происхожденіе. Старцы Андрей и Симеонъ Денисовы, какъ ихъ называли, кое-какъ и въ совершенныхъ уже лѣтахъ научившись грамотѣ, написали нѣсколько книгъ, которыя съ катихизисомъ и небольшимъ числомъ другихъ духовныхъ сочиненій, составляютъ пандемоніумъ старообрядческой мудрости.

Но воображеніе, приведенное однажды въ движеніе и не управляемое благоразуміемъ или наукою, не находитъ предѣловъ своему разгулу. Всякъ думалъ и задумывался между раскольниками о близкомъ концѣ міра, о пришествіи Антихриста. Объ этомъ мечталъ и старецъ, удрученный веригами и успѣвшій умертвить свою плоть, мечталъ и здоровый молодой отшельникъ, кровь котораго громко вопіяла; мечталъ наконецъ безграмотный пастухъ, пасшій монастырскія стада среди лѣснаго уединенія (13). Каждый изъ нихъ провозглашалъ результаты своихъ созерцаній, и такъ какъ между раскольниками не было центральной духовной власти, то каждый принималъ то изъ этихъ толкованій, которое болѣе согласовалось съ его образомъ мыслей, наклонностями, темпераментомъ. Такимъ образомъ расколъ скоро развѣтвился на множество отраслей. Явилась секты, которыя въ томъ убѣжденіи, что жизнь обречена грѣху и что искушеніе сильнѣе человѣка, провозгласили самоубійство святымъ дѣломъ; явились такіе, которые умѣли обоготворить самый необузданный развратъ; наконецъ нѣкоторые, все больше и больше восходя къ старинѣ, дошли до сближенія съ іудейскими началами (14).

Всѣ эти секты, которыхъ число безмѣрно увеличилось въ послѣдствіи, презирали и ненавидѣли другъ друга; но у нихъ было общее одно—заклятая вражда противъ православной церкви и противъ признающаго ее правительства. Понимая въ буквальномъ смыслѣ безпрестанно повторяемые возгласы о воцареніи Антихриста, они полагали его олицетвореннымъ въ особѣ то царя, то патріарха. Въ послѣдствіи за то, что поморскіе раскольники согласились поминать царскую фамилію на ектеньѣ, отъ нихъ отложилась часть братіи и образовала отдѣльную секту (15).

(13) Истор. извѣстія о Стригольн.

(14) Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками.

(15) Истор. извѣстія о Стригольн.

И не должно думать, чтобъ расколъ заключался только въ стѣнахъ скитовъ; онъ проникъ во всѣ классы русскаго народа и во всѣхъ областяхъ, городахъ, въ самой Москвѣ имѣлъ весьма большое количество послѣдователей которые таились во времена гоненій, он при благопріятныхъ обстоятельствахъ гордо подымали голову. Въ особенности много было этихъ сектаторовъ между стрѣльцами. Такимъ образомъ когда царевна вступила въ сношенія съ стрѣлецкимъ войскомъ, она должна была неизбѣжно встрѣтиться съ расколомъ. Вступила ли она въ союзъ съ нимъ? Это еще одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которые не существуетъ неотразимыхъ доказательствъ; но многія соображенія заставляютъ насъ отвѣчать на это утвердительно.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли думать, чтобы питая свой властолюбивый замыселъ, имѣя противъ себя при томъ бо́льшую часть аристократіи, да и мнѣніе народа вообще, какъ бы оно ни мало цѣнилось, можно ли думать, говоримъ, чтобъ умная царевна, чтобъ осторожный Милославскій, чтобъ Голицынъ, не предприняли всевозможныхъ мѣръ для обезпеченія успѣха, и не озаботились пріискать себѣ союзниковъ вездѣ, гдѣ только могли ихъ найдти? А въ этомъ смыслѣ чьего расположенія было ближе искать, какъ не цѣлаго сословія людей, для которыхъ все существующее по благословенію патріарха, все правительственное было ненавистно? Правда, нигдѣ не замѣтно прямаго участія раскольниковъ въ переворотахъ, предавшихъ власть въ руки царевны; но ей и не нужно было,—напротивъ, ей было опасно приводить въ движеніе всю эту фанатическую массу; для нея достаточно было, чтобъ главные предводители сектъ изъявили свое сочувствіе ея предпріятію и благословили на оное покорныхъ имъ стрѣльцовъ. Есть поводъ думать, что такія сношенія и дѣйствительно существовали между Софіей и главными лицами раскола. Авторъ «Историческихъ извѣстій о стригольникахъ» и пр., долго жившій между раскольниками, говоритъ, что между ними есть преданіе о существованіи и доселѣ въ выгорѣцкихъ скитахъ писемъ царевниныхъ. Какимъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для исторіи было бы открытіе этихъ писемъ!...

Наконецъ весьма сильнымъ намекомъ на связь между раскольниками и партіей царевны должно считать возвышеніе Хованскихъ. Мы видѣли выше, что князь Иванъ пользовался

не слишкомъ выгоднымъ мнѣніемъ со стороны какъ своихъ воинскихъ доблестей, такъ и способностей гражданскихъ. Правда, происхожденіе его было знатно, онъ считалъ многихъ польскихъ и венгерскихъ королей между своими предками, но во первыхъ, о знатности родовъ въ древней Россіи существовали понятія, не совсѣмъ сходныя съ понятіями западными, нынѣшними; во вторыхъ, знатность рода намъ кажется весьма недостаточнымъ объясненіемъ столь быстраго возвышенія: много было въ Россіи именъ не менѣе древнихъ и не менѣе славныхъ, чѣмъ родъ Хованскихъ. Но князь Иванъ, долго будучи воеводою во Псковѣ, гдѣ, какъ и во всѣхъ пограничныхъ областяхъ, сильнѣе гнѣздился расколъ, сталъ его послѣдователемъ; а какъ его имя, богатство и связи должны были давать ему важность между врагами православія, то Софія, возвышая его, льстила всей массѣ его единомышленниковъ и пріобрѣтала ихъ расположеніе. Такъ въ нашемъ понятіи объясняется внезапное величіе Хованскихъ, и такъ въ свою очередь оно подтверждаетъ догадки о союзѣ царевны съ раскольниками.

Но союзъ этотъ едва не сдѣлался ей столько же опаснымъ, можетъ быть еще болѣе опаснымъ, чѣмъ подобный же союзъ со стрѣльцами; она раздула пожаръ, и пламя стало грозить ей самой. Ободренные возвышеніемъ Хованскихъ и униженіями, которыя претерпѣлъ патріархъ въ послѣднее время, считая притомъ царевну своею жаркою покровительницею, раскольники гордо воспрянули. Политическую интригу, для успѣха которой нужно было ихъ случайное торжество, они приняли въ своемъ фанатическомъ ослѣпленіи за первый шагъ къ полной побѣдѣ, за первый ударъ владычеству Антихриста. Нетерпѣливые довершить начатое дѣло, учители и проповѣдники раскола явились въ Москвѣ, гдѣ Хованскій и бо́льшая часть стрѣльцовъ съ радостію ихъ приняли.

Хованскій, придерживавшійся раскола секты монаха Капитона, издавна держалъ у себя поповъ старообрядческихъ и имѣлъ молельню; но прежде онъ дѣлалъ это тайно, теперь же пересталъ таиться. Молельня наполнялась единомышленниками; попы его, соединившись со вновь-прибывшими въ Москву, между которыми былъ извѣстный Никита, стали явно совершать свои обряды, бродили по слободамъ стрѣльцовъ, по улицамъ московскимъ, и открыто проповѣдывали свое ученіе. Толпы стрѣльцовъ и другихъ раскольниковъ слѣдовали за ними, народъ изъ любо-

пытства увеличавалъ эти сходбища, такъ что столица православія представляла зрѣлище страннаго соблазна. «Постойте, кричали проповѣдники, постойте, православные, за истинную вѣру, которая гибнетъ и у насъ на Руси, и у Грековъ, и во всей землѣ!» — «И кто, говоритъ патріархъ Іоакимъ въ своемъ Увѣтѣ, кто не содрогнется отъ такихъ словъ!»

Дѣйствительно сердца многихъ простодушныхъ и набожныхъ людей, слышавшихъ эти проповѣди, содрогались, а въ чемъ не успѣвало краснорѣчіе проповѣдниковъ, то довершалъ грозный видъ стрѣльцовъ, готовыхъ вмигъ унять всякое возраженіе и заставить покориться всякаго невѣрующаго.

Правительство, съ своей стороны, не предпринимало никакихъ мѣръ противъ такого безпорядка. Это было время страшной анархіи въ Москвѣ; царевна еще не успѣла, такъ сказать, осмотрѣться; дума же боярская была морально уничтожена майскими потрясеніями и не только не искала какими нибудь энергическими дѣйствіями возвратить потерянное значеніе, но напротивъ какъ будто нарочно старалась заставить себя забыть, находя безопасность въ своемъ униженіи. По этому дерзость и буйство раскольниковъ возрасли до того, что стали грозить новымъ возмущеніемъ. Не далѣе какъ черезъ три недѣли послѣ перваго мятежа, когда всѣ умы еще были полны опасенія, а именно 5-го іюля (16), толпа этихъ безумцевъ вломилась въ самый Кремль. Тамъ подъ окнами царскихъ и патріаршихъ палатъ, у самой паперти Успенскаго собора, лжеучители разставили свои аналои, зажгли свѣчи, развернули свои книги и стали проповѣдывать ненависть къ православію, ругать исправленные образа и проклинать патріарха.

Патріархъ въ это время находился въ соборѣ, возгласы лжеучителей и клики народа раздавались подъ сводами храма и мѣшали богослуженію. Первосвятитель выслалъ священника, чтобъ усовѣстить безумцевъ и убѣдить ихъ по крайней мѣрѣ перенести въ другое мѣсто свое засѣданіе. На слова этого посланнаго разумѣется не было обращено вниманіе, а напротивъ клики усилились, и самъ священникъ едва не былъ побитъ каменьемъ.

Между тѣмъ князь Иванъ Хованскій во все это время разыгрывалъ, и довольно искусно, лукавую роль посредника между дво-

(16) Увѣтъ духовный. Матвеевъ. Крекшинъ.

ромъ и народомъ. Самъ подвигнувъ народъ на какое нибудь мятежническое движеніе, онъ ѣхалъ потомъ ко двору, и вѣроломно оплакивалъ буйство черни, преувеличивалъ ея ожесточеніе и силу, и устрашивъ такимъ образомъ правительство, побуждалъ его принимать иногда ложныя мѣры, которыя въ свою очередь увеличивали волненіе. Точно такъ же поступилъ Хованскій и въ настоящемъ случаѣ; онъ говорилъ, что такъ какъ народъ волнуемъ разномысліемъ религіознымъ, и какъ вся Москва принимаетъ живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ, то лучшею мѣрою было бы повелѣть патріарху съ духовенствомъ съ одной стороны, старообрядческимъ попамъ и учителямъ съ другой, войдти въ публичное состязаніе, которое наконецъ рѣшитъ, кто правъ, кто ошибался (17)?

Естественно, что въ состязаніи между ученѣйшимъ духовенствомъ московскимъ и безграмотными попами раскольничьими, побѣда должна была остаться за первыми. Но Хованскій и не расчитывалъ на діалектику; онъ надѣялся, что стрѣльцы, слишкомъ сильные и своевольные, не потерпятъ противорѣчія, примутъ участіе въ диспутѣ и прибѣгнутъ къ силѣ противъ патріарха и духовенства. Поэтому онъ также желалъ, чтобы царская фамилія не присутствовала при этомъ, полагая, что ея присутствіе удержитъ народъ въ предѣлахъ порядка. Но лукавая мысль Хованскаго была проникнута, и въ публичномъ состязаніи ему было отказано, а предложено состязаніе въ Грановитой Палатѣ, въ присутствіи царской фамиліи, двора и выборныхъ людей всѣхъ чиновъ и сословій. Это предложеніе не соотвѣтствовало намѣреніямъ Хованскаго. Особенно присутствіе царей и правительницы, любимой еще стрѣльцами, его затрудняло. Онъ убѣждалъ не подвергать главы вѣнценосцевъ опасности. Раскольники, говорилъ онъ, злы на патріарха; стрѣльцы и часть народа ихъ поддерживаютъ: что̀ если преніе ожесточитъ сердца до того, что произойдетъ смятеніе? что̀ можетъ случиться съ царями и со всѣмъ домомъ царскимъ? Но Хованскій имѣлъ дѣло съ царевною, которую не легко было обмануть. Она проникла тайную цѣль лицемѣра и надѣялась, что присутствіе царей и ея собственное будетъ въ состояніи предотвратить грозу. На убѣжденія Хованскаго она отвѣчала рѣшительно,

---

(17) Медвѣдевъ.

что во всякомъ случаѣ она намѣрена раздѣлить судьбу патріарха и православія; и такъ какъ во время этихъ переговоровъ обѣдня кончилась, то послано было къ святѣйшему Іоакиму приглашеніе поспѣшить въ Грановитую Палату.

Видя неудачу всѣхъ своихъ затѣй, Хованскій отважился на последнее средство. Онъ отправился самъ къ патріарху, чтобъ передать ему приглашеніе, и прибавилъ, что цари желаютъ, чтобъ онъ вступилъ во дворецъ чрезъ Красное крыльцо.

Такимъ образомъ патріарху надлежало проходить сквозь толпу раскольниковъ, которые, расчитывалъ Хованскій, увидя посреди себя главнаго сановника церкви, по первому сигналу могутъ его разтерзать. Но и этотъ замыселъ разрушила Софія, приказавъ провести патріарха по тайной лѣстницѣ (18).

Множество знатнаго духовенства собралось въ Грановитую Палату: восемь митрополитовъ, пять архіепископовъ, два епископа и большое число игумновъ, священниковъ и пр. явились вслѣдъ за патріархомъ. Съ своей стороны царевна сдержала свое слово и прибыла сама вмѣстѣ съ обоими царями, царицей Натальей Кириловной, и царевнами Татьяной Михайловной и Марьей Алексѣевной. Потомъ были введены знатнѣйшіе свѣтскіе сановники и выборные отъ всѣхъ полковъ. Когда всѣ заняли слѣдующія имъ мѣста, повелѣно было впустить раскольниковъ.

По большей части это были люди самой мелкой черни, — бродяги, бѣглые холопы; многіе были не трезвы. Они вломились безпорядочною, буйною толпою, таща съ собою скамейки, аналои, и радостно помахивая своими тетрадками. Не ожидая ни чьего разрѣшенія, они зажгли свѣчи, разложили свои иконы и книги, и начали говорить тономъ людей, приглашенныхъ не для пренія, но для поученія и обращенія присутствующихъ. «Мы пришли утвердить, говорили они, старую вѣру, безъ которой нельзя спасти души своей.» И вслѣдъ за тѣмъ подали они царямъ челобитную, которую немедленно начали громогласно читать. Во время чтенія этой челобитной, въ которой излагалось требованіе возстановленія старой вѣры, —Никита, получившій названіе Пустосвята, усиливалъ дѣйствіе письменнаго краснорѣчія восклицаніями и прибавленіемъ, къ грубымъ выраженіямъ челобитной, ругательствъ противъ патріарха.

(18) Медвѣдевъ.

Одинъ изъ присутсвовавшихъ, архіепископъ холмогорскій Аөанасій, замѣтилъ Никитѣ неприличность его поступковъ. Никита, который, подобно Хованскому, также не много надѣялся на силу своихъ доводовъ, и искалъ только случая произвести схватку, кинулся на пастыря съ поднятою дланью. По счастію выборные люди оттащили злаго изувѣра, и спокойствіе возстановилось.

Тогда патріархъ приступилъ собственно къ пренію. Онъ началъ объяснять справедливость поправокъ, произведенныхъ послѣднимъ соборомъ, и доказательства свои приводилъ изъ книгъ, въ большомъ количествѣ принесенныхъ въ Грановитую Палату; отыскивалъ въ нихъ спорныя мѣста, указывалъ ихъ и давалъ читать своимъ противникамъ. Но всѣ эти убѣжденія были безполезны: раскольники не хотѣли быть убѣжденными; они прервали патріарха, и поднявши руки, съ сложенными по ихъ правиламъ перстами, стали кричать: «Такъ креститесь! такъ вѣруйте!»

Цари, убѣдившись наконецъ въ безполезности этого собранія, хотѣли выйдти изъ Грановитой Палаты; но патріархъ и всѣ присутствовавшіе уговорили ихъ еще остаться нѣсколько времени. Преніе продолжалось, но безъ цѣли, безъ пользы, не только не примиряя, но еще болѣе ожесточая партіи, и наконецъ было прервано звономъ вечерняго колокола.

Раскольники вышли изъ царскихъ палатъ еще шумнѣе, чѣмъ вступили въ опыя. Высоко поднявши свои иконы и книги, они кричали ожидавшему ихъ народу: «Побѣдили! побѣдили! По нашему вѣруйте, по нашему креститесь!» И расположившись на лобномъ мѣстѣ, по прежнему стали проповѣдывать и возмущать народъ.

Если, какъ замѣчаетъ самъ патріархъ Іоакимъ, слова лжеучителей и прежде западали въ сердца слушателей; то какую силу должны были получить они теперь, послѣ торжественнаго пренія, когда на порогѣ царскаго дома раскольники провозглашали побѣду; когда почти подъ окнами патріаршихъ палатъ они публично проповѣдывали свое ученіе!... Но одна ошибка влечетъ за собою другую, одинъ шагъ въ сторону съ прямаго пути приводитъ со временемъ къ совершенно ложнымъ результатамъ. Царевна, чтобъ достигнуть власти, возбудила духъ мятежа въ стрѣльцахъ и раскольникахъ,—и вотъ недавніе ея союзники уже обнаружили неповиновеніе ея власти. Хованскій сдѣлался сильнѣе Милославскаго, и начиналъ быть опаснымъ самой правительницѣ! Чтобъ

одолѣть его, надлежало усмирить стрѣльцовъ и раскольниковъ, на которыхъ онъ опирался, а кого противопоставить стрѣльцамъ и раскольникамъ? Приверженцы Петра не были приверженцами Софіи; преданность Россіи къ ней была довольно сомнительна. Правительство, которому угрожали вчерашніе его союзники, увидѣло себя безъ опоры. Изъ этого положенія надлежало однакожь выйдти во что бы то ни стало: необходимо было обнаружить смѣлость, чтобъ заставить предполагать силу на своей сторонѣ. Никита, съ нѣкоторыми другими проповѣдниками, былъ схваченъ и казненъ безъ суда и разбирательства, другіе лжеучители отданы подъ духовное начало или заключены. Это устрашило раскольниковъ и заставило ихъ притихнуть.

Но побѣда правительства была далеко не рѣшительна. Хованскій не упалъ духомъ и продолжалъ завязывать интригу за интригой. Сила его въ Москвѣ была велика. Раскольники, злые и упорные враги престола, считали его своимъ представителемъ и политическимъ главою. Послѣдняя его попытка, хотя и неудачная, естественно должна была еще болѣе привязать къ нему этихъ людей. Стрѣльцы были ему преданы безусловно. Они не иначе его называли какъ «батюшкою», и когда онъ выѣзжалъ, они бѣжали за нимъ толпами, крича: «большой, большой ѣдетъ (19)!»

Чтобъ поддержать эту популярность, которая столько же льстила его самолюбію, сколько соотвѣтствовала гордымъ его замысламъ, Хованскій употреблялъ всевозможныя, позволительныя и непозволительныя средства. Все было дозволено стрѣльцамъ ихъ «батюшкою». Стòило стрѣльцу пожаловаться на своего начальника, начальника этого смѣняли, били, безчестили; стòило объявить какую нибудь претензію, ей спѣшили удовлетворить; спѣшили исполнить или даже предупредить малѣйшее желаніе стрѣльцовъ. Имущества убитыхъ во время мятежа были давно отобраны въ ихъ пользу; съ тою же цѣлію обыватели Москвы, какъ какого нибудь покореннаго города, были обложены контрибуціею; самыя имѣнія духовенства и монастырей, доселѣ неприкосновенныя, не были избавлены отъ поборовъ.... (20) Какъ, при нынѣшнихъ понятіяхъ, вообразить, чтобы такія самовольства совершались частнымъ человѣкомъ въ самой резиденціи царей?

---

(19) Матвеевъ 37.

(20) Крекшинъ 44. Матвеевъ 38. Медвѣдевъ 31.

Народъ, даже значительные люди ежечасно дрожали за свои имущества, за самую жизнь свою, потому что при этомъ необузданномъ своеволіи стрѣльцовъ воскресли давно уснувшія или таившіяся вражды. Старый заслуженный полковникъ Яновъ, напримѣръ, прогнѣвавшій нѣкогда своихъ подчиненныхъ, во время украинскихъ походовъ, большею строгостію, былъ по ихъ требованію взятъ съ пограничной службы, привезенъ въ Москву, жестоко пытанъ и казненъ. Другіе два полковника, Барсуковъ и Кравковъ, подобнымъ же образомъ, безъ разбирательства и суда, были выданы *головами* стрѣльцамъ, которые ихъ жестоко истязали.

Послѣ этого никто не могъ считать себя безопаснымъ. Дома въ Москвѣ казались необитаемыми, окна и двери были заперты. На улицахъ никто не смѣлъ показываться, боясь встрѣтиться съ какимъ нибудь забытымъ врагомъ и разбудить его злобу. Когда буйныя толпы стрѣльцовъ, взявшись за руки и распѣвая пѣсни, гуляли по городу, ругая враговъ Хованскаго, всякъ прятался и молилъ Бога пронести мимо его эти ватаги, равно страшныя и въ злобѣ и въ веселіи.

Съ негодованіемъ, но и съ чувствомъ своего безсилія взирало правительство на эти безчинства. Хованскій никогда не былъ близокъ къ царевнѣ, какъ напримѣръ Милославскій или Голицынъ; онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ успѣхѣ партіи, къ которой присоединился случайно и съ совершенно своекорыстными видами, и между тѣмъ лучшая часть добычи — военная сила — досталась на его долю! Это одно уже могло не расположить къ нему царевну и ея близкихъ людей. Но когда онъ явно сталъ дѣйствовать противъ правительства, прежніе его союзники поклялись погубить его. Въ сущности Хованскій былъ не такъ силенъ и не такъ страшенъ, какъ казалось. Значеніе его между стрѣльцами опиралось не на великомъ его превосходствѣ, не на заслугахъ, не на способностяхъ или характерѣ, а на случайныхъ отношеніяхъ и на лести, которую расточалъ онъ предъ своими подчиненными. Это была не преданность къ нему народа, не власть его надъ нимъ, а простая популярность, — нѣчто весьма ненадежное. При томъ Хованскій былъ слишкомъ тщеславенъ, слишкомъ заносчивъ въ счастіи, и потому не могъ быть серіозно опаснымъ. Прогуливаться по Москвѣ посреди трепещущаго населенія и ликующихъ стрѣльцовъ, кидать имъ мелкія деньги

Куракинъ.

Ты бъ ему сказалъ, что нельзя безъ уступокъ; хоть на первыхъ порахъ.

Мстиславской.

Да я говорилъ.

Куракинъ.

Чтожъ?

Мстиславской.

Нѣтъ, молъ, уступокъ-то и не надо.—»Еще, говоритъ, кабы вы крѣпко стояли на чемъ положено, а то вы сейчасъ и попятились. Да, говоритъ, оно и лучше: теперь говоритъ, сами Ляхи виноваты, такъ мы ихъ и знать не хотимъ. Оно, говоритъ, хорошо, что такъ вышло, что Ляхи первые договора не соблюли. Намъ, говоритъ, не надо Владислава; намъ, молъ, всѣхъ выгнать. Да, говоритъ, и Патріархъ Поляковъ не хочетъ и отъ присяги Владиславу разрѣшаетъ.«

Куракинъ.

Что правда, то правда: Патріархъ противъ насъ.

Шереметевъ.

Всѣхъ враговъ выгнать! Да какъ ихъ выгонишь?

Мстиславской.

Ну какъ ихъ выгонишь?

Шереметевъ.

Скажу я вамъ, бояре, одно: портитъ насъ и всѣхъ насъ пачкаетъ эта паршивая овца, дьяволъ этотъ

Случай этотъ не замедлилъ представиться. Распространился слухъ, что Хованскій замышляетъ истребить весь царскій домъ во время крестнаго хода, ежегодно совершаемаго 19-го августа въ Донской монастырь (22). Справедливъ или нѣтъ былъ этотъ слухъ, царевна постаралась придать ему большую гласность и поспѣшила оставить Москву вмѣстѣ со всѣмъ домомъ и дворомъ царскимъ. Внезапный отъѣздъ этотъ, какъ и надо было ожидать, встревожилъ всѣхъ: всякій старался узнать причину его, и узнавши, торопился въ свою очередь выѣхать изъ Москвы, такъ что въ короткое время въ ней не осталось почти никого изъ лицъ, сколько нибудь знатныхъ и богатыхъ. 1-го сентября при церемоніи, которою праздновался новый годъ, находился всего одинъ только окольничій (23).

Такое удаленіе двора и опустѣніе Москвы должно было бы встревожить Хованскаго, но онъ былъ слишкомъ упоенъ своею популярностію и не думалъ объ опасности, которая однакожь была близка.

Царская фамилія прибыла въ Коломенское по отъѣздѣ своемъ изъ Москвы. 2-го сентября полковникъ стрѣлецкій Даниловъ, проходя мимо воротъ дворцовыхъ, замѣтилъ на нихъ какую-то бумагу. На ней было написано: «вручить государынѣ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.» Даниловъ такъ и сдѣлалъ. это былъ доносъ на Хованскаго отъ имени двухъ посадскихъ людей и одного стрѣльца, которыхъ будто бы призывалъ старый князь, вмѣстѣ со многими другими, чтобъ предложить имъ помогать ему въ достиженіи московскаго престола. Для этого предполагалось, по словамъ доноса (24), произвести мятежъ въ Москвѣ, и истребить знатнѣйшее духовенство, бояръ и царскую фамилію, исключая Екатерину Алексѣевну, которую Хованскій прочилъ за своего сына. Мятежъ этотъ надѣялись распространить и внѣ Москвы, и произвести повсемѣстное избіеніе намѣстниковъ, воеводъ и проч. Когда же государство замутится, писано въ этомъ извѣстномъ письмѣ, тогда сдѣлать царемъ князя Ивана, патріархомъ же поставить такого, «ктобъ старыя книги любилъ.»

---

(22) Медвѣдевъ 32.
(23) Тамъ же.
(24) Акт. Арх. Экс. Т. IV. № 258.

Былъ ли справедливъ этотъ доносъ, былъ ли даже онъ дѣйствительно написанъ двумя посадскими и одинъ стрѣльцомъ, — не знаемъ; что Хованскій имѣлъ большіе замыслы, — это болѣе чѣмъ вѣроятно, но планъ, сообщенный въ доносѣ, былъ слишкомъ обширенъ, и главное, слишкомъ необдуманъ, едва ли можно считать его за дѣло серіозное Мы скорѣе готовы думать, основываясь на этихъ соображеніяхъ и на мнѣніи Матвеева, что весь этотъ доносъ былъ дѣломъ Милославскаго и царевниной партіи, которой нужна была погибель Хованскаго. Дальнѣйшее развитіе этой исторіи подтвердитъ наше мнѣніе.

Дворъ обнаружилъ при этомъ извѣстіи большое смятеніе и немедленно выѣхалъ изъ Коломенскаго въ другое подмосковное, Воробьево; но считая это мѣстопребываніе не довольно безопаснымъ по причинѣ сосѣдства съ Москвою, переѣхалъ въ Павловское и оттуда наконецъ въ Саввинъ Сторожевскій монастырь (25). За стѣнами этой обители наконецъ, по видимому, успокоились. Немедленно послана была отъ имени царей грамота въ ближайшія мѣста, чтобъ всѣ ратные люди, дворяне, бояре съ своими слугами, спѣшили на защиту царскаго дома (26). На этотъ разъ возмущеніе стрѣльцовъ уже не называли «заступленіемъ за домъ Пресвятыя Богородицы», но измѣною, бунтомъ, воровскимъ дѣломъ; эпитеты: «воры, измѣнники», стояли неотлучно при словѣ стрѣльцы; бояре же и другіе люди, побитые во время мятежа, которыхъ имена недавно еще были преданы публичному поруганію, на этотъ разъ сдѣлались предметомъ симпатіи. Всѣхъ этихъ смутъ виною признанъ былъ Хованскій, и противъ его прежнихъ злодѣйствъ и новыхъ замысловъ приглашалось въ сильныхъ выраженіяхъ содѣйствіе всѣхъ вѣрныхъ слугъ царскихъ. Какъ ни страненъ долженъ былъ показаться смыслъ этой грамоты, опровергавшей сначала до конца грамоту, за три мѣсяца предъ тѣмъ написанную, — призывъ царей не остался однакожь безотвѣтенъ. Вооруженные люди всякаго званія и чина не медля поспѣшили въ Воздвиженское село, куда между тѣмъ переѣхалъ дворъ. Но нельзя было надѣяться одолѣть Хованскаго посреди преданныхъ ему стрѣльцовъ: надо было его вызвать изъ Москвы. Какими средствами была достигнута эта цѣль, намъ трудно понять. Неуже-

(25) Крекшинъ 45.

(26) Акт. Арх. Экс. Т. IV. № 262.

ли, если онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ замыселъ противъ царской фамиліи и престола, неужели онъ послушался простаго повелѣнія и оставилъ стѣны московскія и преданныхъ ему стрѣльцовъ?... Или, неужели онъ подался на льстивое письмо, которымъ его приглашали въ Воздвиженское для торжественной встрѣчи гетманскаго сына (26)? Трудно повѣрить такому простодушію, такому легковѣрному тщеславію? Какъ бы то ни было, Хованскій съ сыномъ выѣхалъ изъ Москвы.

Они ѣхали медленно, съ большою пышностію. Стрѣлецкіе выборные, многочисленные слуги, домочадцы, знакомцы—окружали его. Въ патріаршемъ селѣ Пушкинѣ, весь поѣздъ этотъ расположился отдохнуть. Слуги разбили великолѣпные шатры для князя и для его свиты между крестьянскими гумнами, недалеко отъ большой дороги (27).

Тщеславный старикъ упивался своимъ могуществомъ, глядя на этотъ многочисленный поѣздъ, на золото и серебро, которымъ было убрано окружіе оружающихъ и сбруя ихъ коней... а гроза уже висѣла надъ его головою.

Узнавъ о его выѣздѣ изъ Москвы, царевна,—и можно вообразить, съ какою радостію она объ этомъ узнала! — царевна приказала князю Лыкову не медля ни минуты взять достаточное число вооруженныхъ людей и захватить Хованскихъ отца и сына. Лыковъ отправился; впереди его ѣхало нѣсколько человѣкъ, которые отъ проходящихъ навѣдывались о Хованскомъ; узнавъ, что онъ безпечно отдыхаетъ, Лыковъ окружилъ его бивакъ и захватилъ его безъ сопротивленія вмѣстѣ съ тридцатью семью человѣками стрѣлецкихъ выборныхъ. Князя Андрея не было съ отцемъ: онъ ѣхалъ отдѣльно и находился въ это время неподалеку, въ одномъ изъ своихъ имѣній. Лыковъ поспѣшилъ туда и точно также легко захватилъ и его. 17 сентября, въ самый день именинъ царевны, привезены были оба Хованскіе въ Воздвиженское. Судьба ихъ была уже рѣшена, и кажется даже приговоръ приготовленъ за-ранѣе: по крайней мѣрѣ такъ можно думать, основываясь на слишкомъ короткомъ промежуткѣ между отправленіемъ Лыкова и казнію Хованскаго. Да это и весьма вѣроятно:

(26) Крекшинъ 47.
(27) Матвеевъ 44.

Хованскій былъ во многомъ виновенъ, смерть его была нужна для торжества царевны и для успокоенія государства, и онъ находился во власти враговъ своихъ! Семнадцатаго же числа былъ исполненъ приговоръ: сначала отсѣчена голова князю Ивану; потомъ князь Андрей, поцѣловавъ трупъ отца своего, склонилъ голову на плаху; наконецъ казнены и всѣ тридцать семь человѣкъ, въ томъ числѣ подполковникъ Одинцовъ, взятые княземъ Лыковымъ (28).

Смерть Хованскихъ есть одна изъ великихъ юридическихъ неправдъ; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Обвиненіе его основано на безыменномъ доносѣ, взятъ онъ былъ обманомъ, приговоренъ за вины, ни чѣмъ не доказанныя по большой части, или даже вовсе вымышленныя. Такъ думали и многіе современники. Если Хованскій былъ дѣйствительно виноватъ, почему его не судили правильнымъ судомъ? Бояться стрѣльцовъ было нечего: въ рукахъ правительства было уже въ то время значительное число ратныхъ людей. Почему въ самомъ приговорѣ его и въ грамотахъ, которыми объявлялось о его казни, сказано о замыслѣ его противъ царской фамиліи и спокойствія государства коротко, вскользь, въ общихъ только выраженіяхъ, очевидно на основаніи одного только вышеприведеннаго безыменнаго доноса? Хованскій требовалъ суда, просилъ очныхъ ставокъ, предлагалъ объявить имена настоящихъ виновниковъ стрѣлецкаго мятежа: это было отвергнуто, и безъ сомнѣнія только ускорило исполненіе приговора. Казнію его поспѣшили такъ, что даже не хотѣли подождать прибытія палача изъ Москвы, а заставили принять эту обязанность одного изъ стрѣльцовъ стремяннаго полка (29).

Не оправдываемъ Хованскаго; множество безчинствъ, страшное своеволіе стрѣльцовъ, жестокія утѣсненія, даже кровавыя неправды лежать на его памяти; можетъ быть, въ чаду своего тщеславія, онъ и въ самомъ дѣлѣ мечталъ — но только мечталъ — о престолѣ, и во всякомъ случаѣ страшная цѣпь переворотовъ и грозныхъ потрясеній ожидала Россію, еслибъ, что впрочемъ невѣроятно, онъ одолѣлъ. Тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что смерть его была великою юридическою неправдою, и онъ палъ жертвою

(28) Матвеевъ 45. Крекшинъ 47.
(29) Матвеевъ 45.

отчасти жестокой необходимости государственной, но еще гораздо болѣе жертвою того кроваваго фатализма, который присутствуетъ при борьбѣ политическихъ партій. Еслибъ Хованскій восторжествовалъ, Милославскому не было бы пощады.

Между тѣмъ Иванъ Хованскій, второй сынъ казненнаго князя, ушелъ изъ Воздвиженскаго и распространилъ между стрѣльцами вѣсть о страшной участи ихъ «батюшки». Стрѣльцы вспыхнули; ударили въ барабаны, схватили оружіе, и когда прибылъ въ Москву стольникъ Зиновьевъ съ царскою грамотою, онъ едва спасся отъ смерти. Нѣкто Языковъ распустилъ между стрѣльцами слухъ, что дворъ, собравъ большое число ратныхъ людей, хочетъ идти на Москву, съ тѣмъ, чтобъ истребить все войско стрѣлецкое (30). Этотъ слухъ произвелъ совершенный мятежъ. Раздраженныя толпы кинулись на оружейную и пороховую казну царскую, захватили пушки и снаряды, и требовали, чтобъ ихъ самихъ вели противъ двора, который между тѣмъ переѣхалъ въ Троицкій монастырь. Но дворъ въ это время дѣйствительно былъ защищенъ сильною ратью. Дворяне и другіе вооруженные люди, съ большою готовностію собравшіеся на призывъ царскій, выказывали столько усердія къ престолу и столько злобы противъ враговъ его, что правительство само принуждено было ихъ удерживать (31).

Все это узнали стрѣльцы, и гнѣвъ ихъ превратился въ страхъ и смятеніе. Они прибѣгли къ патріарху, прося его ходатайства. Почтенный пастырь, занимавшійся въ это время сочиненіемъ своего «Увѣта духовнаго» для вразумленія раскольниковъ, поспѣшилъ оставить ученые труды, чтобъ заняться бѣдствіями своей паствы (32). Немедленно написалъ онъ царямъ грамоту, въ которой молилъ о пощадѣ кающихся, и отправилъ съ этою грамотою Иларіона, митрополита суздальскаго. По ходатайству патріарха, чрезъ нѣсколько дней было получено въ Москвѣ извѣстіе, что цари соглашаются принять покорность стрѣльцовъ. Тотчасъ же была изготовлена челобитная (33), въ которой сваливая всю вину на Ивана Ивановича Хованскаго и на Языкова, мятежники объявляли, что они взялись за оружіе изъ страха

(30) Акты Арх. Экс. Т. IV № 264.

(31) Крекшинъ 51.

(32) Акты Археогр. Эксп. Т. IV. № 260.

(33) Тамъ же, № 264.

замышляемаго будто бы боярами истребленія ихъ, что они готовы смириться и принести государямъ повинную. Излишняя строгость со стороны правительства была бы безполезна, да и неблагоразумна. Стрѣльцамъ объявлено было прощеніе, съ тѣмъ, чтобы они возвратили по принадлежности захваченныя ими орудія, порохъ и снаряды, и выдали главныхъ виновниковъ возстанія боярину Михаилу Петровичу Головину, которому послѣ казни Хованскаго поручено вѣдать Москву.

Условія эти объявлены стрѣльцамъ чрезъ патріарха и приняты ими немедленно и безпрекословно: мятежникамъ не оставалось болѣе никакихъ надеждъ, и въ виду Москвы стояла сильная рать... Въ силу приведенныхъ условій надлежало выдать главныхъ виновниковъ мятяжа. Не менѣе 2700 человѣкъ, по свидѣтельству Крекшина, а по нѣкоторымъ другимъ извѣстіямъ гораздо большее число, выступили изъ рядовъ, исповѣдались, причастились, простились съ семействами своими и, надѣвъ петли на шеи, взявъ съ собою плахи и топоры, отправлялись въ Троицкій монастырь.

Печальна была эта длинная процессія осужденныхъ, провожаемая плачущими женами и дѣтьми!... Изъ монастыря выѣхалъ, при ихъ приближеніи, отрядъ ратныхъ людей, который, осмотрѣвъ стрѣльцовъ, не имѣютъ ли при себѣ оружія, и окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, ввелъ наконецъ въ монастырскую ограду. Тамъ трижды поклонились они передъ царскимъ домомъ, сложили свои плахи и униженно склонили на нихъ свои головы (34). Семейства этихъ несчастныхъ, ни на минуту отъ нихъ не отстававшія, тѣснясь вокругъ стражи, простирали руки къ окнамъ царскихъ покоекъ, умоляя о пощадѣ... Много рѣшимости нужно было, чтобъ разомъ истребить такое множество народа! Да и было ли бы это благоразумно? Правительство было еще слишкомъ слабо, чтобъ отважиться на такія крутыя мѣры. Побѣда же была полная, покорность стрѣльцовъ безусловная:—прощеніе имъ было даровано..

Всѣ эти пересылки между столицею и временною резиденціею двора заняли слишкомъ полтора мѣсяца, считая со дня казни Хованскихъ. Наконецъ 6-го ноября былъ назначенъ торжественный въѣздъ всѣхъ особъ царскаго дома въ Москву; ночь съ 5-го на 6-е проводили онѣ въ Алексѣевскомъ селѣ, охраняемыя многочисленною земскою ратью.

(34) Крекшинъ 57.

Это извѣстіе обрадовало многихъ, надѣявшихся на водвореніе порядка съ прибытіемъ двора, но многихъ и встревожило. Полному прощенію не осмѣливались довѣрять, боялись новыхъ изслѣдованій, новыхъ наказаній. Стрѣльцы разумѣется трусили больше всѣхъ; не зная чѣмъ доказать свое раскаяніе, они просили разрушить столбъ, воздвигнутый нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ бы отрекаясь тѣмъ отъ своего прошлаго (35).

Правительство съ своей стороны то же повидимому не вполнѣ довѣряло быстрой покорности стрѣльцовъ. Въ день въѣзда въ Москву имъ запрещено было надѣвать оружіе; рати же, слѣдовавшеіі за дворомъ изъ Троицкаго, велѣно ходить вооруженной. Еще болѣе устрашенные этимъ повелѣніемъ, особливо видя передъ собою безчисленныхъ вооруженныхъ людей, недружелюбно на нихъ взиравшихъ,—стрѣльцы совершенно упали духомъ и во все время шествія царскаго отъ Алексѣевскаго до Москвы не поднимали головъ своихъ отъ земли. Вскорѣ послѣ вступленія своего въ Москву, Петръ съ своимъ семействомъ и дворомъ уѣхалъ въ Преображенское; Іоаннъ же, заключившись въ своемъ дворцѣ, передалъ всю власть въ руки царевны Софіи.

Расположивъ рать, съ помощью которой она вступила въ Москву, въ окрестностяхъ столицы, царевна смѣло и твердо взялась за кормило правленія.

Въ слѣдующей главѣ мы займемся обзоромъ главнѣйшихъ сторонъ внутренней администраціи и внѣшней политики новаго правительства.

---

(35) Акты Арх. Эксп. Т. IV. № 270.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По видимому правительство царевны не обѣщало быть долговѣчнымъ. Возникши вдругъ въ вихрѣ мятежа, оно, казалось, должно было также и изчезнуть. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ оно держалось? На какую партію, на какую часть народа оно опиралось? Аристократія, какъ мы уже видѣли, была почти вся предана Петру, и хотя она понесла жестокія потери, однакожь могла еще быть опасна и положительною своею силою, и чувствомъ законности, которое было на ея сторонѣ, и наконецъ именемъ вѣнчаннаго царя, которое было на ея знамени. Войско, московскіе стрѣльцы, по крайней мѣрѣ, и многочисленныя секты старообрядцевъ, недавно еще усердные союзники царевны, стали, какъ это намъ также извѣстно, открытыми врагами ея. Наконецъ память о правахъ мѣстничества была такъ еще свѣжа и корни ея въ русской почвѣ такъ глубоки (1), что видъ Голицына, стоявшаго въ первыхъ рядахъ царевнина правленія, долженъ былъ не располагать къ нему весьма многихъ.

Кто же слѣдовательно оставался на сторонѣ новаго правительства? Въ чемъ состояла его сила? Вопросы эти, весьма естественно приходящіе въ голову человѣку, освоившемуся съ нынѣшнимъ состояніемъ политики, разрѣшатся безъ большаго затрудненія, если мы вникнемъ глубже въ духъ и обычаи старин-

---

(1) Во время правленія Софіи князь Козловскій, будучи посаженъ за царскимъ столомъ ниже Нарышкина, не хотѣлъ являться во дворецъ, былъ привезенъ и посаженъ силою (Симбир. Сборникъ).

ной Россіи. Давно уже прошло для нея то время, когда народъ имѣлъ хотя нѣкоторое участіе въ правленіи. Вѣчевыя собранія, города̀, приглашавшіе къ себѣ или изгонявшіе князей, давно перестали существовать; самодержавіе сильно укоренилось къ концу XVII столѣтія въ русской почвѣ, и народъ привыкъ смотрѣть на судьбы московскаго престола, какъ на непосредственныя дѣйствія Провидѣнія.

Тѣ, которые видятъ въ *думѣ царской* нѣчто подобное палатамъ представительныхъ монархій, силу, поставленную для уравновѣшенія исполнительной власти, весьма ошибаются (2). Если это бывало, то только во время смутъ государственныхъ и слабости правителей, при Шуйскомъ, напримѣръ. Насмѣшливый тонъ, которымъ говоритъ Кошихинъ объ этой думѣ въ царствованіе Алексія (3), уже доказываетъ ея незначительность при управленіи государя дѣятельнаго и твердаго. Не даромъ разныя области Россіи назывались *отчинами царскими*, а первѣйшіе вельможи *холопями* его: царь былъ полный и единственный господинъ въ своемъ царствѣ. При дворѣ его всѣ должности, отъ дворецкаго до истопника включительно, были исправляемы людьми болѣе или менѣе родовитыми (4); важнѣйшіе государственные сановники кланялись ему въ землю. Произвола его достаточно было, чтобъ послѣдняго между его поддаными сдѣлать первымъ, бѣднѣйшаго сдѣлать богатѣйшимъ; за исключеніемъ земель, укрѣпленныхъ за нѣкоторыми лицами, городами, монастырями и проч. (5), все остальное находилось въ непосредственномъ распоряженіи правительства, которое по своему усмотрѣнію раздавало помѣстья и потомъ могло обращать ихъ въ наслѣдственныя вотчины. Но если царь былъ вполнѣ неограниченный господинъ въ своемъ государствѣ, онъ былъ еще болѣе патріархъ своихъ подданныхъ; *сытный дворъ* ежедневно выдавалъ до 100 ведръ вина, а пива и меду отъ 400 од 50 (6); до 3000 *яствъ* выдавалось ежедневно изъ кормоваго двора, а въ праздничные дни число этихъ подачь увеличивалось въ четыре, пять и болѣе разъ. На конюшняхъ

---

(2) Юридич. Запис. Рѣдкина 1842 года, Т. 2. Устройство Граж. Суд.

(3) Кошихинъ 19.

(4) Тамъ же 26.

(5) Москвит. 1848 года №5 (стат. г. Бѣляева, о поземельномъ владѣніи).

(6) Кошихинъ 60.

царскихъ содержалось до 40,000 лошадей, которыя служили не только для особъ придворнаго штата, но выдавались неимущимъ ратникамъ, драгунамъ и возили *снарядъ* (артиллерію) (7). Семейные праздники царя были праздниками общественными: въ эти дни богатымъ и бѣднымъ раздавались *именинные калачи* (8), разсылались милостыни въ тюрьмы, а съ другой стороны подданные приносили государю подарки, которыми главнѣйше и наполнялся *казенный дворъ* (9). Извѣстно, что какой-то купецъ, вѣроятно незначительный, потому что имя его не упоминается, поднесъ младенцу Петру въ день его рожденія саблю, которая сдѣлалась любимою игрушкою будущаго героя Полтавы.

Таковы были патріархальныя отношенія царей русскихъ къ своимъ подданнымъ, отношенія равно удивляющія людей XIX вѣка и неограниченностію произвола и простодушіемъ. Все привязывало Русскихъ къ своимъ государямъ: и эти, такъ сказать, семейственныя узы, вслѣдствіе которыхъ царь былъ какъ бы главою великой русской семьи, и неограниченное право его надъ имуществомъ и самою жизнію подданныхъ, и наконецъ твердая вѣра въ участіе небеснаго Промысла въ судьбахъ московскаго престола.

При такомъ моральномъ состояніи народа, при этой полной централизаціи всякой власти въ особѣ государя—царевна Софія могла смѣло выдерживать неудовольствія и нерасположеніе нѣсколькихъ, хотя бы и знатныхъ фамилій, московскихъ стрѣльцовъ и поражаемыхъ церковью раскольниковъ. Важнѣйшимъ дѣломъ для нея было тѣсно и неразрывно связать судьбу свою съ судьбою престола вѣнчанныхъ государей. Такъ она и сдѣлала. Когда замыслы Хованскаго стали угрожать Москвѣ и правительству новымъ переворотомъ, она умѣла представить ихъ дѣломъ опаснымъ для всей царской фамиліи; вмѣстѣ съ обоими царями удалилась она въ Троицкую Лавру; ихъ именемъ повелѣла собираться рати, и какъ ни чудно было видѣть двѣ главы подъ шапкою Мономаха, а двадцати-пятилѣтнюю дѣвицу у кормила правленія, народъ выслалъ безпрекословно лучшихъ сыновъ своихъ для защиты столь необыкновенно организованнаго правительства.

---

(7) Кошихинъ 66.

(8) Тамъ же, 25.

(9) Тамъ же, 57.

Слѣдовательно положеніе царевны не было еще такъ невѣрно и безнадежно, какъ это можно бы думать по нынѣшнимъ политическимъ понятіямъ, и ей не было необходимо поддерживать ту или другую партію, чтобъ опираясь на одну, господствовать надъ другою.

Первымъ дѣломъ новаго правительства, по прекращеніи вышеописаннаго мятежа, естественно было желаніе предупредить подобныя попытки на будущее время. Поэтому съ самой казни Хованскаго началась реакція противъ стрѣльцовъ. Мы видѣли, какъ быстро перешли эти мятежники отъ заносчиваго буйства къ покорности и уничиженію. Не смотря на торжественно обѣщанное имъ прощеніе, они не считали еще себя вполнѣ безопасными Но правительство въ самомъ дѣлѣ не имѣло въ виду дальнѣйшаго ихъ преслѣдованія: это значило бы уже не наказывать, а мстить; оно желало только привести ихъ въ невозможность нарушать общественное спокойствіе.

Поэтому у стрѣльцовъ отнято было право носить оружіе иначе, какъ на службѣ; разрушенъ былъ безчестный столбъ (10), воздвигнутый на Красной площади въ воспоминаніе майскихъ неистовствъ, и наконецъ стрѣльцамъ возвращено было его прежнее названіе, вмѣсто пышнаго наименованія надворной, то есть придворной пѣхоты (11).

Всѣ эти распоряженія, произведенныя въ присутствіи сильной рати, расположенной внутри и въ окрестностяхъ Москвы, при всеобщемъ одобреніи московскаго народонаселенія, по крайней мѣрѣ здравомыслящаго большинства, — должны были смирить стрѣльцовъ; но на долго ли? Останутся ли они спокойны, когда будетъ распущена земская рать? сохранится ли на будущее время эта покорность со стороны многочисленной, вооруженной, организированной, недовольной массы? Этого нельзя было ожидать, и правительство должно было противъ этого принять рѣшительныя мѣры.

Съ этою цѣлію изданъ былъ въ декабрѣ того же 1682 года указъ (12), которымъ опредѣлялось: изъ девятнадцати полковъ, бывшихъ въ столицѣ, оставить только семь, по выбору, надеж-

---

(10) Акты Археогр. Эксп. Т. IV, № 270.
(11) Полн. Собр. Зак. Т. II, № 975.
(12) Акт. Арх. Эк. Т. IV, № 280.

нѣйшихъ, остальныхъ же послать на украинскую, польскую и шведскую границы, *на службу*. А дабы и Москва не оставалась безъ войска, то изъ числа стрѣльцовъ, размѣщенныхъ на пограничныхъ пунктахъ, предписывалось выбрать, подъ отвѣтственностію полковыхъ командировъ, воеводъ и проч., пять полковъ, которые и направить къ Москвѣ. Весьма многіе изъ полковыхъ командировъ были смѣнены, замѣщены новыми и управленіе стрѣлецкимъ приказомъ было поручено Шакловитому, человѣку безусловно преданному царевнѣ.

Все это должно было жестоко поразить стрѣльцовъ; они были люди семейные, имѣли хозяйства, дѣла̀, связи торговыя и промышленныя; оставить Москву было для нихъ большою разстройкою, не говоря уже о множествѣ различныхъ преимуществъ жизни въ столицѣ. Но многочисленная рать царская стояла еще въ виду Кремля, сопротивленіе было невозможно, и, съ горькимъ чувствомъ безсилія, въ назначенный день, угрюмыми, молчаливыми толпами выступили они изъ заставъ московскихъ и направились въ разные концы обширнаго русскаго царства: кто на сѣверъ, кто на югъ, кто на западъ, среди глубокихъ снѣговъ и рождественскихъ морозовъ.

Въ сущности однакожь эта мѣра была справедлива, не говоря уже о томъ, что она была необходима: за что̀ въ самомъ дѣлѣ одни полки несли тяжелую пограничную службу, а другіе проживали въ Москвѣ, обязанные только занимать нѣсколько карауловъ въ Кремлѣ и у воротъ? Подобная привилегія не была опредѣлена, сколько намъ извѣстно, ни какимъ постановленіемъ, а учредилась сама собою, обычаемъ, можетъ быть для избѣжанія издержекъ при передвиженіи. Справедливость допускала, слѣдовательно, а общественная польза требовала уравненія службы во всемъ стрѣлецкомъ войскѣ.

Впрочемъ правительство озаботилось о дальнѣйшей судьбѣ высылаемыхъ стрѣльцовъ; имъ были выданы деньги на подъемъ и первоначальное обзаведеніе, и семейства ихъ вывезены на мѣста̀ новаго жительства.

Указъ, опредѣлявшій всѣ эти мѣры, замѣчателенъ по изложенію, рѣзко отличающему его отъ указовъ предшествующихъ царствованій ясностію, точностію, и необыкновенною предусмотрительностію мельчайшихъ подробностей. Такъ напримѣръ, каждой

колоннѣ, идущей какъ въ Москву, такъ и изъ нея, назначены маршруты, которые, равно какъ и время выступленія каждой изъ нихъ, расчитаны такъ, чтобъ колонны эти не могли встрѣтиться и слѣдовательно стѣснить одна другую въ квартированіи и продовольствіи. Эта предусмотрительность была распространена даже на перевозку семействъ стрѣлецкихъ, которымъ, для избѣжанія встрѣчъ и столкновеній, тоже опредѣлены маршруты. Мѣра и способъ взиманія для переселенцевъ корма съ обывателей, надзоръ, который долженствовали имѣть за стрѣльцами мѣстныя власти, порядокъ, въ которомъ они должны были размѣщаться, отстроиваться, все было обозначено съ чрезвычайною отчетливостію и опредѣлительностію.

Въ настоящее время трудно представить себѣ безпорядки, существовавшіе по всѣмъ частямъ управленія въ эпоху, о которой говоримъ; въ стрѣлецкомъ приказѣ, напримѣръ, не было вѣдомостей и списковъ большей части полковъ (13); отъ этого происходило, что многіе служилые люди отлучались, бродяжничали, занимались промыслами, не думая о службѣ; другіе напротивъ, бѣглые холопи, разночинцы, люди задолжавшіе, преслѣдуемые правосудіемъ, приставали къ стрѣльцамъ, поселялись въ ихъ слободахъ, и не неся ихъ службы, находили возможность пользоваться ихъ привилегіями. Нельзя было позволить, чтобъ стрѣлецкіе полки превращались въ притоны бродягъ и преступниковъ; тѣмъ же указомъ отъ 30 декабря 1682 года повелѣвалось произвести переписи наличнымъ стрѣльцамъ, также какъ ихъ семействамъ; списки людямъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ, вести постоянно; стариковъ же, выслужившихъ срокъ, отчислить отъ службы, а малолѣтковъ, по мѣрѣ достиженія законнаго возраста, зачислять на дѣйствительную службу; остальныхъ наконецъ затѣмъ бродягъ, людей, произвольно приставшихъ къ стрѣльцамъ, разобравъ какого они званія и изъ какихъ мѣстъ, разсылать по принадлежности.

Такая мѣра, распространенная на будущее время, обращенная въ постоянный законъ, должна была произвести радикальное улуч-

(13) Акт. Арх. Экс. Т. IV, тамъ же § 19 и 20... «выписки учинить... а нынѣ изъ нихъ выписки учинить не по чему, для того что тѣхъ полковъ росписей, опричь Борисова полку Головина, въ стрѣлецкомъ приказѣ нѣтъ.»

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Грамотинъ.

Грамотинъ.

Гдѣ ясневельможный панъ Гонсѣвской.

Салтыковъ.

А тебѣ зачѣмъ, Иванъ Тарасовичь?

Грамотинъ.

Треба.

Салтыковъ.

Да, я думаю, онъ на своемъ дворѣ. Вотъ и этотъ меня объ томъ же спрашивалъ.

Андроновъ.

А панъ бояринъ за то нещадно гоноръ мой оскорбилъ.

Грамотинъ, *Салтыкову*.

Что же такъ, панъ? Намъ не добре ссориться: всѣ мы едному служимъ.

Салтыковъ.

Да что̀ вы языкъ-то ломаете! Служимъ мы, да не такъ, вонъ какъ этотъ пронырa. Я прямо иду.

Грамотинъ.

Ты Королю, и мы Королю.

вительство, вооружась противъ него, должно было ожидать упорнаго сопротивленія, а разграбленіе холопьяго Приказа во время стрѣлецкаго мятежа, истребивъ многія крѣпостныя записи (17), должно было увеличить его затрудненія.

Тѣмъ не менѣе оно на это отважилось. Отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ потребованы были объясненія, сколько за кѣмъ изъ нихъ числилось душъ по послѣдней переписи (1678 года) и, въ случаѣ несогласія съ оною, почему произошло это увеличеніе или уменьшеніе (18). Принимая въ расчетъ, что много документовъ погибло во время майскихъ смутъ, владѣльцамъ было дано два года срока для отысканія и предъявленія своихъ правъ (19). Вмѣстѣ съ тѣмъ строго запрещено было кому бы то ни было въ городѣ или въ своемъ имѣніи держать людей безъ видовъ (20), а немедленно представлять ихъ мѣстнымъ властямъ; воеводамъ же и намѣстникамъ вмѣнено въ обязанность всѣми силами содѣйствовать отыскиванію бродягъ и разсылать ихъ по принадлежности. Наконецъ, присоединяя къ повелѣніямъ самое дѣйствіе, правительство разослало во всѣ концы *сыщиковъ* для поимки безпаспортныхъ (21).

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти крутыя и рѣшительныя мѣры произвели много частныхъ злоупотребленій, что сами сыщики, равно какъ воеводы и другіе начальные люди, преслѣдуя виновныхъ, утѣсняли и правыхъ; тѣмъ не менѣе всякій здравый умъ долженъ согласиться, что мысль правительства была вполнѣ благонамѣренна и согласна съ выгодами народа.

Распространяя далѣе эту мѣру, увидѣли, что самые права людей вольныхъ, или объявлявшихъ себя такими, слѣдуетъ подвергнуть строгому контролю, ибо кромѣ многихъ подложныхъ документовъ, оказалось, что холопи, пользуясь послѣдними смутами, часто вынуждали своихъ господъ угрозами давать себѣ отпускныя (22). Оказалось также, что множество людей всякаго званія проживало въ разныхъ мѣстахъ съ незапамятныхъ временъ, не имѣя на то никакого положительнаго права. Но поднимать такіе

(17) Говоримъ: *многія*, потому что часть ихъ должна была сохраниться въ помѣстномъ и земскомъ приказахъ.

(18) Полн. Собр. Зак. т. II, № 973.

(19) Тамъ же, № 1073. Впрочемъ это было въ послѣдствіи еще отсрочено на два года № 1246.

(20) Тамъ же № 972, 985, 1230 и мн. др.

(21) Тамъ же т. II, № 997 и др.

(22) Тамъ же, № 992.

стародавніе споры значило принимать на себя безконечный и безполезный, можетъ быть даже опасный трудъ; поэтому въ послѣдствіи рѣшено было,—покрайней мѣрѣ касательно дворцовыхъ имѣній,—людей, проживших не менѣе двадцати лѣтъ на одномъ мѣстѣ, считать *крѣпкими* тому мѣсту (23).

Углубляясь все далѣе и далѣе въ сложный механизмъ государственнаго управленія, правительство открыло новый источникъ злоупотребленій, и съ прежнею рѣшимостію приступило къ его отвращенію. Поземельная собственность была въ величайшемъ безпорядкѣ въ Россіи. Въ западной Европѣ, гдѣ она проистекала изъ феодальнаго права, владѣніе передавалось отъ отца къ сыну въ видѣ маіората, не измѣняя ни названія, ни границъ, и такимъ образомъ могло переходить въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Въ Россіи было совсѣмъ другое: у насъ при каждомъ переходѣ отъ отца къ дѣтямъ имѣніе дѣлилось, дробилось и измѣнялось какъ въ названіи, такъ и въ границахъ своихъ. Это относится собственно къ *вотчинамъ*, то есть къ владѣніямъ наслѣдственнымъ; но въ Россіи были еще *помѣстья*, то есть земли принадлежавшія казнѣ, даваемыя частнымъ людямъ въ пожизненное владѣніе, съ обязанностію нести государственную службу. Помѣстья эти, по смерти владѣльца, переходили отчасти къ дѣтямъ его, въ видѣ награды; отчасти же возвращались въ казну, для передачи опять другому служилому человѣку. При повышеніи его въ чинъ, за какую нибудь заслугу, *окладъ*, то есть пожизненное владѣніе, увеличивался; при перемѣщеніи помѣщика изъ новгородскихъ напримѣръ дворянъ въ московскіе, слѣдовала новая дача, новое движеніе поземельной собственности. Понятно, какая страшная путаница должна была при этомъ происходить, особенно если принять во вниманіе, что границы и межи обозначались (какъ это видно изъ старинныхъ жалованныхъ грамотъ) ручьями, которые могли перемѣнить теченіе или высохнуть, рощами, которыя могли быть вырублены или сгорѣть, пашнями, которыя могли обратиться въ выгоны. Поэтому земскій судный и помѣстный приказы постоянно бывали завалены жалобами, тяжбами, изъ которыхъ многія невозможно было рѣшить. Кромѣ страшныхъ безпорядковъ, которые такое положеніе дѣлъ представляло, оно должно было питать и огромныя злоупотребленія: при этой неопредѣленности

(23) Пол. Соб. Зак. № 1147.

границъ сильный человѣкъ могъ очень легко притѣснить слабаго; самая казна бывала обманываема: случалось, что помѣщикъ, получившій уже одинъ окладъ, просилъ и получалъ его во второй разъ.

Все это требовало исправленія. Еще прежнія правительства дѣлали нѣкоторыя попытки къ размежеванію земель и учрежденію порядка въ поземельной собственности (24), но неискусство межевщиковъ и сопротивленіе владѣльцевъ не дали развиться этому начинанію, которое было предпринято безъ общаго плана, и дѣлалось по частямъ, мѣстами. Правительство царевны принялось за межеваніе и дѣятельнѣе, и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Въ началѣ 1683 года, во всѣ концы государства были посланы межевщики (25), которыхъ снабдили подробною инструкціею; они должны были, соображаясь съ жалованными грамотами, купчими записями и другими документами, обозначать границы владѣній какъ частныхъ лицъ между собою, такъ и съ имѣніями монастырей и казенными (26).

Эта мѣра естественно встрѣтила самое сильное сопротивленіе: въ обществѣ неустроенномъ и непросвѣщенномъ всякое злоупотребленіе,—особенно такое, гдѣ больше всего теряетъ казна,—выгодно для многихъ частныхъ лицъ. Поэтому опредѣлены строгія взысканія за сопротивленіе межевщикамъ (27), а для предупрежденія подобнаго сопротивленія, симъ послѣднимъ приданы команды вооруженныхъ людей (28).

Не можемъ съ опредѣлительностію сказать, до какой степени успѣхъ увѣнчалъ эти начинанія; но находя въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ правленія царевны подтвержденія, распространенія какъ этой, такъ и другихъ вышеприведенныхъ мѣръ, мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что эта замѣчательная женщина дѣйствовала по крайней мѣрѣ послѣдовательно, твердо, неуклонно, по однажды принятымъ ею началамъ: достоинство весьма великое. Въ семь лѣтъ трудно привести къ концу размежеваніе земель какъ част-

---

(24) Объ успѣхахъ межеванія и пр. въ актѣ С.Петербургск. университета 1847 года.

(25) П. С. З. т. II, № 1005.

(26) Тамъ же, №№ 1013, 1074, 1111, 1178, 1301 и др.

(27) Тамъ же, № 1192.

(28) Тамъ же, № 1201.

ныхъ, такъ церковныхъ и казенныхъ, разобрать права владѣльцевъ на эти земли, права и взаимныя отношенія гражданъ различныхъ классовъ между собою, истребить бродяжничество, это зло, проникшее въ самый духъ народный; но царевна упорно преслѣдовала всѣ эти цѣли, и мы не можемъ не признать великой ея заслуги.

Въ отношеніи къ религіи правительство обнаружило небывалую дотолѣ въ Россіи и примѣрную для цѣлой Европы терпимость. Въ то самое время какъ Лудовикъ XIV, глава образованнѣйшаго народа, объявилъ жестокое религіозное гоненіе, когда послѣдовало отмѣненіе *Нантскаго эдикта*, когда толпы преслѣдуемыхъ протестантовъ принуждены были оставлять Францію,—Россія объявила, что она готова дать пріютъ этимъ несчастнымъ изгнанникамъ (29). Какъ имъ, такъ и другимъ иновѣрцамъ, находившимся въ Россіи, разрѣшено было свободное отправленіе ихъ богослуженій; духовенству строго было воспрещено обращать ихъ силою въ православіе (30), также какъ съ другой стороны объявлено было иновѣрцамъ, что обращеніе не спасетъ ихъ отъ наказанія за совершенныя ими преступленія, и что люди, пользующіеся покровительствомъ русскихъ законовъ, совершенно равны передъ ними, будутъ ли то православные, католики или протестанты, идея слѣдовательно столько же справедливая, сколько свѣтлая, мудрая, просвѣщенная и далеко опережавшая духъ современнаго общества. За то не мало протестантовъ, изгнанныхъ изъ Франціи, переселилось въ Москву, въ Нѣмецкую Слободу, принеся съ собою много просвѣщенія, правда неуспѣвшаго разцвѣсть при Софіи, но которымъ безъ сомнѣнія воспользовался нашъ великій преобразователь. Къ концу правленія царевны въ Москвѣ было пять иновѣрческихъ церквей, въ числѣ которыхъ одна каменная: явное доказательство покровительства иновѣрцамъ со стороны правительства.

И не въ отношеніи только католиковъ и протестантовъ, — немногочисленныхъ, полезныхъ и спокойныхъ людей, — правительство явилось великодушнымъ; оно было кротко и терпѣливо въ отношеніи къ раскольникамъ, этимъ заклятымъ врагамъ своимъ, врагамъ церкви и общественнаго порядка. Преслѣдовать ихъ

---

(29) Полн. Собр. Зак. т. III, № 1331.
(30) Тамъ же т. II, № 1117.

значило бы наполнить всю Россію кострами, орудіями пытки, навлечь на себя проклятія и даже дѣятельную ненависть значительной части народонаселенія. Самъ Петръ I, тридцать лѣтъ правившій государствомъ, совершившій такъ много не только государственныхъ, но даже общественныхъ преобразованій, онъ, истребившій стрѣльцовъ, не рѣшился предпринять истребленія раскольниковъ, предоставивъ это времени и успѣхамъ просвѣщенія!... Безъ сомнѣнія подобнымъ же образомъ понимало расколъ и правительство царевны; оно строго поступило съ нимъ, когда онъ, въ лицѣ Хованскаго и Никиты, посягнулъ на спокойствіе государства, но потомъ его не преслѣдовало, а только подтвердило противъ него прежнія узаконенія (31), и результаты оправдали эти мѣры; лжеученіе не остановилось, правда, но оно таилось, и только однажды, въ послѣднее время правленія царевны, обнаружено было нѣкоторое стремленіе къ пропагандѣ, и то на отдаленныхъ границахъ государства, на оконечности Донской земли, —но безъ большаго усилія было прекращено самими же Донцами, которые разсѣяли проповѣдниковъ раскола и принудили ихъ скрыться въ безлюдныхъ степяхъ между Домомъ, Камою и Волгою (32).

Рисуя характеръ царевнина правительства, мы не станемъ исчислять всѣхъ постановленій касательно судопроизводства, разъясненія многихъ затрудненій при передачѣ наслѣдствъ, продажѣ имѣній, узаконеній касательно чистоты улицъ въ Москвѣ, предупрежденія отъ пожаровъ и т. п.: мы предполагаемъ ограничиться только главнѣйшими чертами, мѣрами чисто-государственными; таковы, кромѣ упомянутыхъ выше, нѣкоторые указы, касавшіеся торговли.

Въ старинной Россіи, какъ это было нѣкогда и во всей Европѣ, внутренняя торговля была стѣсняема множествомъ привилегій, особыхъ правъ на взиманіе пошлинъ, которыми пользовались не только казна, но отдѣльныя области, города и даже частные люди. Судоходныя рѣки, большія дороги не были какъ теперь, достояніемъ государства, но частныхъ людей, монастырей или городовъ, черезъ земли которыхъ онѣ проходили. Такимъ образомъ эти пути сообщеній были на каждомъ шагу перерѣзаны заставами, на ко-

(31) Ак. Арх. Эксп. т. IV, № 284.
(32) Полн. Собр. Зак. т. II, № 1310.

торыхъ владѣльцы собирали пошлины съ проходящихъ товаровъ: за переправу черезъ мостъ, за паромъ, за проѣздъ черезъ городъ, за все бралась пошлина. Торговля отъ этого жестоко терпѣла, но владѣтели заставъ упорно стояли за свои права, и цари находили ихъ справедливыми и подтверждали подобныя привилегіи: Ѳеодоръ Алексѣевичъ напримѣръ на жалобу Путивльцевъ, что купцы, дабы не платить пошлины при проѣздѣ черезъ ихъ городъ, возятъ товары проселками, — опредѣлилъ взысканія за минованіе заставъ (33).

Очевидно, что такое невѣжественное понятіе о собственности было повсемѣстнымъ въ Россіи; что это была одна изъ тѣхъ ложныхъ идей, одно изъ тѣхъ фальшивыхъ *ученій*, которыя въ разныя времена у всѣхъ народовъ замедляли ходъ общественнаго благосостоянія. Невозможно слѣдовательно требовать, чтобъ правительство царевны возвышалось надъ своимъ вѣкомъ до попранія всеобщаго заблужденія; и дѣйствительно, оно отдавало, особенно въ послѣдніе годы, когда по причинѣ войны съ Крымомъ деньги сдѣлались нужнѣе, разныя статьи народной промышленности на откупъ частнымъ людямъ (34); но съ другой стороны, перебирая указы, изданные при Софьѣ, встрѣчаемъ много такихъ, которые оказываютъ покровительство торгующимъ людямъ и опредѣляютъ нѣкоторыя ихъ права.

Между множествомъ постановленій, касающихся торговли и торговыхъ людей, внушенныхъ истиною и случайными, минутными потребностями, частію отмѣненныхъ царевною, остановимся на одномъ ея дѣйствіи, заслуживающемъ полнаго нашего вниманія; это уничтоженіе томоженъ между Великою Россіею и Малороссіею (35). Меньшій результатъ этого постановленія состоялъ въ пріобрѣтеніи и великорусскою и малороссійскою промышленностію, весьма незначительною конечно въ то время, новыхъ рынковъ, и слѣдовательно поощренія къ сильнѣйшей производительности; другой результатъ, гораздо болѣе важный и убѣдительнѣе доказывающій глубину политическихъ соображеній царевны, заключался въ неминуемомъ сближеніи съ нами Украйны.

Подобная же мѣра употреблена правительствомъ въ отношеніи

---

(33) Полн. Собр. Зак. т. II, № 693.

(34) Полн. Собр. Зак. т II, № 1300. 1034.

(35) Полн. Собр. Зак. т. II, № 1036.

и къ другой вновь пріобрѣтенной провинціи,—Смоленской. Смоленскъ, уступленный Польшѣ во время самозванцевъ, былъ вновь пріобрѣтенъ Россіею вслѣдствіе славнаго Андрусовскаго перемирія, но пріобрѣтенъ не навсегда, а на время перемирія. Внутреннія смуты Польскаго государства, о которыхъ скоро будемъ подробнѣе говорить, подавали однакожь Россіи надежду удержать за собою и навсегда это старинное ея достояніе. Имѣя это въ виду, царевна старалась привлечь къ себѣ смоленское народонаселеніе, связать его выгоды съ выгодами Россіи. Она подтвердила права шляхетства вообще и раздала помѣстья безпомѣстнымъ или маломѣстнымъ дворянамъ; даровала привилегіи самому городу Смоленску (36) и всѣми этими мѣрами, безъ сомнѣнія, уравновѣсила вліяніе Россіи съ польскимъ вліяніемъ, такъ что въ случаѣ разрыва съ Польшею часть народонаселенія, можно было надѣяться, приметъ нашу сторону; въ случаѣ же окончательнаго упроченія за нами Смоленска, мы пріобрѣтали область уже на половину обрусѣлую.

Теперь перейдемъ къ обозрѣнію дѣйствій правительства въ отношеніи къ иностраннымъ государствамъ.

До Петра I сношенія наши съ западною Европою представляютъ мало интереснаго, какъ извѣстно. Франція, Испанія и Португалія были знакомы намъ почти только по имени; съ частію германскихъ государствъ, Даніею, Голландскими Штатами и Великобританіей хоть и учреждались то торговыя, то дипломатическія сношенія, но и тѣ и другія бывали временныя, случайныя, до такой степени поверхностныя, что царь Алексѣй, прогнѣвавшись на Англичанъ, однимъ словомъ своимъ расторгъ всякую связь своихъ подданныхъ съ ними, и этотъ разрывъ не произвелъ потрясенія въ промышленности ни того, ни другаго народа.

Таковы были торговыя связи наши съ Западомъ. Что касается до отношеній дипломатическихъ, то за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, какъ напримѣръ предполагаемаго брачнаго союза при Годуновѣ съ Датскимъ дворомъ, или дѣятельнаго участія папъ въ нашихъ дѣлахъ при самозванцахъ, дипломатическая переписка наша не имѣла никакихъ важныхъ слѣдствій.

Съ азіятскими государствами мы имѣли болѣе древнія, но развѣ мало чѣмъ болѣе тѣсныя связи, не желисъ западно-европейскими. Правда, съ Персіею, съ Китаемъ, вели мы издревле торговлю; отъ

(36) Полн. Собр. Зак. т. II, №№ 935 [illegible]

первой получали ковры и шелковыя ткани, изъ втораго вывозили еще при Іоаннѣ Грозномъ чай (37); но всѣ эти торговыя сношенія были непостоянны, недѣятельны, не были жизненною необходимостью народовъ, также какъ отношенія дипломатическія были по большей части только этикетныя: длинныя грамоты, которыми отъ времени до времени обсылались государи русскіе съ персидскими и китайскими: онѣ состояли на половину изъ титуловъ, другая же половина ихъ была наполняема высокопарными вѣжливостями...

Но изъ этого еще не должно заключать, чтобъ Россія жила совершенно отдѣльною, уединенною жизнію между европейскими государствами, которыхъ интересы въ эпоху, нами описываемую, уже значительно обобщились. Напротивъ, была сфера, въ которой Россія постоянно обнаруживала свое вліяніе; въ кругу государствъ Европы восточной, она имѣла свое значеніе, свою степень; интересы Швеціи, Польши и Турціи (съ Крымомъ) часто сталкивались съ интересами Россіи, и мы то воюемъ съ Польшею за Ливонію при Грозномъ, то заключаемъ договоры съ Швеціею при Шуйскомъ, то сажаемъ на московскій престолъ польскаго царевича, то протягиваемъ руку къ коронѣ польской. Съ половины XVII вѣка исторія Россіи тѣсно связывается съ исторіей государствъ восточной Европы. Присоединеніе Малороссіи сильно столкнуло интересы Россіи, Польши и Турціи, и длинная цѣпь переговоровъ, войнъ и перемирій связываетъ судьбы этихъ трехъ государствъ въ продолженіе полувѣка, до тѣхъ поръ, пока Петръ I не далъ другаго направленія силамъ и политики Россіи.

Чтобъ яснѣе уразумѣть политику царевны въ отношеніи къ сосѣдственнымъ государствамъ, обратимся нѣсколько назадъ и разберемъ обстоятельства, давшія основанія этой политикѣ.

Основаніемъ сношеній нашихъ съ Швеціею въ XVII вѣкѣ былъ договоръ, заключенный съ нею Шуйскимъ, по которому Россія уступала ей часть прибрежья Финскаго залива въ уплату за помощь противъ Самозванцевъ и Поляковъ. Въ то время какъ Шуйскій покупалъ столь дорогою цѣною союзъ Швеціи, Самозванецъ расплачивался за пособіе Польши Смоленскою и Сѣверскою областями. Царь Михаилъ, чтобъ умирить и успокоить свое госу-

(37) Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846. № 3.

дарство, принужденъ былъ подтвердить уступки, сдѣланныя его предшественниками, Польшѣ и Швеціи. Алексѣй Михайловичъ, вступилъ слѣдовательно въ управленіе государствомъ, потерявшимъ старинныя свои области, отрѣзаннымъ отъ морей, и имѣвшимъ границу въ 4—5 переходахъ отъ столицы. Между тѣмъ Россія оправилась, окрѣпла и стала обнаруживать ту, если можно такъ сказать, стальную упругость, вслѣдствіе которой она при первой возможности стремилась раздвинуться и захватить пространство, нѣкогда ею занимаемое. Малороссія изъявила желаніе вступить въ подданство Алексѣя. Предложеніе было заманчиво, но принять его, значило начать упорную борьбу съ Польшею и Турціею, потому что оба эти государства считали Украйну своею добычею и достояніемъ. Подданство Хмѣльницкаго было послѣ долгихъ колебаній наконецъ принято и война съ Польшею и Турціею началась. Успѣхъ однакожь былъ по большей части на нашей сторонѣ, вслѣдствіе чего и былъ заключенъ съ Польшею Ордыномъ-Нащокинымъ славный Андрусовскій договоръ, который возвращалъ Россіи, только на время перемирныхъ лѣтъ, бóльшую часть уступленныхъ не задолго передъ тѣмъ земель.

Въ то время, какъ царь Алексѣй такъ счастливо вознаграждалъ Россію за недавнія ея потери со стороны Польши, онъ вознамѣрился возвратить отъ Швеціи прибрежье Финскаго залива или даже можетъ быть Балтійскаго моря (38). Но подъ стѣнами Риги счастье, сначала благопріятствовавшее Русскимъ, оставило ихъ. Царь заключилъ миръ, которымъ прежнія уступки наши Швеціи были подтверждены.

Что же касается до Турціи, то война съ нею за Малороссію продолжалась, то пріостанавливаясь, то снова вспыхивая, и Ѳеодоръ Алексѣевичъ наслѣдовалъ ее, вмѣстѣ съ престоломъ отца своего; она кончилась наконецъ Бахчисарайскимъ договоромъ, заключеннымъ въ 1681 году на двадцать лѣтъ Тяпкинымъ и Зотовымъ (учителемъ Петра Великаго), вслѣдствіе котораго признано было безспорное господство Россіи надъ Украйною (до Днѣпра). Съ Польшею, съ другой стороны, было возобновлено перемиріе еще на тринадцать лѣтъ на прежнихъ же условіяхъ, исключая нѣкоторыя противъ прежняго уступки съ нашей стороны.

---

(38) Нынѣшнія остзейскія губерніи уступлены Польшею Швеціи по Оливскому миру.

Таковы были отношенія наши къ сосѣдямъ при вступленіи на престолъ царей Іоанна и Петра. Какъ къ сосѣднимъ дворамъ, такъ и къ дворамъ западной Европы посланы были *любительныя грамоты,* на которыя съ большею или меньшею поспѣшностію послѣдовали отвѣты. Прежніе договоры и трактаты были подтверждены со всѣми, какъ потому, что мы со всѣми были въ мирныхъ отношеніяхъ и не было причины нарушить ихъ, такъ и потому, что сомнительное въ началѣ положеніе правительства принуждало его обратить все свое вниманіе на внутреннія дѣла.

Но въ этой восточной Европѣ, въ которой съ половины XVII столѣтія интересы такъ обобщились, не замедлили обнаружиться признаки близкихъ потрясеній. Султанъ Магометъ IV и знаменитый визирь его, Купроглы, являются послѣдними представителями энергіи, буйной отваги и славы Османовъ. Турція оживилась при нихъ. Сухопутныя ея войска, покинувъ, вслѣдствіе Бахчисарайскаго договора, берега Днѣстра, обратились на Польшу и Австрію и принудили одну къ уступкѣ Каменца съ Подоліею, другую къ невыгодному для нея Темешварскому миру. Флотъ Турціи между тѣмъ, послѣ двадцатилѣтней осады Кандіи, отнялъ этотъ важный островъ у Венеціянской республики. Это встревожило европейскихъ государей, тѣмъ болѣе что въ будущемъ можно было предвидѣть новыя враждебныя вмѣшательства со стороны Магомета.

Пріобрѣтеніе Венгерскаго королевства австрійскими эрцъ-герцогами, безъ сомнѣнія возвысило ихъ въ глазахъ Европы, но въ сущности оно было для нихъ весьма часто отяготительно. Народъ венгерскій не сливался съ прочими подданными австрійскаго государя, ревниво дорожилъ своею національностію и не разъ уже со времени своего присоединенія до исхода XVII вѣка обнаруживалъ энергическія попытки къ возстановленію своей независимости. Въ послѣдней четверти этого вѣка венгерскія дѣла приняли для Австріи весьма неблагопріятный оборотъ. Венгерцы взялись за оружіе; по всему государству быстро распространилось возмущеніе и главою его является молодой, отважный, предпріимчивый Текелій. Чувствуя однакожь неравенство силъ между Австріею (поддерживаемою Германіей) и Венгріею; онъ воззвалъ о помощи къ Турціи и отдалъ отечество свое подъ ея покровительство. Турція съ радостію воспользовалась случаемъ сдѣлать зло

давнишней своей соперницѣ, и возстаніе Венгріи, руководимое Текеліемъ, подстрекаемое французскою политикою, поддерживаемое Турціею, обнаружилось съ ужасающею силою и быстротою (39).

Поставленный между этимъ возстаніемъ и неутомимою враждою Лудовика XIV, императоръ Леопольдъ заботливо сталъ изыскивать себѣ союзниковъ. Въ это время королемъ польскимъ былъ Янъ III Собіесскій, знаменитый побѣдитель Турокъ, возведенный на престолъ признательностію согражданъ. Онъ имѣлъ двойную причину желать союза съ императоромъ: государственную и личную, династическую. Возвратить Каменецъ и Подолію было единодушное желаніе государства; весь народъ скорбѣлъ объ этой утратѣ (40) и негодовалъ на миръ съ Турціею, обложившій Польшу унизительною данью (41). Съ другой стороны Янъ стремился къ утвержденію престолонаслѣдія въ своемъ семействѣ, и въ этомъ отношеніи содѣйствіе императора могло быть ему весьма полезно; поэтому-то императоръ и послалъ своихъ агентовъ въ Польшу съ полною надеждою на успѣхъ. Между тѣмъ Лудовикъ XIV, котораго политическою системою было противудѣйствіе Австрійскому дому, сталъ заискивать дружбы воинственнаго Яна. Варшава сдѣлалась театромъ ожесточенной дипломатической борьбы между Франціей и Австріей. Послѣдняя однакожь превозмогла наконецъ, какъ потому, что она предлагала деньги на военныя издержки, въ которыхъ Польша имѣла крайнюю нужду (42), такъ и потому, что императоръ изъявилъ согласіе на бракъ старшаго сына Янова съ одною изъ эрцъ-герцогинь, между тѣмъ какъ Лудовикъ XIV имѣлъ несчастіе вооружить противъ себя супругу польскаго короля, пользовавшуюся въ государственныхъ дѣлахъ большимъ вліяніемъ (43). Итакъ предложеніе Леопольда было принято, и договоръ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: императору выставить 70 тысячь войска, королю 40 тысячъ, не-

(39). Hist. d'Eméric Tékéli. (40) Возвращеніе Каменца было однимъ изъ условій, которыя долженъ былъ подписать Августъ II, чтобъ получить польскую корону. (41) Zielinsky, Hist. de Pologne. T. II. 273. (41) Тотъ же Зелинскій говоритъ, что предшественникъ Яна, Михаилъ Вишневецкій, будучи избранъ королемъ, нашелъ дворъ въ такой бѣдности, что принужденъ былъ нѣсколько дней обѣдать у друзей своихъ. (43) Niemccewivicz, 544.

мириться одному безъ другаго и стараться пріобрѣтать новыхъ союзниковъ общему дѣлу.

Вслѣдствіе этой послѣдней статьи императоръ обратился къ венеціянскому правительству и при помощи папы Иннокентія XI, лично ему преданнаго, при помощи напоминанія о потерянной республикою Кандіи, успѣлъ склонить ее къ войнѣ Янъ III съ своей стороны обратился къ Россіи; послѣ многихъ намековъ и полусловъ объ обязанностяхъ всѣхъ христіянскихъ государей дѣйствовать съ-обща противъ враговъ креста, онъ наконецъ рѣшился формально пригласить царей къ союзу, 21 апрѣля 1683 года (44). Предложеніе это было получено въ Москвѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возвращенія царей изъ Троицкаго похода, когда еще волненіе, произведенное стрѣлецкимъ бунтомъ и замыслами Хованскаго, не успѣло совершенно утихнуть, когда правительство было слишкомъ озабочено у себя дома, и когда, слѣдовательно, вдаваться въ какія либо предпріятія внѣшней политики было бы съ его стороны и неблагоразумно и неосторожно. По этому предложеніе польскаго короля было отвергнуто на томъ основаніи, что Турція не подала повода къ нарушенію съ нею мира. Въ самомъ дѣлѣ въ первые мѣсяцы правленія Софіи, прибылъ изъ Константинополя посолъ нашъ, Возницынъ, съ ратификаціею Бахчисарайскаго трактата, который Магометъ медлилъ подписывать, пока наконецъ не узналъ о союзѣ императора съ польскимъ королемъ и о домогательствахъ ихъ обоихъ склонить къ тому же союзу и Россію.

За то, съ другой стороны вмѣшательство Дивана въ дѣла Венгріи приняло рѣшительный характеръ. Между тѣмъ какъ Текелій, прокламаціями своими и личнымъ примѣромъ возбуждая венгерское народонаселеніе, проникъ въ Силезію (45), а будинскій паша овладѣлъ Токаемъ, на берегахъ Савы и Дуная собрались огромныя полчища Турокъ, и въ началѣ весны 1683 года хлынули наконецъ на владѣнія Австріи, гоня передъ собою ея войска. Императоръ, не имѣя въ готовности силъ, чтобъ противустать этому страшному вторженію, не считая себя безопаснымъ въ своей столицѣ, оставилъ ее, и за нимъ до шестидесяти тысячъ жителей поспѣшили выѣхать изъ Вѣны (46), которая и была обложена

(44) Туманск., т. IV, 78. (45) Hist. d'Emeric Tékéli. 132. (46) Ibid. 148.

Турками 14 іюля. Въ этой крайности Леопольдѣ потребовалъ отъ Яна III исполненія договора. Бодрый король поспѣшилъ съ своимъ дворянствомъ сѣсть на коня, явился подъ стѣнами Вѣны и послѣ жаркаго боя принудилъ Турокъ поспѣшно отступить... Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ лагерь побѣдителя и императоръ; но вмѣсто благодарности за спасеніе своей столицы, оказалъ ея освободителямъ надменный и холодный пріемъ. Это естественно оскорбило и самого Яна и еще больше его дворянство, которое неохотно шло биться противъ Венгерцевъ, чувствуя къ нимъ болѣе симпатіи, нежели къ австрійцамъ. Но дѣлать было нечего; мириться съ Турками уже поздно было, и потому король польскій обратился съ новыми убѣжденіями къ русскому двору.

Онъ поспѣшилъ извѣстить царей о пораженіи Турокъ; «Мнится—писалъ онъ—что толико гордый и дѣдичный (древній) креста святаго непріятель и все войско потерять принужденъ былъ, еслибъ для толико великой побѣды и день былъ большой; но нощь наступила и онъ ушелъ (47), однакожь идемъ за нимъ, гоняясь, и уже наши передовые поѣзды на шеяхъ ихъ подлинно сидятъ». Съ естественнымъ и понятнымъ удовольствіемъ распространившись въ описаніи своей побѣды, онъ прибавляетъ: «Надежда въ крѣпкомъ Богѣ, что тотъ народъ бусурманскій, когда ни есть рукою христіянскою, при благословеніи Высочайшаго укротится и преломится, токмобъ всѣ христіянскіе государи восхотѣли»... За тѣмъ прямо обращаясь къ царямъ, онъ убѣдительно приглашаетъ ихъ соединить свои силы съ силами побѣдителей и пригласить персидскаго шаха къ союзу. Императоръ съ своей стороны, извѣщая о пораженіи Турокъ, убѣждаетъ: «совокупивъ сердца, руки и оружіе», положить конецъ общему врагу христіянства.

Надѣясь новыми извѣстіями о побѣдахъ возбудить бранный духъ въ русскомъ правительствѣ, Янъ не допускалъ случая писать въ Москву. «Дунай, писалъ онъ изъ-подъ Буды (48), на треть версты пространства кровію плылъ»; онъ извѣщалъ и о помощи, которая стекалась къ нему со всѣхъ концовъ Германіи; «приходитъ, говорилъ онъ, время на изгнаніе изъ Европы враговъ святой вѣры», и не получая удовлетворительнаго отвѣта, удивлялся

---

(47) Туманск., т. IV, 100. (48) Туман. 107.

равнодушію Россіи въ дѣлѣ общемъ всему христіянству, грозилъ гнѣвомъ небеснымъ...

Дѣйствительно, трудно было найдти болѣе удобное время для начатія войны съ Турціею, ослабленною и устрашенною цѣлымъ рядомъ неудачь. Герой Собіесскій уже создавалъ въ умѣ своемъ цѣлый планъ похода противъ Турокъ: Австрійцы должны были дѣйствовать со стороны Дуная, Поляки въ Подоліи, Русскіе противъ Крыма, персидскій шахъ наконецъ, къ которому посланы были гонцы изъ Варшавы (49), со стороны Малой-Азіи. Много было вѣроятностей успѣха, даже не расчитывая на содѣйствіе Персіи; но правительство русское не рѣшилось еще употребить силъ своихъ и дѣятельности на отдаленныя предпріятія.

Между тѣмъ въ отношеніи къ иностраннымъ дворамъ оно находилось въ прекрасномъ положеніи. Польскій король въ частыхъ своихъ посылкахъ хотя и выказывалъ иногда неудовольствіе на холодность нашу, старался однакожь всячески угождать царямъ, вызывалъ ихъ на полюбовное рѣшеніе пограничныхъ споровъ, посылалъ въ Москву листы за листами, пословъ за послами; императоръ Леопольдъ, надменный и гордый человѣкъ, непреклонный въ отношеніи къ этикету въ лагерѣ Собіесскаго, подъ стѣнами униженной Вѣны,—хвалился дружбою своею съ Россіею, благодарилъ за хорошій пріемъ, оказанный въ Москвѣ его посламъ (50); султанъ Магометъ, наконецъ, поспѣшилъ смѣнить «холопа и работника своего крымскаго хана» вслѣдствіе неудовольствій противъ него Россіи (51). Въ столь выгодномъ и почетномъ положеніи относительно сосѣднихъ государствъ мы едва ли когда либо доселѣ были. Надлежало наконецъ имъ воспользоваться; иначе война съ Турціею могла окончиться, а миръ естественно отнималъ у Россіи выгодное ея положеніе.

Но такъ какъ участіе царевны въ турецкой войнѣ нашло много порицателей между современниками, а вслѣдъ за ними и между историками, то постараемся вникнуть, до какой степени эти порицанія справедливы; дѣйствительно ли были безумнымъ дѣломъ эти крымскіе походы — значительнѣйшее явленіе въ правленіе Софіи? выгоднѣе ли было бы сохраненіе нейтралитета? или на-

---

(49) Туман. 163.
(50) Туман. 175. (51) Туман. 151.

конецъ лучше ли было бы, вступивъ въ борьбу со Швеціею, обратить всѣ силы и все вниманіе на пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря, какъ это даетъ чувствовать Голиковъ?

Вопросъ о нейтралитетѣ падаетъ самъ собою. Государство нейтральное играетъ значительную роль только до тѣхъ поръ, пока длится ожиданіе, что оно пристанетъ къ той или другой сторонѣ; слѣдовательно Россія не могла долго сохранить свое выгодное положеніе относительно воюющихъ державъ; безъ сомнѣнія всего полезнѣе было бы ей преслѣдовать внутреннее свое развитіе; но она не могла съ желаемымъ успѣхомъ этимъ заняться до тѣхъ поръ, пока границы ея были далеко отъ Чернаго и Балтійскаго морей, когда единственные ея порты были на Сѣверномъ океанѣ, когда наконецъ дремучіе лѣса и болота Литвы отдѣляли ее отъ Европы. Это географически безобразное государство, прижатое къ полярнымъ льдамъ, границы котораго проходили почти въ виду столицы, и между тѣмъ безмѣрно растянутое отъ запада къ востоку, открытое наконецъ вторженіямъ дикихъ Крымцевъ, не обезопасенное ни со стороны Швеціи, ни Польши, должно было прежде всего создать себѣ правильное очертаніе, пріобрѣсть болѣе надежныя и выгодныя границы: слѣдовательно дальнѣйшій нейтралитетъ не обѣщалъ ни внѣшняго величія, ни значительнаго развитія внутреннихъ силъ государства.

Итакъ оставалось выбирать между войною съ Швеціею или Турціею. Съ XVI вѣка вниманіе царей нашихъ преимущественно обращено было на сѣверъ; это вошло какъ бы въ преданіе русской политики. Но надо принять во вниманіе, что во все это время Крымцы и Турки были слишкомъ могущественны, и мы не могли думать о пріобрѣтеніи береговъ Чернаго моря, а потому Іоаннъ Грозный, Годуновъ и Алексѣй не имѣли выбора, и желая добыть моря, должны были искать обладанія балтійскими берегами. Во время этихъ войнъ нашихъ со Швеціею, она была всегда развлечена другими войнами, обезпокоиваема другими врагами, и мы однакожь постоянно не имѣли успѣха. Въ настоящее же время Карлъ XI могъ располагать всѣми силами своего государства; онъ былъ монархъ самодержавный, болѣе нежели кто либ изъ его предшественниковъ, и хотя его дворянство, особлив лифляндское; было недовольно крутымъ его правленіемъ, но к Россіи расположено оно было еще менѣе. При томъ шведско

войско менѣе полувѣка тому назадъ прошло съ побѣдою всю Европу и еще недавно громило Польшу, несравненно превосходившую насъ въ военномъ отношеніи. Самъ Петръ, обладавшій уже значительнымъ регулярнымъ войскомъ, великій воинъ самъ, геній могущественно владычествовавшій надъ умами своего народа—и онъ счелъ нелишнимъ вооружить противъ Швеціи Польшу и Данію: слѣдовательно не безразсудно ли было бы царевнѣ, не располагавшей ни однимъ изъ средствъ Петра, вступить въ борьбу съ государствомъ, не подавшимъ сверхъ того никакого повода къ серіозному неудовольствію?

Въ отношеніи къ Крымцамъ мы были совершенно въ другихъ отношеніяхъ; правда, Черное море было не столь выгодно для насъ какъ Балтійское, и берега его были дальше отъ нашихъ границъ нежели берега Балтійскаго; но въ случаѣ успѣшной войны съ Турціею мы могли достигнуть двойной выгоды: добыть себѣ море, и если не истребить вовсе, то значительно ослабить, заключить въ Таврическій полуостровъ, заклятыхъ враговъ нашихъ, несравненно опаснѣйшихъ и безпокойнѣйшихъ нежели Шведы; если же бы удалось вовсе изгнать Татаръ, что̀ считали возможнымъ нѣкоторые безпристрастные современники (52), то какія огромныя богатства нашли бы мы въ Крыму, куда въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ стекались сокровища Польши, Венгріи, Дунайскихъ Княжествъ и наши русскія! Турція была бы намъ не страшна; можетъ быть не было бы ни прутской кампаніи, ни всѣхъ войнъ на берегахъ Дуная, славныхъ безъ сомнѣнія, но стоившихъ Россіи много крови; обезопасились бы и процвѣли бы богатыя области Курская и Воронежская; Украйна и Запорожье надежнѣе утвердились бы за Россіею; напослѣдокъ положено было бы окончаніе двухсотъ-пятидесятилѣтней борьбы нашей съ татарскими ордами, завершено было бы дѣло обоихъ Іоанновъ! Къ этому едва ли когда могъ представиться удобнѣйшій случай. Турція была сильно озабочена дѣйствіями Поляковъ и Австрійцевъ, и давно отказавшись отъ содѣйствія Венгріи, съ трудомъ отбивалась на своей собственной землѣ; доказательствомъ, какъ дорогъ для нея былъ нейтралитетъ Россіи, служитъ низложеніе крымскаго хана. Съ другой стороны Янъ III, болѣе герой чѣмъ политикъ, съ такою настойчивостію

(52) Tagebuch des G. Gordon t. II. 5.

приглашалъ Россію къ союзу, былъ такъ уступчивъ въ мелкихъ недоразумѣніяхъ, естественно встрѣчающихся между сосѣдями, что можно было надѣяться на хорошую плату за нашу помощь. Сколько выгодъ слѣдовательно, казалось, обѣщала война съ Турціею!

Но былъ ли законный или хоть благовидный поводъ къ начатію этой войны? Такой необузданный народъ какъ Татары, даже при самомъ миролюбивомъ расположеніи своего правительства, не въ состояніи были строго сохранять договоры. «Вы не будете первыми зачинщиками, говоритъ Гордонъ (53) въ официяльной своей запискѣ Голицыну; Татары нападали въ разныя времена на вашу землю, увлекали плѣнниковъ; превращали смыслъ и содержаніе мирнаго союза, безчестили вашихъ гонцовъ». И дѣйствительно, они мучили и ругали нашего посланника, стольника Тараканова. Гетманъ Самойловичь слалъ одно за другимъ донесенія въ Москву о разореніи Крымцами нашихъ границъ. Въ то время какъ правительства считались въ мирѣ между собою, пограничные начальники продолжали вести открытую войну; азовскій паша не давалъ покоя нашимъ Донцамъ, грозилъ вторженіемъ въ ихъ земли; вотъ что̀ писалъ бодрый атаманъ донскаго войска Фролъ Минаевъ къ крымскому хану (54): «Если ты, ханъ Муродъ Гирей, азовскаго Сюина-бея не уймешь, то и мы молчать не будемъ же; а и самъ ты хочешь идти подъ наши городки; и наши городки не корыстные, оплетены плетнями и обвѣшаны тернами, а надо ихъ доставать твердо головами. Даромъ вамъ въ дальній путь забиваться!» При такихъ отношеніяхъ не надо было долго искать предлога къ войнѣ.

Итакъ остается только рѣшить: можно ли было надѣяться на успѣхъ въ войнѣ съ Татарами? Если когда нибудь онъ былъ вѣроятенъ, то именно въ настоящую минуту. Султанъ, занятый собственными дѣлами, не въ состояніи былъ оказать имъ помощи а слѣдовательно намъ предстояло раздѣлываться съ ними одинъ на одинъ. Къ концу XVII столѣтія Крымцы не имѣли уже въ глазахъ нашихъ ореола непобѣдимости; при Алексѣѣ и Ѳеодорѣ мы терпѣли отъ нихъ пораженія, но и сами бивали ихъ; кавалерія

(53) Тамъ же.
(54) Собр. Грам. и догов. т. IV. № 157.

ихъ была лучше нашей, но съ своею пѣхотою мы смѣло могли ихъ встрѣтить. «Московскій народъ очень стоекъ въ защитѣ», сказалъ о насъ гетманъ Жолкѣвскій въ началѣ XVII (55), также какъ сказалъ это два вѣка спустя Наполеонъ; иностранецъ, бывшій въ русской службѣ, Шлейсингъ (56), хвалитъ нашу пѣхоту (въ отношеніи къ войнѣ съ Татарами); слѣдовательно при столь благопріятныхъ политическихъ условіяхъ, вопросъ и въ военномъ отношеніи представлялъ вѣроятности успѣха. Гордонъ, образованный военный человѣкъ, долго служившій на украинской границѣ, знавшій слѣдовательно хорошо и наши средства и силы Татаръ, не сомнѣвался въ успѣхѣ. Только театръ войны былъ неблагопріятенъ: прежде чѣмъ добраться до Крыма, надлежало проходить пустыми степями; но предусмотрительностію можно было до нѣкоторой степени предотвратить неудобства слѣдованія по безводнымъ пустынямъ: можно было держаться Днѣпра, такъ что безъ воды пришлось бы идти не болѣе двухъ дней; мѣстоположеніе было открытое, допускавшее вездѣ боевой порядокъ; трудныхъ мѣстъ, — лѣсовъ, болотъ, переправъ не было вовсе; такъ по крайней мѣрѣ увѣряли специяльные люди, вызванные и спрошенные правительствомъ (57). Все слѣдовательно убѣждало его на подвигъ, котораго послѣдствія могли быть огромны.

Въ самомъ дѣлѣ, какой толчекъ, какое развитіе могло бы дать нашему отечеству взятіе Крыма, овладѣніе берегами Чернаго моря, — а это считалось возможнымъ для людей, повторяемъ, которыхъ нельзя подозрѣвать въ угодничествѣ сильному любимцу! Нѣтъ, крымскіе походы были не прихотью Голицына, не капризомъ царевны, не затѣей безъ основанія и результатовъ, какъ это представляютъ многіе историки! Исполненіе ихъ было дурно, и мы скажемъ и докажемъ это въ свое время съ полнымъ безпристрастіемъ; но мысль ихъ была великая, плодовитая; ее выполнила Екатерина столѣтіе спустя. Самъ Петръ, наконецъ, не обратился ли онъ прежде къ Черному, нежели къ Балтійскому морю? А Петръ не былъ въ столь благопріятныхъ условіяхъ относительно Татаръ какъ царевна, поддерживаемая Польшею, Австріею и

(55) Обзоръ Соб. Р. И. Совр. 1849 г. № 3. 32.
(56) Die beiden Zaaren, Schleissing.
(57) Tagebuch des G. Gordon t. II. 5.

венеціянскимъ флотомъ. Взятіе Азова Петръ торжествовалъ конечно не какъ побѣду надъ ничтожною крѣпостцою, но какъ первый шагъ къ великому будущему. Это будущее должна была имѣть въ виду и царевна: если предполагалось ея правительствомъ завести флотъ на Каспійскомъ морѣ (58), пустынномъ морѣ, уединенномъ, мало посѣщаемомъ и въ настоящее время, то неужели тогоже не предполагалось относительно Чернаго моря, этого естественнаго пути восточной торговли, этой открытой и прямой дороги къ самому сердцу Турецкой имперіи?

Итакъ война съ Крымомъ была рѣшена въ Москвѣ; но это рѣшеніе должно было скрывать отъ Польши, чтобъ принудить ее къ жертвамъ и уступкамъ за наше содѣйствіе. Поэтому посламъ императора Леопольда, бывшимъ въ Москвѣ въ 1684 году, сказано, что начать войну съ Турками Россія не можетъ, не обезпечивши себя прочнымъ образомъ со стороны Польши. Объясненіе это было очень искусно сдѣлано: оно ставило императора въ положеніе посредника, котораго выгоды были однакожь на нашей сторонѣ и который слѣдовательно долженъ былъ дѣйствовать въ нашу пользу на польскаго короля.

Началась переписка между московскимъ и варшавскими дворами. Назначено было съѣхаться уполномоченнымъ; пренія должны были происходить въ Москвѣ. Янъ III прислалъ сенатора Гримультовскаго, двухъ князей Огинскихъ и Потоцкаго. Царевна съ своей стороны уполномочила начальника Посольскаго приказа, князя Вас. Вас. Голицына и придала ему ближнихъ бояръ Бор. Петр. Шереметева и Ив. Вас. Бутурлина, ближнихъ окольничихъ П. Д. Скуратова и И. Пв. Чаадаева, да думныхъ дьяковъ Украинцова, Бобинина, Посникова, Возницына и Волкова; мы выписали имена всѣхъ участниковъ одного изъ славнѣйшихъ нашихъ дипломатическихъ подвиговъ (59).

Два трактата могли служить основаніемъ при предстоявшихъ переговорахъ: Андрусовскій и трактатъ 1678 года. Условія перваго были слѣдующія: Днѣпръ назначался границею между Россіею и Польшею; Украйна по лѣвую сторону сей рѣки утверждалась на вѣки за Россіею; Кіевъ, хотя и на польскомъ берегу сто-

---

(58) Сахарова Зап. Р. Люд., въ примѣч. 25 къ Запис. Мат.

(59) Полн. Соб. Зак. Т. IV. № 1186.

ящій, предоставленъ Россіи на два года; на все время перемирныхъ лѣтъ уступались Польшею: Смоленскъ, Дорогобужъ, Невель, Себежъ, Красный, Велижъ, Черниговъ, вся Сѣверская земля со многими городами; Запорожье должно было оставаться подъ обороною и послушаніемъ обоихъ государей. Таково содержаніе Андрусовскаго договора. Договоръ 1678 года подтвердилъ тѣже самыя условія, то есть Днѣпръ границею между обоими государствами, двухлѣтнее владѣніе Кіевомъ и тринадцатилѣтнее (срокъ перемирія) Смоленскою и Сѣверскою областями, за исключеніемъ Невеля, Велижа и Себежа, уступленныхъ на этотъ разъ Россіею Польшѣ. Сверхъ того въ оба эти перемирія уплачено съ нашей стороны 400 тысячъ злотыхъ.

Изъ приведенныхъ договоровъ, разумѣется, выгоднѣе для насъ было бы принять въ основаніе первый: кажется такъ и было сдѣлано; по крайней мѣрѣ безъ уваженія къ уступкамъ, сдѣланнымъ въ 1687 году статьи андрусовскія были приняты во всей ихъ обширности и утверждены *на вѣки*, а именно: Сѣверская земля со всѣми городами и Смоленская отходили навсегда къ Россіи. Кіевъ, съ нѣсколько бóльшимъ противъ прежняго округомъ, также на вѣки уступленъ былъ Польшею, равно какъ и Запорожье, признанное нераздѣльнымъ и безспорнымъ достояніемъ Россіи. Таковы были статьи относительно границъ нашихъ съ Польшею; другими статьями опредѣлялись титулы государей, права взаимной торговли, свобода вѣроисповѣданій, пограничныя отношенія и наконецъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Турокъ. Положено въ текущемъ же 1686 году Россіи открыть военныя дѣйствія, направляя ихъ противъ Крыма; въ случаѣ же окончательнаго успѣха съ этой стороны обратить свои войска для содѣйствія Полякамъ, — помощь, выговоренная и Россіею отъ Польши; мира не заключать отдѣльно. Король польскій обнадеживалъ, что условія этого союза будутъ приняты во всей ихъ силѣ императоромъ германскимъ и Венеціянскою республикою, и что онъ становится общимъ дѣломъ между всѣми четырьмя поименованными государствами.

Въ какомъ отношеніи мы ни стали бы разсматривать этотъ договоръ, вездѣ интересы Россіи торжествуютъ. Утвержденіе за Россіей Кіева,—*матери городовъ Русскихъ*, — было со стороны царевны данью народной гордости, данью, которую домогались и

не въ состояніи были принести царь Алексѣй и Ѳеодоръ. Пріобрѣтеніе Смоленской и Сѣверской земли съ линіею Днѣпра доставляло намъ естественную границу и отдаляло ее отъ столицы, возвращало въ лоно отечества похищенныхъ у него чадъ, начиная такимъ образомъ великое *сліяніе славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ* (60). Исключительное владѣніе Запорожьемъ приближало насъ къ Черному морю, приводило Россію съ нимъ въ соприкосновеніе, отнимало у польскихъ интригъ входъ въ Русскую землю, окончательно разрѣшало вѣковой споръ между московскимъ, варшавскимъ и цареградскимъ дворами и обѣщало значительныя выгоды при предстоявшей войнѣ съ Турціей... Сколько выгодъ постоянныхъ, вѣчныхъ, сколько плодовитыхъ сѣменъ, за единовременную уплату ста сорока тысячъ рублей! И выгоды эти пріобрѣтены не усиліями, не войною, но одною искусною политикой, умѣніемъ воспользоваться счастливыми обстоятельствами! Еслибъ предполагаемая война съ Крымомъ не принесла никакихъ результатовъ, то уже одинъ этотъ договоръ заранѣе выкупалъ все, и кровь русская проливалась бы не даромъ...

Желая пріобрѣсть новыхъ союзниковъ и, еще болѣе, вступить въ новыя связи съ европейскими государями (61), царевна отправила посольство въ Голландію къ бранденбургскому, датскому, шведскому, также къ французскому и испанскому дворамъ, въ

---

(60) . . . .
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.

А. Пушкинъ.

(61) Вся Западная Европа была въ то время озабочена честолюбивыми замыслами Лудовика XIV, гораздо для нея опаснѣйшаго, чѣмъ Магометъ IV; поэтому нельзя было надѣяться, чтобъ приглашенія наши къ союзу противъ Турокъ были приняты. Гораздо вѣроятнѣе, что царевна воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ войдти въ сношенія болѣе тѣсныя съ западною Европою,—желаніе, которое не разъ она обнаруживала. Какой въ самомъ дѣлѣ интересъ могла имѣть отдаленная Испанія, Брандебургъ, Данія въ войнѣ съ Турціею? Но въ 1685 году русское правительство разрѣшило датскому резиденту закупить 100 т. четвертей хлѣба (Дѣянія Петра Великаго т. 1. 195). Въ 1683 году была переписка объ открытіи въ Колѣ торговой датской конторы, а въ 1688 году состоялся указъ о дарованіи права бранденбургскимъ подданнымъ торговать въ Архангельскѣ (П. С. З. т. II. № 1327[1]). Намъ кажется вѣроятнымъ, что царевна желала и отчасти успѣла чрезъ свои посольства открыть подобныя сношенія, и завести оныя съ другими государствами. Открыты были сношенія и переговоры съ Китаемъ, окончившіеся торговымъ договоромъ (Полн. Собр. Зак. т. III. 1346 №.). Имеретинскій царь

Вѣну же за ратификаціей договора и для окончательныхъ совѣщаній, касательно предстоявшей войны, посланъ былъ дипломатъ и воинъ, уже начинавшій свою знаменитость, Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Между имъ, имперскими министрами и посломъ польскаго короля, княземъ Любомірскимъ, были опредѣлены время открытія военныхъ дѣйствій, число войска, которое должна была выставить каждая изъ договаривающихся державъ и прочія подробности. Шереметевъ пробылъ довольно долго въ Вѣнѣ съ многочисленною свитою; наконецъ онъ возвратился въ Россію, а окольничій Чаадаевъ, также одинъ изъ участниковъ послѣдняго договора, отправился далѣе, въ Венецію, для подобныхъ же совѣщаній. «Итакъ видно, говоритъ авторъ, у котораго заимствуемъ мы эти извѣстія (62), что не одна Польша спасала Венгрію и Европу отъ Турокъ.»

Договоръ 1686 года былъ принятъ, какъ и слѣдовало ожидать московскимъ и варшавскимъ дворами съ весьма различными чувствами. Янъ III подписалъ его со слезами на глазахъ. Царевна же осыпала милостями Голицына и его сотрудниковъ, и съ торжествомъ обнародовала о блистательныхъ пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ ею.

Славнымъ этимъ договоромъ мы заключимъ главу, посвященную обзору дѣйствій царевнина правительства,—дѣйствій, ознаменованныхъ духомъ послѣдовательности, порядка и нѣсколькими великими, плодовитыми предположеніями. Царевна возвысилась неправдою, и была низложена во имя законности; за кратковременнымъ ея правленіемъ послѣдовало долгое, блистательное правленіе геніальнаго человѣка. Современники, пораженные величіемъ Петра, пропустили безъ вниманія его сестру; можетъ быть въ этомъ равнодушіи къ падшей партіи играло не малую роль, желаніе угодить партіи торжествующей. Но если всѣ эти причины могли существовать для современниковъ,—для насъ, людей XIX столѣтія, они существовать не могутъ. Къ Милославскимъ и къ

Арчилъ принятъ въ русское подданство (Соб. Гр. и Дог. т. IV. № 159). Но есть и болѣе важный памятникъ дипломатическихъ дѣйствій: это основанная на прошеніи молдавскаго господаря Контакузена грамота, обнадеживающая его, что онъ принятъ будетъ въ подданство Россіи. Эта надежда не исполнилась, но замѣчательно, какъ мысль правительницы обнимала и тѣснила Турцію со всѣхъ сторонъ.

(62) Обозр. Совр. извѣст. Тургенева въ Ж. М. Н. Пр. 1844 XLI.

Нарышкинымъ мы равнодушны: и для тѣхъ и для другихъ мы потомство; дѣла Петра должны внушать намъ удивленіе, но не ослѣплять насъ, и во всякомъ случаѣ этотъ великій человѣкъ не имѣетъ нужды, чтобъ къ его подвигамъ историки прибавляли обрывки посторонней славы.

Что бо́льшая часть разсмотрѣнныхъ нами правительственныхъ дѣйствій принадлежатъ самой царевнѣ, что она была душею тогдашняго правительства, въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія единогласныя свидѣтельства современниковъ. А какъ эти современники выставляютъ впередъ правительницу чаще для порицанія, чѣмъ для похвалы, то свидѣтельства ихъ не подозрительны: некому было прославлять ее, всѣ друзья ея погибли.... Итакъ мы считаемъ обширное личное вліяніе Софіи Алексѣевны на управленіе Россіею за фактъ, не требующій новыхъ доказательствъ; но намъ хотѣлось бы знать, кто изъ приближенныхъ къ ней людей и въ какой мѣрѣ раздѣлялъ съ нею правительственные труды? Съ кѣмъ она должна раздѣлить, слѣдовательно, и славу и отвѣтственность передъ потомствомъ?

Мы знаемъ, что она приступила къ правленію въ сопровожденіи Милославскаго и Голицына; знаемъ также, что въ послѣдствіи Шакловитый пользовался большою ея довѣренностію; какова жь была доля каждаго изъ нихъ въ трудахъ и подвигахъ государственныхъ? О Милославскомъ, котораго имя безпрестанно встрѣчается въ современныхъ запискахъ во время переворотовъ, изложенныхъ въ двухъ первыхъ главахъ, послѣ смерти Хованскаго, почти вовсе не упоминается тѣми же современниками; это заставляетъ насъ думать, что онъ пользовался небольшимъ вліяніемъ у царевны, когда она достигла власти, и мы объясняемъ себѣ это тѣмъ, что онъ вообще выказалъ мало характера и недовольно привязанности къ дѣлу, которое однакожь должно было его интересовать. Правда, въ первое время послѣ смерти Ѳеодора, онъ работалъ много, можетъ быть больше всѣхъ, но тайкомъ, сказывался больнымъ, сидѣлъ дома, какъ будто придумывая для себя отступленіе въ случаѣ неудачи? Такое двусмысленное поведеніе во время опасности припоминается послѣ побѣды, и вотъ почему, думаемъ мы, онъ потерялъ расположеніе и довѣренность правительницы. Притомъ же онъ не болѣе трехъ лѣтъ пережилъ свое возвышеніе. Наконецъ нигдѣ не видимъ мы, чтобъ умъ его, впро-

чемъ тонкій, оборотливый, неутомимый и проницательный, имѣлъ тѣ обширные размѣры, которые нужны были для сотрудника царевны.

Въ отношеніи къ умственнымъ средствамъ тоже почти можно сказать и о Шакловитомъ; но онъ былъ молодъ, былъ безусловно преданъ царевнѣ, и не отступалъ ни передъ какимъ злодѣяніемъ, чтобъ угодить ей. За то въ интригахъ придворныхъ, въ козняхъ противъ Петра, Шакловитый игралъ первую роль, а какъ эти козни и интриги были доступнѣе взорамъ современниковъ, чѣмъ соображенія политическія, созидавшіяся въ тишинѣ кабинета, то и понятно, что этотъ второстепенный клевретъ могъ легко показаться ближайшимъ наперсникомъ царевны (63).

Итакъ въ нашихъ глазахъ дѣлается яснымъ, что истинно правительственные труды дѣлилъ съ нею одинъ Голицынъ. Да если бы мы не были приведены къ этому заключенію цѣпью вышеприведенныхъ доводовъ, имя этого министра такъ часто произносится современниками, встрѣчается въ оффиціяльныхъ бумагахъ и наконецъ впереди всѣхъ выставляется иностранными писателями, что мы необходимо и на этомъ основаніи должны пріидти къ тому же убѣжденію.

Обозрѣніе предшествующей жизни Голицына, мы надѣемся, подтвердитъ высокое мнѣніе, высказанное нами о немъ. Онъ лишился отца на тринадцатомъ году (64); но его мать озаботилась дать ему воспитаніе, какое рѣдко получали Русскіе того времени: онъ зналъ греческій, латинскій и нѣмецкій языки и былъ хорошо знакомъ съ исторіею. Служба его началась при дворѣ, гдѣ его имя и связи, равно какъ образованность, должны были держать его на виду. Въ 1676 году, тридцати семи лѣтъ отъ роду, былъ уже онъ возведенъ въ санъ боярина и посланъ царемъ Ѳеодоромъ на службу, на украинскую границу. Тамъ бушевалъ Дорошенко. Князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій (убитый во время Стрѣлецкаго мятежа) командовалъ русскою арміею. Онъ велъ войну вяло, безъ энергіи, неискусно; Голицынъ немногому могъ научиться въ его школѣ, но за то онъ успѣлъ здѣсь выказать свои дипломатическія способности: по его убѣжденіямъ сдался неуго-

(63) Матвеевъ 50.
(64) Сахаровъ Записки Р. Люд. Примѣч. 25 къ Запискамъ Матвеева.

монный Дорошенко, засѣвшій насмерть въ Чигиринѣ, за что̀ и была пожалована царемъ Θеодоромъ Голицыну гетманская булава, которую мятежникъ положилъ въ знакъ покорности (65).

Такъ началось политическое поприще будущаго министра царевны. Окруженный ореоломъ молодой своей славы, онъ возвратился въ Москву, и острый взоръ Софіи Алексѣевны не замедлилъ отличить его въ сонмѣ царедворцевъ. Царь съ своей стороны былъ къ нему милостивъ, и, надо думать, допускалъ его свободно говорить съ собою о государственныхъ дѣлахъ, о послѣдней войнѣ. Голицынъ, который не выказалъ, по нашему мнѣнію, особыхъ военныхъ способностей, не могъ слѣдовательно обнаружить стратегическихъ ошибокъ Ромодановскаго, его непонятной медленности, его неопредѣленныхъ движеній; но обладая обширнымъ административнымъ умомъ, онъ могъ лучше, нежели кто либо въ то время, понять недостатки въ организаціи нашего войска. Вѣроятно царь въ бесѣдахъ своихъ съ Голицынымъ коснулся этого предмета, потому что сему послѣднему поручено было сдѣлать преобразованія въ составѣ и управленіи войска. Преобразованія, совершенныя имъ, впрочемъ незначительны, и мы не считаемъ нужнымъ даже упоминать о нихъ; за то углубляясь своимъ проницательнымъ взоромъ въ пружины слабой дисциплины, худаго управленія и недостаточныхъ успѣховъ нашего войска, онъ дошелъ наконецъ до вопроса о мѣстничествѣ.

Мы не будемъ распространяться о свойствахъ и сущности этого важнаго явленія въ исторіи нашего отечества, во первыхъ потому, что вопросъ о мѣстничествѣ не входитъ въ предположенный нами кругъ изслѣдованій; во вторыхъ потому, что не надѣемся ничего прибавить къ открытіямъ, сдѣланнымъ на этомъ поприщѣ до насъ. Мѣстничество вытекло изъ родовыхъ началъ, которыя господствовали также и въ отношеніяхъ удѣльныхъ князей; удѣльныя владѣнія уничтожились, но понятія о старшинствѣ какъ городовъ, такъ родовъ и наконецъ лицъ въ одномъ родѣ, сохранились; члену старѣйшаго рода *не доводилось* сидѣть за столомъ царскимъ ниже члена одного изъ младшихъ родовъ; старшему родичу нельзя было находиться въ войнѣ подъ командою родича младшаго. А кто по ошибкѣ, нера-

(65) Др. В. Вивл. Т. XVII. 25.

дѣнію или недостатку твердости уступалъ свое мѣсто младшему, тотъ унижался, дѣлалъ *потерку* не только себѣ, не только прямому своему потомству, но всему своему роду, такъ что разъ обойденный навсегда былъ униженъ. Поэтому понятно, отчего предки наши такъ дорожили старшинствомъ своимъ, своимъ *мѣстомъ*; почему они, будучи не соотвѣтственно понятію о старшинствѣ назначены въ войско, убѣгали съ поля сраженія, почему сказывались больными, чтобъ не сидѣть за царскимъ столомъ ниже нѣкоторыхъ фаворитовъ, а когда ихъ приводили за столъ силою, то вырывались, со слезами протестовали, прятались подъ лавку и т. п.

Въ придворныхъ церемоніяхъ этотъ счетъ старшинствомъ и мѣстами могъ подать поводъ только къ неумѣстнымъ и смѣшнымъ сценамъ, но въ государственной службѣ слѣдствія его были несравненно важнѣе. Воевода, назначенный въ какой нибудь городъ, отказывался отъ назначенія, если въ другомъ какомъ нибудь городѣ, на противуположномъ концѣ Россіи, былъ воевода моложе его родомъ, или если городъ, въ который онъ назначался, былъ моложе другаго, управляемаго воеводою, равнымъ съ нимъ по роду, ибо и города имѣли свою іерархическую лѣстницу, и не только города, но и различные пункты въ одномъ и томъ же городѣ (66)! Сколько мелкихъ, ничтожныхъ, отнимающихъ только время расчетовъ должно было государю брать въ соображеніе при каждомъ назначеніи къ гражданской, военной или придворной должности!

Прибавимъ къ этому что не одни только знатные роды, но и роды простыхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ считались между собою старшинствомъ: тотъ, чей отецъ былъ головою, не могъ принять мѣста подъ командою того, чей отецъ былъ только сотникомъ. Соображая это, соображая развѣтвленіе родовъ, сутяжничество и юридическія уловки для добыванія себѣ *чести*, наконецъ многосложность обширной государственной машины, можемъ понять, какія страшныя затрудненія встрѣчались на каждомъ шагу. Разрядныя книги составили наконецъ такую многосложную, запутанную іерархическую сѣть, которую становилось безмѣрно трудно разбирать, а ее приходилось прикладывать къ такой же сѣти, составленной изъ должностей военныхъ, гражданскихъ и при-

---

(66) Синбир. Сборникъ.

дворныхъ, и требовалось, чтобъ обѣ эти сѣти совпадали во всѣхъ пунктахъ! Это становилось невозможнымъ : чтобъ прибавить или убавить или только перемѣнить одну единицу въ этой огромной двойной мозаикѣ должно было разбирать и снова собирать ее всю!

До подобныхъ выводовъ дошелъ Голицынъ, разсматривая недостатки въ организаціи русскаго войска. Мѣстничество давно было противно царямъ; и не находя выхода изъ лабиринта они прибѣгали иногда къ маленькимъ coup d'état, приказывая *быть безъ мѣстъ*. Поэтому когда Голицынъ предложилъ Θеодору уничтожить мѣстничество, то есть обратить въ постоянный законъ, въ нормальное состояніе эти службы *безъ мѣстъ,* то государь съ радостію одобрилъ эту мысль, и *соборнымъ дѣяніемъ,* ознаменовавшимъ послѣдніе дни его царствованія, положено было сжечь разрядныя книги, и мѣстническіе разсчеты предать навсегда забвенію.

Истребленіе мѣстничества есть одинъ изъ великихъ фактовъ нашей исторіи. Оно было не просто учрежденіе, вредное и потому въ свое время отмѣненное однимъ словомъ царскимъ: это была вѣковая идея, возникшая въ народѣ, имъ взлелеянная, крайнее развитіе родовыхъ началъ, все таже гидра, которую встрѣчаемъ въ княжескихъ междусобіяхъ, потерявшая часть своей силы, но еще живая, ядовитая, противуобщественная, противугосударственная. Поразить ее окончательно значило довершить дѣло обихъ Іоанновъ, привести къ концу вѣковѣчную борьбу въ Россіи родоваго начала съ государственнымъ. И какъ облегчался, благодаря этой великой государственной побѣдѣ, путь будущимъ преобразованіямъ Петра! Стоило ему только замѣтить способности, и онъ дѣлалъ Меньшикова фельдмаршаломъ, Лефорта адмираломъ, Шафирова министромъ: Одоевскіе, Трубецкіе, Голицыны забыли свои старинныя права, свои мѣстническіе разсчеты!

Не полагаемъ, чтобъ совѣтникъ царя Θеодора предвидѣлъ неисчислимыя послѣдствія соборнаго дѣянія, но безъ сомнѣнія высокія мысли тѣснились въ головѣ его, когда пламя обхватило разрядныя книги! Никто не можетъ предсказать, бросая сѣмя въ землю, сколько зеренъ оно принесетъ: будущее въ руцѣ Божіей; но одно уже уразумѣніе лживости понятія повсемѣстнаго, столь древняго, что начало его теряется отъ взоровъ изыскателя, понятія, которое всасывалось каждымъ Русскимъ съ молокомъ матери, одно уже уразумѣніе, говоримъ, этого предразсудка, обличаетъ въ

Голицынѣ необыкновенно глубокій, свѣтлый и независимый умъ, также, какъ добровольное его отреченіе отъ выгодъ, представляемыхъ ему, какъ члену одного изъ *лучшихъ родовъ*, мѣстническими понятіями, заставляетъ въ немъ предполагать душу, способную возноситься до высокаго безкорыстія.

Таково наше мнѣніе объ этомъ сотрудникѣ царевниномъ; но современники не любили его: почему? на это можетъ быть много причинъ. Во первыхъ, всѣ современныя записки, до насъ дошедшія, писаны людьми непріязненной ему партіи. Одинъ Медвѣдевъ могъ бы сказать о немъ доброе слово, но онъ не успѣлъ довести своихъ записокъ до эпохи, когда князь Василій выдвинулся впередъ. Во вторыхъ, могли ли современники оцѣнить его труды? Голицынъ трудился въ кабинетѣ, значитъ тайно отъ толпы, и покровительствовалъ иностранцамъ, значитъ, не располагалъ къ себѣ Русскихъ. Наконецъ онъ истребилъ мѣстничество: этого одного было достаточно, чтобъ возстановить противъ него современниковъ. За то, какихъ нелѣпыхъ обвиненій не было выведено на него угодничествомъ, пристрастіемъ или невѣжествомъ! Говорили, что онъ получилъ деньги отъ Поляковъ при заключеніи договора 1686 года (67), договора, который отчуждалъ отъ Польши Запорожье, Кіевъ, Смоленскую и Сѣверскую земли! Если кто нибудь былъ подкупленъ, то конечно скорѣе польскіе, чѣмъ русскіе уполномоченные. Говорили, что онъ тайно благопріятствовалъ мѣстничеству, онъ, который по всѣмъ оффиціяльнымъ и частнымъ документамъ, былъ главнымъ двигателемъ соборнаго дѣянія! И на чемъ основывалось это обвиненіе? На томъ, что въ 1683 году было разрѣшено и потомъ подтверждено чрезъ нѣсколько лѣтъ заводить родословныя книги (68). Но еще царь Θеодоръ, вслѣдъ же за сожженіемъ разрядовъ, позволилъ завести родословныя книги; да эти книги и теперь ведутся, а конечно смѣшно было сказать, что мѣстничество существуетъ въ настоящее время.

Любопытно бы было съ опредѣлительностію знать, до какой степени должно лечь на память Голицына единственное обвиненіе, въ которомъ оправдать его нельзя:—участіе въ переворотахъ, воз-

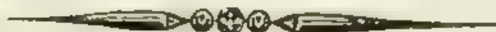
---

(67) Желябуж. 8 (Запис. Р. Люд.).
(68) Полное Собраніе Законовъ Т. II. № 1207, 1219.

ведшихъ царевну на ступени престола и потомъ въ замыслахъ ея противъ Петра? о послѣднихъ будемъ говорить ниже; что же касается до стрѣлецкаго мятежа, то Голицынъ былъ ему не чуждъ, это несомнѣнно; но почему же современники, такъ часто выставляющіе имя Милославскаго, почти не упоминаютъ о Голицынѣ? Не потому ли, что сей послѣдній, не желая выказаться, только тайно руководилъ свою партію? Думаемъ, что отчасти такъ и дѣйствительно было. Но говоря дальше объ интригахъ царевны противъ Петра, которыя рѣшили ея паденія, мы увидимъ, что и здѣсь Голицынъ игралъ второстепенную роль, роль модератора, роль отрицательную; пылкая Софія хотѣла дѣйствовать рѣшительно, готова была на все отважиться, не отступала и предъ братоубійствомъ; Шакловитый готовъ былъ предупредить ея желанія: но Голицынъ удерживалъ, укрощалъ, отсовѣтывалъ. Припоминая, что этотъ же самый человѣкъ пожертвовалъ для государственной пользы выгодами, которыя представляло ему мѣстничество, что онъ продалъ одну изъ деревень своихъ для того, чтобы оказать помощь несчастнымъ жителямъ Чигирина, разореннымъ войною (69)—припоминая все это — не справедливѣе ли будетъ думать, что не одна осторожность, но природное отвращеніе отъ насилія, крутыхъ мѣръ и крови удерживали Голицына отъ слишкомъ дѣятельнаго участія какъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ, такъ и въ замыслахъ противъ Петра? По нашимъ понятіямъ Голицынъ именно не имѣлъ той страстной энергіи, которая ставитъ ни во что преступленія, которая все сокрушаетъ для достиженія предположенной цѣли,—и это съ одной стороны спасаетъ его память отъ слишкомъ сильнаго участія въ обвиненіяхъ, лежащихъ на Милославскомъ, Шакловитомъ и Софіи, съ другой—дѣлало его мало способнымъ преодолѣть труды Крымскаго похода, быть вождемъ, полководцемъ — постъ, на которомъ рѣшительность и энергія нужны въ высшей степени. Голицынъ былъ великій умъ, умъ твердый и неуклонный, и изъ своего кабинета съ неослабною послѣдовательностію и постоянствомъ могъ стремиться къ административнымъ или политическимъ своимъ цѣлямъ; но своимъ словомъ или примѣромъ увлечь армію, господствовать надъ нею среди труда и опасностей, онъ не могъ, также, какъ не былъ онъ въ состоя-

(69) Опытъ Обозр. Госуд. Санов. Терещенко.

ніи вести стрѣльцовъ въ Кремль или поднять руку на царственнаго отрока. По этому самому во время разгара страстей онъ незамѣтенъ, выставляются же на видъ пронырливость Милославскаго, слѣпая рѣшимость Шакловитаго: но когда волненіе утихаетъ, когда интриги и страсть уступаютъ мѣсто разуму, тогда выказывается Голицынъ и становится у кормила правленія рядомъ съ царевною, съ которою онъ одинъ по справедливости и долженъ дѣлить передъ судомъ исторіи и отвѣтственность и славу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прежде нежели приступимъ къ описанію походовъ въ Крымъ, постараемся познакомиться съ тогдашнимъ состояніемъ военной силы и военнаго искусства въ Россіи.

У насъ, какъ и въ Западной Европѣ, поземельное владѣніе обязывало, по требованію государя, надѣвать доспѣхъ и идти на войну. Поземельныя имѣнія назывались помѣстьями, если владѣніе землею было пожизненное, и вотчинами, если оно было наслѣдственное (1).

Въ слѣдъ за объявленіемъ войны, разрядный приказъ разсылалъ къ помѣщикамъ и вотчинникамъ распоряженія, кому къ какому времени, въ какомъ вооруженіи надлежало явиться; для этого послѣдняго соображенія принималась въ расчетъ величина оклада, а именно: верстанный значительнымъ окладомъ долженъ былъ явиться съ значительнымъ числомъ слугъ; кто имѣлъ меньшій окладъ, являлся съ меньшею свитою и въ менѣе сложныхъ доспѣхахъ; наконецъ самые бѣдные приходили безъ слугъ, пѣшкомъ, и въ самомъ простомъ вооруженіи. Не мало времени дол-

---

(1) Дополн. къ Дѣян. Петра В. Голикова, т. III. Труды Вольн. Общества (статьи Миллера о Дворян.)—О Россіи и проч. Кошихина.—Ратн. дѣло до Петра В. Устрялова (Библ. для Чт. 1834 г.).—Симбир. Сбор. (ст. Валуева о мѣстничествѣ).—Истор. опис. вооруж. и одеждъ.—О русскомъ войскѣ, Бѣляева.—Русскіе солдаты и проч., въ Современникѣ 1848 года.

жно было уходить на всю эту работу въ разрядномъ приказѣ и на разсылку распоряженій; не менѣе терялось его въ приготовленіяхъ, въ сборахъ окладчиковъ къ походу и наконецъ въ слѣдованіи съ разныхъ концовъ Россіи къ сборному пункту (2). По сборѣ рати, начиналось ея формированіе; при этомъ наблюдалось, чтобъ ратники одного города или области находились въ одномъ десяткѣ, сотнѣ или полку,—обычай безъ сомнѣнія уцѣлѣвшій со временъ удѣльныхъ, когда областная милиція приходила и становилась каждая въ свое мѣсто подъ знамена великаго князя, почему и въ послѣдствіи сохранились названія полковъ по областямъ: Сѣвскій, Рязанскій и проч.

Полковъ этихъ было постоянно шесть: *Большой*, которымъ командовалъ самъ царь, или главный воевода; *Передовой*, или Новгородскій разрядъ; *Сторожевой*, или Рязанскій разрядъ, полкъ *Правой руки*, или Сѣвскій разрядъ, *Лѣвой руки*, или Низовскій разрядъ, и *Эртоулъ*, состоявшій изъ легкоконныхъ войскъ, казаковъ, Калмыковъ, и проч. Любопытно было бы знать составъ этихъ полковъ, въ отношеніи ко всѣмъ тремъ родамъ оружія, а также въ какой пропорціи находились въ нихъ земскіе ратники къ стрѣльцамъ, солдатамъ, прочимъ регулярнымъ ратникамъ; но все это пока еще не разыскано.

Итакъ вотъ каковъ былъ общій составъ старинной нашей арміи, которую по нынѣшнимъ понятіямъ справедливѣе будетъ назвать земскимъ ополченіемъ. Кромѣ того мы имѣли войско стрѣлецкое, простиравшееся до 40,000 человѣкъ при царѣ Алексѣѣ, полки солдатскіе (пѣшіе), рейтарскіе, драгунскіе и гусарскіе (конные), и довольно многочисленную артиллерію. Всѣ эти послѣдніе роды военной силы были болѣе или менѣе регулярно-организированы, вооружены, обучены и продовольствованы однообразно, попеченіемъ казны, и потому составляли лучшую часть нашей рати; но вмѣстѣ съ тѣмъ они составляли и весьма малую часть ея, тѣмъ болѣе, что не всѣ стрѣльцы и другіе регулярные полки были выводимы каждый разъ въ походъ, между тѣмъ какъ земское ополченіе простиралось, по свидѣтельству Шлейссинга, служившаго въ Россіи при царевнѣ (3), до 400 т. ратниковъ. А

(2) Распоряженія эти объявлялись по принадлежности на торгахъ, бирючами: могло ли это быть скоро?

(3) Die beiden Zaaren.

каковы могли быть эти ратники, собранные съ разныхъ концовъ государства, изъ людей всѣхъ классовъ и состояній, изъ владѣльцевъ земли, изъ холопей, изъ горожанъ, и даже иногда изъ церковниковъ, обязанные сверхъ того и сами продовольствоваться, какова долженствовала быть эта огромная неустроенная масса,— вообразить себѣ не трудно, да притомъ самые современники оставили намъ ея оцѣнку: «Ученія у нихъ къ бою не бываетъ, говоритъ Кошихинъ, и строю никакого не знаютъ».—«Всѣ они, отзывается стольникъ Чемодановъ (4), бьются разными обычаи: лучнымъ и огненнымъ боемъ, кто которому навыченъ.» Наконецъ Шлейссингъ свидѣтельствуетъ и о духѣ этоіі рати: по его словамъ, Русскіе бросались на непріятеля бодро и съ крикомъ, подражая Татарамъ; но за то «испугавшись, пускались назадъ какъ зайцы...»

Не станемъ обижаться этимъ насмѣшливымъ отзывомъ иностранца, а разсмотримъ, справедливъ ли онъ.

Русскій народъ всегда отличался отвагою, твердостію и равнодушіемъ къ опасности: это блистательно доказано и въ былыя времена подвигами Ермаковъ, Хабаровыхъ, не уступающими по отвагѣ подвигамъ рыцарей западной Европы, такъ же какъ морскіе наѣзды нашихъ Запорожцевъ едва ли менѣе изумительны, чѣмъ предпріятія старинныхъ Норманов. Наконецъ природная отважность Русскихъ не подвержена сомнѣнію для того, кто видалъ нашихъ звѣролововъ, мореходовъ, даже кровельщиковъ и каменщиковъ. Тѣмъ не менѣе мы готовы думать, что Шлейссингъ не клевещетъ, отзываясь насмѣшливо о нашей арміи, и что она по духу своему была несравненно ниже средневѣковыхъ западно-европейскихъ армій. И вотъ почему мы такъ думаемъ. Военную силу западной Европы, въ Средніе Вѣка, составляли рыцари. Но одно происхожденіе никому не давало еще права на ношеніе рыцарскаго меча; право это пріобрѣталось заслугою, и оружіе вручалось новому рыцарю съ торжественными религіозными обрядами; рыцари были воинами, избранными церковью. Въ уставахъ рыцарскихъ, рядомъ съ обязанностями духовными, и неразлучно съ ними, стояли доблести военныя; послѣднія казались рыцарю столь же священными, какъ

(4) Письмо Чемод. въ Истор. описан. вооруж. и одеждъ и пр.

первыя, и отказаться отъ вызова, побѣжать передъ непріятелемъ, считалось для него столь же постыднымъ и преступнымъ, какъ измѣнить религіи отцовъ своихъ.

Ничего подобнаго не было въ Россіи; у насъ подъ одни знамена становились и князья и ихъ холопи (а не вассалы, что̀ большая разница); ни той страсти къ оружію, ни того искусства владѣть имъ, которыми гордились рыцари, не было между нашими предками, а главное не было въ русской арміи никакой одинаково понимаемой всѣми ея членами идеи военной чести, какъ на Западѣ, которая, равно проникая всѣ ряды воинства, давала бы ему связь и цѣлость, замѣняя такимъ образомъ до нѣкоторой степени дисциплину регулярныхъ армій. Поэтому-то Русскіе, будучи воодушевлены примѣромъ предводителя, «кидались съ воплями и бодро на непріятеля»; поэтому же, ожесточившись, «они рѣзались какъ звѣри и были стойки въ защитѣ», какъ въ этомъ признается гетманъ Жолкѣвскій, шедшій разорять православіе и сажать на московскій престолъ королевича... Но когда ни одно изъ этихъ чувствъ не дѣйствовало на Русскихъ— «они бѣжали какъ зайцы».

Предки наши имѣли *натуральную* храбрость, тѣ же свойства, которыми отличаются Арабы и наши кавказскіе горцы. Они тоже нападаютъ на непріятеля стремглавъ, не просятъ пощады, когда ожесточены, но часто также пускаются на уходъ, не видя въ этомъ безчестія, и никто конечно не назоветъ ни Черкесовъ, ни Кабиловъ народомъ не храбрымъ, по тому только, что храбрость ихъ не имѣетъ условныхъ качествъ храбрости рыцарей. При этомъ не надо забывать, что всѣ выше приведенные не лестные отзывы относятся собственно къ земской рати, ибо тотъ же Шлейссингъ оказываетъ больше уваженія къ стрѣльцамъ и говоритъ, что они часто выручали ее. Безъ сомнѣнія солдатскіе и рейтарскіе полки были еще лучше, но они составляли лишь малую часть всей нашей вооруженной силы.

Таковы были устройство и духъ старинной нашей рати; изъ сказаннаго можно угадать, что и военное образованіе полководцевъ нашихъ было не высоко; но чтобъ точнѣе опредѣлить современное Голицыну состояніе стратегіи въ Россіи, разкажемъ въ нѣсколькихъ чертахъ походъ князя Ромодановскаго въ 1678 году.

Утвержденная за нами Андрусовскимъ договоромъ лѣвая сто-

рона Днѣпра и прилежащая къ ней Украйна были довольно спокойны; но Украйна за-днѣпровская была раздираема Поляками и Турками, которымъ поочередно поддавался гетманъ Дорошенко. Царь Ѳеодоръ, находясь въ мирѣ съ Польшею, по приглашенію ея короля выдвинулъ свою рать для укрощенія непокорнаго Дорошенка, который, увлекая своихъ единоземцевъ приманками своеволія, надеждою на добычу и примѣромъ собственной отваги, смущалъ и казаковъ русской Украйны. Князь Ромодановскій командовалъ русскою ратью. Онъ взялъ Чигиринъ, главный городъ Дорошенка, и оставивъ въ ономъ пятнадцатитысячный гарнизонъ подъ начальствомъ воеводы Ржевскаго, отступилъ съ приближеніемъ зимы за Днѣпръ.

Весною 1679 года, Дорошенко кликнулъ своихъ новыхъ союзниковъ Турокъ и Татаръ громить русскія границы (5). Вѣроятнѣе было ожидать, что непріятель кинется на Чигиринъ, но были однакожь слухи, заставлявшіе опасаться и за Кіевъ. Поэтому воевода нашъ благоразумно расположился на лѣвомъ берегу Днѣпра, между обоими этими городами, такъ что могъ, смотря по надобности, подать помощь тому или другому. У него было до ста тысячъ войска, и притомъ еще слѣдовали къ нему на усиленіе Донскіе казаки и Калмыки. Между тѣмъ Турки отъ Днѣпра, Татары отъ Перекопа медленно двигались равнинами за-днѣпровской Украйны, и наконецъ 10 іюля появились въ виду Чигирина, въ числѣ свыше ста тысячъ человѣкъ. Гарнизонъ же нашъ хотя и получилъ подкрѣпленія отъ Ромодановскаго, но едва ли насчитывалось въ немъ войска больше 15 т. человѣкъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ простой здравый смыслъ указывалъ, что̀ надлежало дѣлать нашему воеводѣ: не медля ни минуты перейдти Днѣпръ и кинуться на непріятеля, пока онъ не успѣлъ еще укрѣпиться въ своемъ лагерѣ, при чемъ незначительный перевѣсъ турецкихъ силъ съ лихвою вознаградился бы содѣйствіемъ гарнизона. Князь Ромодановскій однакожь поступилъ иначе.

---

(5) При описаніи этого похода мы, кромѣ сочиненія Бантышъ-Каменскаго, имѣли въ виду Ист. Рус. Кописскаго; Geschichte d. Ukraine, v. Engel; Hist. de l'Emp. Ottom., p. Hammer, и Tagebuch v. Gen. Gordon. Писатели эти довольно значительно разнорѣчатъ между собою; Гордонъ самъ участвовалъ въ защитѣ Чигирина и потому во всемъ, что касается до гарнизона и крѣпости, мы принимаемъ его за авторитетъ.

Замѣчательно при этомъ, что онъ исполнилъ труднѣйшую половину задачи,—переправился вблизи непріятеля чрезъ большую рѣку; но ударить на непріятеля не отважился; для этого онъ считалъ необходимымъ прибытіе Донцевъ и Калмыковъ. По видимому наши войска въ старину не могли вступить въ бой съ Турками и Татарами иначе какъ въ равныхъ или даже превосходныхъ силахъ.

Между тѣмъ гарнизонъ начиналъ бѣдствовать. Осаду непріятель повелъ круто; громилъ безпрерывно своими пушками укрѣпленія, жегъ гранатами городъ, кидался въ проломы. Ржевскій просилъ у князя помощи, указывалъ на возможность паденія Чигирина, но онъ не двигался. Противъ него конечно выслана была нѣкоторая часть войскъ, но это было или просто обсерваціонный отрядъ, или хотя и корпусъ болѣе самостоятельный, но во всякомъ случаѣ значительно уступавшій нашей рати силою; тѣмъ не менѣе, только по присоединеніи къ себѣ давно-ожиданныхъ Донцевъ и Калмыковъ, и именно 31 іюля, воевода нашъ рѣшился двинуться впередъ. Это «внезапное и отважное», какъ замѣчаетъ Бантышъ-Каменскій, наступленіе русской рати, разумѣется, принудило отдѣленный противъ нея отрядъ отступить, и Ржевскій увидѣлъ наконецъ 4 августа, послѣ почти четырехнедѣльной тѣсной осады, съ высоты полуразрушенныхъ стѣнъ Чигирина, станъ князя Ромодановскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и близкую минуту освобожденія. Визирь же напротивъ готовъ былъ отвести свои войска. И тотъ и другой разумѣется ожидали, что князь, давъ отдохнуть рати, стремительно ударитъ на осаждающихъ. Но наступилъ и прошелъ слѣдующій день, князь не трогался съ мѣста. Гарнизонъ смутился духомъ, непріятель же напротивъ съ новою яростію полѣзъ на полуразрушенныя стѣны. Прошло еще нѣсколько дней, и Ржевскій получилъ 8 августа повелѣніе оставить Чигиринъ, а укрѣпленіе взорвать... Такъ велъ войну въ исходѣ XVII вѣка полководецъ, считавшійся современниками знаменитымъ (6).

Нѣкоторые изъ писателей, у которыхъ почерпаются извѣстія объ этой осадѣ, свидѣтельствуютъ, что гарнизонъ при этомъ напился пьянъ, и что непріятель, ворвавшись въ городъ, рѣзалъ Русскихъ почти безъ сопротивленія, кромѣ небольшой кучки людей, кото-

(6) Матв. 24.

рая оружіемъ открыла себѣ путь до стана князя Ромодановскаго. Генералъ Гордонъ, участвовавшій въ оборонѣ Чигирина, не упоминаетъ объ этомъ; но онъ горько жалуется на неповиновеніе и безпорядки, господствовавшіе при отступленіи отъ Чигирина. Весьма можетъ быть, что эти безпорядки и неповиновеніе произошли отъ нетрезвости гарнизона; если вино было въ крѣпости, то болѣе нежели вѣроятно, что оно было при этомъ случаѣ выпито, и слѣдовательно единства дѣйствія при отступленіи не было.

Мы не безъ намѣренія распространились въ описаніи чигиринскаго похода: въ немъ заключаются образчики и свойствъ и духа русской рати того времени, и мѣра военныхъ понятій нашихъ полководцевъ. Ничтожный гарнизонъ въ теченіи мѣсяца отбивается за своими разрушенными стѣнами, противу въ семь разъ сильнѣйшаго непріятеля, а потомъ этотъ же гарнизонъ, въ рѣшительную минуту, напивается пьянъ; стотысячная русская армія не рѣшается аттаковать равносильнаго непріятеля, даетъ погибнуть крѣпости и гарнизону, и небольшая кучка людей пробивается сквозь полчища Турокъ! все, что сказано было нами выше, лестный отзывъ Жолкѣвскаго и насмѣшливое замѣчаніе Шлейссинга, все это заключается въ чигиринскомъ походѣ Ромодановскаго.

И такъ мы знаемъ, какою ратью долженъ былъ командовать Голицынъ въ предстоящемъ походѣ и у какихъ учителей учился онъ военному искусству: мы считали не излишнимъ коснуться всего этого, чтобы сдѣлать безпристрастную оцѣнку крымскимъ походамъ; теперь приступимъ къ самому ихъ изложенію.

3 сентября 1686 года обнародованъ указъ готовиться къ походу противъ Крыма (7). Постигая важность предпринимаемаго дѣла, правительство взяло мѣры, чтобы армія, которую оно собиралось двинуть, была какъ можно сильнѣе; помѣщикамъ, которые по болѣзни и старости не могли явиться въ рать, велѣно было передавать свои помѣстья сыновьямъ или ближнимъ родственникамъ, такъ чтобъ комплектъ арміи во всякомъ случаѣ не уменьшался (8). Ратнымъ людямъ были даны отсрочки для уплаты разныхъ лежавшихъ на нихъ повинностей, тяжебныя дѣла ихъ велѣно пріоста-

(7) Полн. Собр. Зак., т. II, № 1205.
(8) Тамъ же № 1220.

новить и не принимать отъ нихъ новыхъ жалобъ (9), словомъ, всѣ затрудненія и отговорки, могшія задерживать или уменьшить сборъ ратниковъ, устранены, всѣ прочія второстепенныя, частныя соображенія подчинились приготовленіямъ къ походу въ Крымъ. При такихъ энергическихъ мѣрахъ правительства мы готовы согласиться, что армія, собравшаяся къ предстоявшему походу, состояла изъ 200 т., какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, хотя другіе не возводятъ ея выше 100 т., а другіе даже 40 т. человѣкъ.

Видно однакожь, что работа разряднаго приказа шла медленно, и что медленны были сборы старинной русской рати, потому что, не взирая на условіе договора съ Польшею, ратнымъ людямъ велѣно было собраться только къ 25 числу февраля 1687 года (10). Но въ этотъ срокъ приготовленія не были еще кончены: медленность есть отличительная черта военнаго искусства въ старину и не у насъ однихъ; а между тѣмъ, по окончаніи кампаніи, ратные люди получили похвалу (11) за то, что они шли на сборъ съ поспѣшеніемъ.

Крымцы были проворнѣе насъ. Пока армія русская собиралась на границы Украйны, многочисленная ихъ партія вторглась въ окрестности Изюма, но была однакожь сильно отбита воеводою княземъ Козловскимъ, который гнался за нею двадцать верстъ (12). Другія болѣе или менѣе сильныя партіи Татаръ, одна за другою, тревожили наши границы: нѣкоторыя изъ нихъ были отбиваемы съ урономъ, другія разоряли наши села, уводили плѣнныхъ, угоняли табуны. Война началась, но воеводы наши, по крайней мѣрѣ главный, еще находился въ Москвѣ. Наконецъ онъ выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ генераломъ Гордономъ 4 мая.

Армія русская была уже въ сборѣ. Большимъ полкомъ начальствовалъ самъ главный воевода, князь В. Голицынъ, а подъ нимъ ближній бояринъ князь Конст. Осиповичъ Щербатовъ, окольничій Венед. Андр. Зміевъ, генералъ Аггей Алекс. Шепелевъ, да думный дьякъ Украинцевъ; Новгородскимъ разрядомъ: бояринъ Алексѣй Семен. Шеинъ и окольничій князь Дан. Аѳан. Барятин-

(9) Тамъ же № 1226.

(10) Георг. Конис., Ист. Рус.—Engel, Geschichte d. Ukraine.—Бант.-Кам., Ист. Малой Россіи.

(11) Полн. Собр. Зак., т. II № 1258.

(12) Крекш. 76.

скій; Рязанскимъ: бояринъ князь Влад. Дмитр. Долгорукій и окольничій Скуратовъ; Сѣвскимъ окольничій Леонт. Ром. Неплюевъ; Низовскимъ: думный дворянинъ Иванъ Юрьев. Леонтьевъ и Вас. Мих. Мамоновъ-Дмитріевъ; Бѣлгородскимъ бояринъ Бор. Петр. Шереметевъ; наконецъ въ Эртоулѣ былъ самъ гетманъ Самойловичъ съ своими казаками (13).

Вся эта пестрая и не весьма стройная масса пѣхотинцевъ, конныхъ воиновъ, артиллеріи, повозокъ, вьючныхъ лошадей, слугъ и холопей тронулась наконецъ широкою степью съ украинской границы нашей. Крымцы не показывались, по крайней мѣрѣ въ значительныхъ силахъ, но зорко сторожили русскую армію: мохнатыя ихъ шапки выглядывали на высотѣ степныхъ кургановъ между высокими травами, и мгновенно изчезали, какъ скоро войска начали къ нимъ приближаться.

Что-то недоброе, зловѣщее чувствовалось въ этомъ невидимомъ, скрытомъ, но бдительномъ надзорѣ непріятеля: мы шли, подвигаясь медленно, осторожно, какъ бы чего-то опасаясь, и вотъ скоро открылось, что это невольное смущеніе, это ожиданіе чего-то недобраго были не напрасны. Степной вѣтеръ сталъ иногда приносить какой-то запахъ гари; днемъ съ южной стороны на горизонтѣ стали замѣчать облака чернаго дыма, а ночью весь край небосклона освѣщался заревомъ... 12 іюня, подойдя къ Конскимъ водамъ, убѣдились, что *степь горитъ!..*

Пишущій эти строки имѣлъ случай видѣть горящую степь; трудно вообразить себѣ зрѣлище болѣе грозное и ужасное. Пламя стелется по землѣ, и такъ-сказать подрѣзываетъ злакъ у самаго корня; пожаръ ползетъ какъ стадо змѣй, только клубы дыма да валящіеся ряды травы обнаруживаютъ присутствіе страшнаго бича, а позади стелется черная, обгорѣвшая, чуть дымящаяся равнина. Но при малѣйшемъ порывѣ вѣтра огненные змѣи вскидываются, подымаются столбами, кружатся, перекидываются, перебѣгаютъ поверхъ высокихъ травъ и мелкаго степнаго кустарника; черныя облака клубятся, летятъ предвѣстникомъ разрушенія, обдаютъ горькимъ запахомъ, осыпаютъ пепломъ. Звѣри, стаи птицъ, испуганные приближеніемъ страшнаго врага, съ крикомъ несутся во весь духъ; но огненная лава, не зная ни устали, ни от-

(13) Акт. Археогр. Эксп., т. IV, № 292.

дыха, иногда нагоняетъ и истребляетъ ихъ, и все что ни встрѣчаетъ она, все изчезаетъ при ея прикосновеніи: одинокое ли дерево, забытый ли курень, богатый ли хуторъ,—все гибнетъ безъ слѣда; ручьи пересыхаютъ; болота сравниваются со степью.

Таково было зрѣлище, представившееся русскому войску, и таковъ непріятель, съ которымъ должно было ему бороться. 13 числа собранъ былъ военный совѣтъ, чтобъ рѣшить: идти ли далѣе, или возвратиться. Рѣшено было идти. Не зная близко всѣхъ подробностей и обстоятельствъ, предложенныхъ разсмотрѣнію этого совѣта, не довольно близко зная и самую мѣстность, простиравшуюся по пути слѣдованія, мы затрудняемся, чрезъ двѣсти почти лѣтъ, сказать, основательно или нѣтъ было это рѣшеніе совѣта. Кажется благоразумнѣе было бы пріостановиться, чтобы дать пожару потухнуть, пожрать самому себя, а между тѣмъ запастись провіантомъ, въ которомъ скоро, какъ увидимъ, оказался недостатокъ. Но если и необходимо было рѣшиться идти немедленно, то слѣдовало держаться Днѣпра, чрезъ что войско избѣгло бы страданія отъ жажды, а фуражъ всегда можно было бы добывать съ противоположнаго брега; у Каховки должно было оставить Днѣпръ и пуститься голою степью, тамъ гдѣ нынче идетъ дорога изъ Екатеринославля въ Перекопъ: но здѣсь всего семьдесятъ верстъ, и на этомъ разстояніи, почти на половинѣ его, протекаетъ рѣчка Чаплынка, на которой армія могла бы имѣть ночлегъ.

Свойства мѣстности не представляли, слѣдовательно, такихъ преградъ, которыхъ не могъ бы преодолѣть полководецъ съ хорошими военными способностями, съ энергіей и съ познаніями въ военномъ искусствѣ; но ни теорій, которыми бы можно было руководствоваться, ни примѣровъ не существовало для Голицына, какъ и для всякаго русскаго полководца того времени; армія его была тяжела, медленна, обременена обозомъ, и конечно не въ состояніи была бы въ два дня перейдти семьдесятъ верстъ; поэтому рѣшеніе — идти впередъ, должно считать дѣломъ весьма отважнымъ, но едва ли благоразумнымъ, тѣмъ болѣе что Голицынъ повелъ свое войско не берегомъ Днѣпра, а, сколько можно судить по довольно смутнымъ извѣстіямъ, прямо степью, вѣроятно желая сократить дорогу: но этимъ путемъ онъ выигрывалъ не болѣе пятидесяти верстъ, а между тѣмъ лишенъ былъ воды, едва оты-

скивая для ночлеговъ гнилые, болотистые степные ручьи, «отъ пыли же пожарной людямъ и лошадямъ чинилась тягота».

Такъ шли два дня, пробираясь иногда по тлѣющимъ корнямъ травъ, ступая по распаленной почвѣ. 16-го іюня пролился сильный дождь, который нѣсколько освѣжилъ воздухъ, но съ другой стороны сдѣлалъ переправы чрезъ нѣкоторые болотистые ручьи довольно затруднительными и не прекратилъ пожара, не возбудилъ растительности въ пожженной почвѣ; армія проходила въ день отъ пяти до десяти верстъ, задыхаясь отъ дыма, едва волоча орудія и повозки на отощалыхъ лошадяхъ, поминутно опасаясь, чтобъ не взорвало порохъ отъ искръ, носившихся въ воздухѣ и тлѣвшихъ подъ ногами.

Въ этомъ бѣдственномъ положеніи она добралась до Днѣпровскихъ заливовъ пониже Рогачина; но здѣсь остановилась, потому что Голицынъ объявилъ, что въ провіантѣ начинаетъ оказываться недостатокъ. Это показалось, и дѣйствительно могло показаться страннымъ: если его было мало взято съ собою—ошибка непростительная; если же онъ израсходованъ не въ надлежащей мѣрѣ, то это преступленіе. Составился вторичный совѣтъ, который, осмотрѣвъ наличный провіантъ, нашелъ, что его взято слишкомъ мало, и не достанетъ для обратнаго слѣдованія, если армія будетъ продолжать подвигаться къ Перекопу. Поэтому тѣмъ же совѣтомъ опредѣлено начать отступленіе, отправивъ на противоположную сторону Днѣпра окольничаго Неплюева и генерала Косогова съ 20 т. войска для дѣйствія противъ турецкихъ крѣпостей, на немъ расположенныхъ, и для удержанія ихъ гарнизоновъ отъ преслѣдованія главной нашей арміи.

Этому недостатку провіанта многіе изъ позднѣйшихъ писателей приписываютъ неудачу похода, и слѣдовательно возлагаютъ всю отвѣтственность на Голицына; но замѣчательно то, что Гордонъ, записывавшій малѣйшія подробности похода въ своемъ дневникѣ, вовсе не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, что̀ заставляетъ сильно подозрѣвать, не было ли извѣстіе о недостаткѣ провіанта одною изъ многочисленныхъ клеветъ, распущенныхъ на главнокомандующаго? И въ этомъ послѣднемъ случаѣ безпристрастное потомство должно найдти Голицына виновнымъ только въ томъ, что онъ не избралъ длиннѣйшей, но безопаснѣйшей и удобнѣйшей изъ двухъ предстоявшихъ его арміи дорогъ: ошибка, весь-

ма извинительная при тогдашнемъ состояніи военнаго искусства въ Россіи.

Есть другое обвиненіе, гораздо болѣе серіозное и важное, лежащее на памяти Голицына, какъ военачальника, обвиненіе въ томъ, что онъ далъ ослабнуть повиновенію и порядку, что онъ выпустилъ изъ рукъ своихъ власть, которая тѣмъ сильнѣе и нераздѣльнѣе должна быть сосредоточена въ рукахъ главнаго вождя, чѣмъ затруднительнѣе окружающія его обстоятельства. Думая отклонить отъ себя часть отвѣтственности, онъ безпрестанно собиралъ военные совѣты. Чтожь вышло изъ этого? сначала второстепенные начальники, а за ними и все войско стали разсуждать о стратегическихъ цѣляхъ, и единоначаліе, душа арміи, изчезло. Повторяемъ, Голицынъ не могъ быть хорошимъ полководцемъ: у него недоставало для того ни энергіи, ни твердости характера.

Сознавая вѣроятно свои ошибки, горько размышляя о торжествѣ враговъ своихъ въ Москвѣ, неспокойный можетъ быть и насчетъ милости къ нему самой правительницы, печальный и раздраженный посреди ропщущей арміи, Голицынъ придумывалъ, какъ отвратить собиравшуюся надъ нимъ грозу. Въ это время дошелъ до него слухъ, ходившій въ войскѣ, что неТатары, а сами казаки, потайному повелѣнію Самойловича, запалили степь...

Кто распространилъ этотъ слухъ? положительно неизвѣстно, но догадываться и предположить съ большою вѣроятностію—не трудно. Между людьми, имѣвшими по своему положенію возможность близко видѣть затруднительныя обстоятельства главнокомандующаго, былъ одинъ хитрый человѣкъ, умѣвшій изъ всѣхъ положеній извлекать личную пользу, человѣкъ, нѣкогда преданный Дорошенку, въ настоящее время пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Самойловича, служившій поочередно Турціи, Польшѣ и Россіи, и поочередно всѣмъ имъ измѣнявшій: человѣкъ этотъ былъ Мазепа. Честолюбіе снѣдало Мазепу: онъ достигъ своими способностями и происками значительнаго между казаками сана генеральнаго эсаула: ему оставался одинъ шагъ до гетманскихъ клейнодъ, и этотъ-то шагъ надо было ему сдѣлать.

Еще современи похода Ромодановскаго, Голицынъ и Самойловичъ находились въ непріятныхъ между собою отношеніяхъ (14).

---

(14) Tageb. d. G. Gord. II, 180.

Предположеніе перваго изъ нихъ начать войну съ Крымомъ встрѣтило противорѣчіе и неодобреніе втораго (15); когда же война эта пошла неудачно, то гетманъ не могъ отказать своему самолюбію въ удовольствіи громко и горько порицать неодобренное имъ предпріятіе. Къ несчастію, между казаками у него много было недоброжелателей, отчасти вѣроятно завистниковъ, а отчасти недовольныхъ его правленіемъ, людей обвинявшихъ его за скупость, потворство роднѣ, лихоимство и за введеніе откуповъ на водку (16), а потому слухъ, ловко пущенный въ ходъ, быстро распространился.

Кѣмъ онъ былъ выпущенъ, повторяемъ, положительно неизвѣстно; но паденіе гетмана было такъ выгодно Мазепѣ, онъ такъ искусно воспользовался этимъ паденіемъ, что трудно предполагать кого нибудь другаго творцомъ всей этой огромной интриги; во всякомъ случаѣ онъ первый, вмѣстѣ съ нѣкоторыми войсковыми сановниками, подалъ доносъ главнокомандующему (17). Вѣрилъ ли сей послѣдній этому доносу? сомнительно; но измѣна Самойловича спасала репутацію главнокомандующаго, и онъ рѣшился принять и отправить въ Москву челобитную недовольныхъ казаковъ, а между тѣмъ къ гетману приставленъ былъ караулъ подъ предлогомъ его охраненія.

Армія русская между тѣмъ совершала обратное, движеніе почти не тревожимая Татарами и вступила 11-го іюля въ русскіе предѣлы, гдѣ и расположилась въ ожиданіи дальнѣйшихъ повелѣній изъ Москвы. Убыль ея была не весьма велика, судя по крайней мѣрѣ по тому, что въ дивизіи Гордона, выступившей въ числѣ 5902 человѣкъ, по возвращеніи оказалась на лицо 5326 человѣкъ.

Наконецъ 22 іюля пріѣхалъ гонецъ съ рѣшеніемъ на челобитную противъ Самойловича; рѣшеніе это состояло въ томъ, чтобы смѣнить его, «будеонъ казакомъ негоденъ, и сослать куда пристойно» (18). Немедленно были потребованы къ главнокомандующему русскіе полковники, приставленные къ гетману (въ числѣ двухъ) для охраненія его противъ буйства казаковъ и для надзо-

(15) Ист. Малой Рос. Бант.-Кам. т. II. 167.
(16) Тамъ же 175.
(17) Полн. Собр. Зак. т II № 1252.
(18) Полн. Собр. Зак. т. II № 1254.

ра за нимъ; имъ велѣно было усугубить бдительность, а съ наступленіемъ ночи приняты были новыя мѣры противъ покушеній какъ преданныхъ ему людей, такъ и противъ его враговъ. Все это дѣлалось сколь возможно тише, чтобъ не произвести въ войскѣ безпорядковъ и даже не дать о томъ замѣтить гетману (19).

Въ полночь Кочубей, бывшій въ числѣ подписчиковъ доноса, увѣдомилъ Голицына, что всѣ нужныя предосторожности взяты, что караулы вокругъ ставки гетмана разставлены; на разсвѣтѣ приказано было схватить плѣнника, вмѣстѣ съ его сыномъ; но его не было уже въ палаткѣ, онъ слушалъ заутреню въ походной церкви. По окончаніи божественной службы гетманъ былъ арестованъ. Между тѣмъ сынъ его Яковъ, который, узнавъ еще ночью объ опасности гетмана, тщетно старался предупредить его объ ней, бродилъ всю ночь вокругъ плотно-сдвинутой цѣпи часовыхъ и только на разсвѣтѣ успѣлъ пробраться между повозками; но тутъ же былъ схваченъ и вмѣстѣ съ отцомъ привезенъ въ станъ главнаго воеводы подъ крѣпкимъ карауломъ стрѣльцовъ.

Немедленно приглашены казачьи полковники и важнѣйшіе сановники Украинскаго войска; по требованію Голицына они повторили обвиненія противъ своего гетмана, изложенныя въ доносѣ, жаловались на его притѣсненія, и обвиняли въ измѣнѣ. Приглашенъ былъ и Самойловичъ; онъ явился полуодѣтый, въ томъ видѣ, какъ былъ захваченъ за утреннею молитвою, но съ булавою, символомъ своего достоинства; голова его была повязана платкомъ, по случаю глазной боли. Воевода объявилъ ему о взведенномъ на него обвиненіи. Самойловичъ началъ оправдываться, объяснять дѣло; но буйные враги его зашумѣли, схватились за сабли; главнокомандующій удержалъ ихъ и, не продолжая изслѣдованія, передалъ гетмана оберегавшимъ его стрѣльцамъ, которые и увели его, а собранію прочитанъ былъ царскій указъ объ отрѣшеніи Самойловича и объ избраніи на его мѣсто новаго гетмана.

Вѣсть объ этомъ, какъ должно было ожидать, произвела волненіе между казаками, волненіе однакожь не въ пользу отрѣшеннаго гетмана, а вызванное напротивъ радостію о его паденіи и еще болѣе чувствомъ дикой необузданности, полнаго безначалія.

---

(19) Tageb. d. G. Gord. II, 184 и слѣд.

Для предупрежденія безпорядковъ нашлись вынужденными послать отрядъ войска въ казачій лагерь и отложить избраніе новаго гетмана не далѣе 25 числа.

Въ слѣдующій день, 24 іюля, сильно работали головы знатнѣйшихъ чиновниковъ казачьяго войска; составлялись сходки, совѣщанія; каждый старался пріобрѣтать голоса въ свою пользу; вывѣдывали мнѣніе главнаго воеводы; второстепенныя лица дѣлили между собою полки, заранѣе устраняя приверженцевъ Самойловича... Наконецъ наступило 25 число. На равнинѣ, между главнымъ и казачьимъ лагеремъ, разбита была церковная палатка; вокругъ нея съ ранняго утра толпились казаки верхомъ и пѣшкомъ. Въ 10 часовъ пріѣхалъ Голицынъ; толпа разступилась передъ нимъ; сопровождаемый знатнѣйшими казаками, онъ направился въ церковь, молился тамъ въ продолженіе четверти часа, и потомъ подойдя къ гетманскимъ клейнодамъ, разложеннымъ близь ставки, пригласилъ казаковъ по старому обыкновенію избрать себѣ гетмана вольными голосами. Глубокое молчаніе воцарилось при этихъ словахъ, потомъ начали собираться кружки, кучки; въ разныхъ мѣстахъ послышалось имя Ивана Мазепы, въ другихъ имя генеральнаго обознаго Барковскаго; голоса становились шумнѣе; имя Мазепы произносилось громче и чаще, и наконецъ вся толпа провозгласила его. Тогда главный воевода еще разъ спросилъ казаковъ: «кого они желаютъ?» и получивъ отвѣтъ: «Мазепу»,—передалъ ему бунчукъ, булаву и царское знамя. Потомъ прочитаны въ слухъ договорныя статьи и клятвенное обѣщаніе, которыя новый гетманъ и знатнѣйшіе сановники подписали при громкихъ крикахъ толпы, всегда обольщающейся новизною...

Въ это время несчастный Самойловичъ, вмѣстѣ съ меньшимъ сыномъ своимъ, въ простой телѣгѣ, закрытой, чтобъ избавиться отъ поруганій, медленно подвигался къ мѣсту ссылки, лишенный всего своего имущества, разлученный съ семьею, запятнанный подозрѣніемъ въ измѣнѣ... Въ какой степени можно вѣрить этому обвиненію? Вообще все это дѣло не довольно раскрыто, но изъ того, что̀ въ настоящее время извѣстно, конечно нельзя произнесть приговора надъ Самойловичемъ; его обвиняли въ измѣнѣ: но представили ль хоть одинъ документъ? Говорили, что по его приказанію подожжена степь: но представлена ли улика? Другія

обвиненія: въ лихоимствѣ, пристрастіи, несправедливости, не входятъ въ нашъ предметъ; но, какъ кажется, они не лишены основанія: чѣмъ иначе объяснить всеобщее нерасположеніе къ гетману, простиравшееся до того, что ни одинъ голосъ не возвысился въ его защиту? неужели однимъ страхомъ раздѣлить его судьбу, малодушіемъ, моральнымъ униженіемъ цѣлаго народа,— не лишеннаго впрочемъ доблестей?...Наконецъ, какъ согласить въ этомъ дѣлѣ дѣйствіе прославленнаго героя вѣрности, мученика правды, Кочубея, съ невинностію гетмана?... Во всякомъ случаѣ отрѣшеніе Самойловича, лишенное всякой законной формы, лежитъ чернымъ пятномъ на памяти Голицына, и исторія должна осудить его за это строже, нежели за казнь Хованскаго, потому что оно не оправдывается государственною необходимостію, а объясняется доходящимъ въ честолюбцахъ до свирѣпости желаніемъ удержать за собою колеблющуюся власть. Исторія представляетъ много подобныхъ примѣровъ, отъ Октавія Августа, жертвующаго Цицерономъ своему честолюбію, до Наполеона, разстрѣливающаго герцога Ангенскаго!...

Совершивъ избраніе новаго гетмана, воевода занялся сооруженіемъ на рѣкѣ Самарѣ укрѣпленія, названнаго Богородицкимъ, которое должно было служить оплотомъ противу набѣговъ Татаръ и складочнымъ мѣстомъ въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій противъ Крыма. Часть арміи была оставлена для охраненія границы; остальная распущена по домамъ.

Каковы бы ни были дѣйствительные результаты похода въ Крымъ и каково бы ни было народное о немъ мнѣніе, царевна сочла нужнымъ объявить торжественное одобреніе своему любимцу; онъ и главнѣйшіе его сподвижники были осыпаны щедротами, и все войско получило награды даже до послѣдняго стрѣльца... (20) Старшій царь не возражалъ противъ дѣйствій сестры своей, но Петръ не скрывалъ своего неудовольствія; онъ громко говорилъ, что походъ этотъ только раздражилъ Татаръ (21), и, сказываютъ, не хотѣлъ видѣть Голицына; онъ началъ ходить въ думу и принимать участіе въ правленіи, которымъ былъ недоволенъ... Царевна увидѣла и поняла, что гроза собирается надъ нею. Необхо-

---

(20) Полн. Собран. Закон. т. II № 1258.

(21) Крекш. 76.

димо было, чтобъ громкій подвигъ придалъ блескъ ея правленію, и возвратилъ ему прочность; таковымъ казался новый походъ противъ Крыма.

Обстоятельства на этотъ разъ еще болѣе прежняго благопріятствовали предположенію правительницы. Никогда еще Турецкая имперія не находилась въ столь опасномъ положеніи. Въ то время какъ Россія такъ неудачно ратовала противъ Крыма, Собіесскій овладѣлъ почти всею Подоліею и проникъ въ Молдавію; имперскія войска съ своей стороны очистили Венгрію и жестоко разбили Турокъ при Могачѣ, а венеціянскій флотъ овладѣлъ почти всѣми приморскими городами Мореи, и многими островами въ Архипелагѣ, возбудивъ Маінотовъ къ возстанію (22). Знаменитаго визиря Магометова, Ахмета Купроглы, уже не было въ живыхъ; преемниками его были люди невысокихъ способностей; султанъ безпрестанно смѣнялъ ихъ въ угоду войскамъ и наконецъ безразсудною своею слабостію довелъ янычаръ до бунта, который кончился собственнымъ его низложеніемъ (1687).

Но безпорядки этимъ еще не ограничились. Возведенный на престолъ Солиманъ II не могъ унять ни войска, привыкшаго къ неповиновенію, ни пашей, которые ссорились и воевали между собою и возмущались противъ правительства. Славянскія племена, покоренныя Турками, послѣдовали примѣру Грековъ и подняли оружіе; вся Морея была покорена знаменитымъ Морозини; войска же турецкія, вмѣсто того чтобъ защищать границы имперіи, самоуправствовали въ Константинополѣ: дорога къ этой столицѣ была открыта!

Разсчитывая по этимъ даннымъ вѣроятности успѣха и горячо поддерживаемая Голицынымъ, горѣвшимъ смыть неудачу своего похода, царевна объявила къ началу 1689 года вторую кампанію противъ Крыма (23). На этотъ разъ воеводы наши, наученные опытомъ, какое важное вліяніе имѣютъ самыя мелкія подробности на исполненіе обширныхъ предпріятій, занялись придумываніемъ и обсужденіемъ всѣхъ тѣхъ мѣръ военной администраціи, которыя могли облегчить слѣдованіе по ногайскимъ пустынямъ. Рѣшено было (24) идти не удаляясь отъ Днѣпра; отъ мѣста до мѣ-

(22) Hammer. Hist. de l'Emp. Ottoman. Liv. LVIII.
(23) Полн. Собр. Закон. Т. II. № 1224, 1280, 1320.
(24) Tageb. de G. Gordon. T. II, 249 и слѣд.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже, безъ Боярина.

Заруцкій.

Ну что?

Потемкинъ, *тихо, улыбаясь.*

Подвохъ.

Заруцкій, Трубецкой и Толстой.

Подвохъ!

Потемкинъ.

Ну да какъ же, чему же другому и быть. — Оно ясно. Вѣдь Госѣвскій зналъ, что бояринъ пойдетъ въ станъ; онъ его и выбралъ. — А подъ руку его, коли у насъ подписались, такъ и тамъ подпишутся.

Заруцкій.

Ай да Гонсѣвскій—молодецъ! И себя и насъ отъ врага свобождаетъ.

Толстой.

Подвохъ, что подвохъ, — это такъ; да не въ томъ сила; а дѣло въ томъ, что съ Ляпуновымъ справиться теперь можно.

Потемкинъ.

Мѣшкать нечего; а то кто-нибудь, пожалуй, еще изъ Москвы прибѣжитъ, и дѣло на свѣжую воду выведетъ.

Трубецкой.

Что и говорить.

слѣдовало двумя отдѣльными колоннами для облегченія въ продовольствіи; предосторожности были строго соблюдаемы: казачьи разъѣзды посылались во всѣ стороны для собиранія свѣдѣній. Захватываемые ими плѣнные подтверждали, что дѣйствительно ханъ съ большими силами находится въ отсутствіи. Это обстоятельство заставляло ускорить движеніе русской арміи, которая могла подступить къ Крыму, какъ полагали, врасплохъ, и можетъ быть по этому самому отмѣнено было первоначальное предположеніе овладѣть Асланъ-и Кизи-Кирменемъ. Къ первому изъ этихъ укрѣпленій направленъ былъ отрядъ, скорѣе, кажется, для рекогносцировки, чѣмъ для овладѣнія имъ. Но замѣтя сильную партію Татаръ, слѣдовавшую къ Перекопу, армія наша пошла далѣе,—все еще, по видимому, питая надежду неожиданно явиться подъ Перекопомъ.

Надежда эта и дѣйствительно могла бы исполниться, еслибъ старинныя наши рати были удобоподвижнѣе; но слѣдуя по пяти, много десяти верстъ въ день, трудно было налетѣть врасплохъ на Крымцевъ; уже мелкіе ихъ отряды стали кружиться вокругъ нашей арміи, не нанося ей конечно вреда, но доказывая, что слѣдованіе ея открыто. При движеніи передоваго полка чрезъ такъ-называемую Зеленую Долину 15-го мая, довольно сильная партія Татаръ неожиданно и стремительно ударила на него и произвела минутное замѣшательство. Нападеніе это было само по себѣ ничтожно, но тотъ, кто знакомъ съ духомъ непріятеля подобнаго Крымцамъ, угадалъ бы, что гдѣ нибудь недалеко, позади этой малой шайки, слѣдуютъ большія силы. И точно, не успѣла улечься пыль послѣ разсыпавшихся по степи Татаръ, какъ съ другой стороны поднялось облако пыли и показались страшныя массы непріятеля: это былъ самъ Селимъ-Гирей; получивъ извѣстіе о движеніи Русскихъ, онъ безъ отдыха, безъ усталости, прилетѣлъ съ пятьюдесятью тысячами лучшихъ своихъ наѣздниковъ изъ глубины Бессарабіи.

Съ этой минуты Русскіе, хотя и не встрѣчали рѣшительнаго отпора, но не могли ступить шага безъ того, чтобъ не слышать дикаго гиканья Татаръ. При переправѣ чрезъ Черную Долину (въ сорока пяти верстахъ отъ Перекопа) Татары въ большихъ силахъ и съ оже-

---

Имп. Общ. 1838.—Engel. 289.—Tageb. d. G. Gordon, 254.—Акты Археогр. Эксп. т. IV № 300.

сточеніемъ кинулись на передовой полкъ. Шеинъ, командовавшій имъ, остановился, сдвинулъ повозки, оградился рогатками и далъ отпоръ. Тогда Татары обратились на Сѣвскій разрядъ (правая рука), предводимый Неплюевымъ, и на казаковъ. Неплюевъ выдержалъ нападеніе и отбилъ его, но казаки замѣшались, потеряли нѣсколько орудій, и только сердюки (гетманская стража), подоспѣвшіе имъ на помощь, предупредили дальнѣйшій безпорядокъ.

Послѣ этой ошибки Татары удалились въ Перекопъ, который былъ наскоро укрѣпленъ, сожгли его предмѣстія и приготовились твердо удерживать этотъ входъ въ свой полуостровъ. Русская армія наконецъ достигла его и расположилась. Станъ нашъ занималъ обширное пространство, примыкая правымъ флангомъ къ морю, и имѣлъ позади себя небольшую рѣчку, на ту пору пересохшую.

Голицынъ счелъ болѣе выгоднымъ штурмовать Перекопъ, нежели добывать его осадою. Къ этому и дѣйствительно было много причинъ: и незначительныя оборонительныя средства укрѣпленія, и затруднительность продовольствовать нашу кавалерію (не иначе какъ фуражировками), и опасеніе насчетъ провіанта въ этихъ мѣстахъ, пустынныхъ, лишенныхъ всякихъ жизненныхъ потребностей. Рѣшеніе Голицына было слѣдовательно весьма благоразумно и тѣмъ болѣе замѣчательно, чѣмъ менѣе подобныя быстрыя дѣйствія были въ обычаяхъ старинной русской тактики. Узнавъ о намѣреніи главнокомандующаго нашего, ханъ послалъ къ нему гонца съ мирными предложеніями. Голицынъ имѣлъ неосторожность согласиться на переговоры; онъ, съ своей стороны, послалъ въ Перекопъ свои условія; начались переговоры; гонцы слѣдовали за гонцами, время уходило, и въ русскомъ лагерѣ сталъ оказываться недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ, появились болѣзни, послышался ропотъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ханъ становился все менѣе сговорчивымъ, и наконецъ объявилъ, что онъ не иначе намѣренъ договариваться, какъ съ тѣмъ, чтобы мы заплатили ему дань за прошедшіе года. Обманъ Татаръ и ошибка Голицына обнаружились, но поправлять ее уже не было возможности, потому что съ одной стороны Перекопъ былъ приведенъ въ хорошее оборонительное положеніе и огромныя толпы защитниковъ успѣли собраться въ немъ, а съ другой недостатки ослабили русскую армію и распространили въ ней ропотъ и неудовольствіе. Не оставалось болѣе ничего, какъ отступить во второй разъ—во второй разъ претерпѣть стыдъ неудачи.

3-й.

Всѣмъ взялъ: и ростомъ, и видомъ, и голосомъ, и рѣчами.

4-й.

Бьется ли, говоритъ ли, на коня ли сядетъ, такъ ли пройдетъ, — ну красота да и только.

3-й.

На коня садится, конь подъ нимъ веселится. По улицѣ ѣдетъ, вся улица смотритъ.

2-й.

Есть и у такого человѣка враги и завистники.

1-й.

Вѣдь вотъ, кажись, онъ всѣхъ усовѣстилъ.

3-й.

Усовѣстишь Ивана Мартыновича.

4-й.

Да и Дмитрій Тимоѳеевичь себѣ на умѣ.

3-й, *помолчавъ.*

Ну что, братцы, когда же приступъ?

4-й.

Да не слыхать.

1-й.

Ждутъ какихъ-то пословъ.

Подробности эти до такой степени странны и невѣроятны, что не заслуживаютъ серіознаго опроверженія, и наводятъ подозрѣніе и на все обвиненіе въ измѣнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели «боченокъ золота» могъ быть такимъ сильнымъ соблазномъ для перваго сановника въ государствѣ, для человѣка, на котораго сыпались щедроты правительницы, и который, какъ мы видѣли, помогалъ жителямъ Чигирина изъ собственнаго кошелька?... Притомъ же взятіе Перекопа доставило бы ему больше отъ царевны, нежели сколько могъ заплатить ему ханъ за измѣну, не говоря о томъ, что въ одной чашкѣ вѣсовъ были для него слава, честь, а въ другой презрѣннѣйшее преступленіе! Но во времена грубости и невѣжества «измѣна» есть слишкомъ обыкновенное объясненіе неудачъ; еще въ эпоху, не такъ отдаленную отъ насъ, озлобленный неудачами народъ пятналъ подозрѣніемъ въ измѣнѣ одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ характеровъ; Голицынъ же, еще болѣе несчастливый, былъ обвиняемъ въ подкупѣ тогда когда онъ заставлялъ польшу подписать вѣчно славный для Россіи трактатъ 1686 года.

Какъ историческое лицо, Голицынъ имѣлъ странную и несчастную судьбу; онъ является предъ судомъ потомства безъ друзей, безъ кліентовъ, безъ заступниковъ: всѣхъ ихъ умчала и разметала буря, низвергшая царевну. Мѣсто Софіи и ея любимца заступили люди нерасположенные къ прежнему порядку дѣлъ, можетъ быть и имѣвшіе причины быть имъ недовольными; явились новые дѣлатели, совершены были новые, успѣшные, громкіе подвиги, и недавняя старина была забыта; а кто и помнилъ, тотъ, поддѣлываясь подъ новый духъ времени, старался ее забывать, или вспоминалъ, чтобъ пустить про нее клевету: таковъ былъ напримѣръ Желябужскій, нашедшій средство сказать ядовитое слово про Голицына, подписывающаго договоръ, которымъ возвращались отечеству области сѣверская и смоленская, Кіевъ и Запорожье.

Но каково бы ни было мнѣніе потомства о Голицынѣ, въ Москвѣ ожидала его гроза, уже готовая разразиться.

Царевна и теперь, какъ послѣ перваго похода, вознамѣрилась щедрою наградою и публичнымъ одобреніемъ обуздать выраженіе общаго неудовольствія; но на этомъ разъ она встрѣтила сильное сопротивленіе со стороны царя Петра. Ему было тогда уже

семнадцать лѣтъ, и какъ тѣломъ, такъ и духомъ онъ былъ близокъ къ полной возмужалости. Онъ былъ уже обвѣнчанъ съ Евдокіею Ѳедоровною Лопухиною, и ожидалъ въ непродолжительномъ времени и самъ сдѣлаться отцомъ; въ душѣ своей онъ глубоко сознавалъ величіе, и щедрою къ нему природою, и правами рожденія ему дарованное; онъ любилъ власть, и съ нетерпѣніемъ сносилъ зависимость отъ сестры, которую любить не научился ни изъ собственныхъ воспоминаній, ни изъ чувствъ къ ней окружавшихъ его лицъ. Молодой любимецъ его, Лефортъ, участвовавшій въ последнемъ походѣ (28), и имѣвшій довольно просвѣщенныя понятія о веденіи войны, конечно не въ блестящемъ видѣ представилъ ему, по возвращеніи, дѣйствія главнаго воеводы и войскъ посланныхъ царевной. И царь не скрывалъ своего неудовольствія; онъ не хотѣлъ согласиться на награды и похвалы, которыми правительница намѣревалась прикрыть вторую неудачу своего любимца и свою собственную, такъ что ей нужно было въ этотъ разъ употребить много просьбъ и ласкательствъ, чтобъ побѣдить сопротивленіе молодаго царя. Но наконецъ онъ согласился, и 27 іюля была обнародована похвальная грамота начальнику и участникамъ экспедиціи противъ Перекопа, и всѣ отъ перваго до послѣдняго щедро были награждены (29). Однакожь Петръ не согласился допустить къ себѣ тѣхъ изъ воеводъ, генераловъ и вообще начальствующихъ лицъ, которые по окончаніи похода возвратились въ Москву (30). Разрывъ между младшимъ царемъ и правительницею, бывшій и прежде этого не тайною для Москвы, сталъ теперь очевиднымъ.

Такое раздѣленіе верховной власти не могло долго существовать: или царевна должна была покориться Петру, или ему надлежало осудить себя на неопредѣленно-долгое политическое младенчество. Кто зналъ смѣлый нравъ и молодую, но уже твердую волю Петра, тотъ не могъ ожидать, чтобъ онъ добровольно подчинился сестрѣ своей; съ другой стороны, царевна такъ пламенно добивалась власти, что невозможно было предположить, чтобъ и она безъ сопротивленія выпустила ее изъ рукъ. Россія въ теченіи се-

(28) Tageb. d. G. Gordon, t II. 263.
(29) Полн. Собр. Зак. Т. III. № 1343.
(30) Tageb. d. G. Gordon, t. II 266.

ми лѣтъ ея правленія привыкла видѣть въ ней олицетвореніе правительства; изъ ея воли истекали и щедроты и наказанія; всѣ высшія должности въ государствѣ были замѣщены по ея избранію, слѣдовательно людьми ей преданными, или по крайней мѣрѣ связанными съ нею своими интересами.

Въ такихъ обстоятельствахъ затруднительно было положеніе царедворцевъ. Но затруднительнѣе всѣхъ было положеніе самой царевны. Уступить Петру не допускали ее ни страсть, ни привычка властвовать, а между тѣмъ она не могла не видѣть, что въ лицѣ этого юноши, пылкаго, смѣлаго, своеобычнаго и уже властолюбиваго, во многомъ на нее похожаго, возникаетъ сила, которая должна одолѣть ее. Его военныя игры, которыя, сказываютъ, она поощряла какъ безполезную трату времени, не могли болѣе казаться ей пустою забавою, когда не только Преображенское село, но и Семеновское едва вмѣщало всѣхъ его потѣшныхъ, и когда при этихъ стройныхъ, дисциплинированныхъ зачаткахъ пѣхотныхъ ратей, было приступлено къ образованію регулярной кавалеріи; когда подъ руководствомъ иностранныхъ офицеровъ воздвигались близь Москвы укрѣпленія, и молодой царь то защищалъ, то атаковалъ ихъ противъ своихъ учителей; когда наконецъ онъ началъ вводить новое образованіе войскъ и между стрѣлецкими полками (31). Конечно, царевна могла еще не угадывать и малой доли преобразованій, совершенныхъ послѣ въ Россіи Петромъ, но въ этихъ, постепенно развивавшихся и расширявшихся занятіяхъ нельзя было уже не видѣть системы, какого-то предначертаннаго плана. Конечно на эти нѣмецкія ухищренія недовѣрчиво и недружелюбно смотрѣло огромное большинство стариннаго боярства; но мы замѣчаемъ однакоже въ числѣ приближенныхъ Петра, въ это самое время, князя Бориса Алексѣевича Голицына, двоюроднаго брата царевнина любимца, князя Прозоровскаго, Стрѣшнева, Бутурлина, людей именитыхъ; знаемъ, что патріархъ былъ душевно преданъ вдовствующей царицѣ, да и Нарышкины были не всѣ истреблены въ въ 1682 году. Изъ этого съ полнымъ убѣжденіемъ должно заключить, что молодой царь хотя и продолжалъ жить въ подмосковныхъ селахъ своихъ, но пересталъ уже быть болѣе удаленнымъ, чѣмъ удалившимся отъ двора отрокомъ, и что въ эпоху окончанія вто-

---

(31) Дѣян. Пет. Вел. Голикова, т. I, 178 и слѣд.

раго крымскаго похода онъ сдѣлался властію, съ которою правительница принуждена была очень осмотрительно обращаться, властію, которая долженствовала возрастать съ каждымъ днемъ.

Тогда-то, повѣствуютъ современные лѣтописцы, родилась въ умѣ царевны мысль отдѣлаться отъ угрожавшей опасности братоубійствомъ.... Не смѣемъ отвергать этого почти всеобщаго свидѣтельства, неимѣя на то основательныхъ доказательствъ, но не рѣшаемся и признать безусловно преступленія, далеко не утвержденнаго внимательнымъ изслѣдованіемъ. Процессъ царевны и Шакловитаго еще не открытъ историческимъ изысканіямъ; въ официяльныхъ же, обнародованныхъ документахъ о покушеніи Шакловитаго, имени царевны не находимъ. Неимѣя слѣдовательно возможности изслѣдовать самаго, такъ сказать, дна истины, мы ограничимся краткимъ изложеніемъ послѣдующихъ событій; мы поступимъ такъ и потому еще, что нѣкоторыя обстоятельства, ихъ сопровождавшія, хотя и довольно единогласно современниками разказанныя, и подкрѣпленныя отчасти официяльными документами, оставляютъ однакожь много вопросовъ, на которые разрѣшенія не находимъ.

Несомнѣннымъ кажется то, что въ ночи на 8 августа Шакловитый, съ нѣсколькими сообщниками своими изъ стрѣльцовъ, покушался проникнуть въ Преображенское село, гдѣ находился Петръ съ своимъ семействомъ. Но царь былъ вö-время предупрежденъ и успѣлъ ускакать верхомъ отъ угрожавшей ему опасности, а потомъ укрылся въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, куда вскорѣ прибыли и семья царская и нѣкоторыя приближенныя ей лица.

Узнавъ о случившемся, Москва пришла въ ужасъ и недоумѣніе: чему, какому тайному побужденію приписать преступный замыслъ Шакловитаго? на чью сторону наклониться? на сторону ли вѣнчаннаго царя, Богомъ спасеннаго, невинно угрожаемаго, но почти одинокаго, едва неизгнанника, или на сторону царевны, запятнанной покровительствомъ человѣку, покушавшемуся на цареубійство, но раздавательницѣ милостей, облеченной властію карать, и при которой находился другой царь, равно вѣнчанный и старшій?... Недоумѣніе это было не продолжительно. Изъ среды преданнѣйшихъ доселѣ царевнѣ людей поданъ былъ сигналъ противъ нея. Полковникъ Циклеръ тайно доставилъ Петру доносъ

на Шакловитаго и черезъ нѣсколько дней самъ прибылъ къ царю (32). Изъ стрѣлецкаго войска Сухаревскій полкъ остался вѣренъ Петру, да и вообще много стрѣльцовъ,—обстоятельство довольно замѣчательное,—изъявляли желаніе послѣдовать за Циклеромъ, и были удержаны лишь угрозами Шакловитаго и страхомъ наказанія. Наконецъ смѣлыя, рѣшительныя дѣйствія Петра и смущеніе противной партіи дали окончательный толчокъ колебавшимся умамъ.

Петръ громко кликнулъ къ себѣ защитниковъ, откровенно и съ гнѣвомъ указывая на покушеніе противъ себя Шакловитаго, и на голосъ его начали мало по малу стекаться и московскіе люди, и жители окрестныхъ мѣстъ. Царевна напротивъ не обнаружила въ эти послѣдніе дни своего правленія ни малѣйшей доли той энергіи, которую обнаружила въ первые. Чему приписать это? Смущенію ли, почти всегда неизбѣжному въ неправомъ дѣлѣ, или вліянію той исторической судьбы, того зловѣщаго призрака, который какъ будто возникаетъ предъ очами правительствъ, обреченныхъ паденію, помрачаетъ самые свѣтлые умы, смущаетъ самые рѣшительные характеры, разрушаетъ въ прахъ самые обдуманные планы: явленіе, которое замѣчаемъ мы въ нашей исторіи при Годуновѣ, въ англійской при Карлѣ I, во французской при Лудовикѣ XVI?.. Какъ бы то ни было, дѣйствія царевны представляются намъ въ эти минуты безсвязными, нерѣшительными, противорѣчащими одно другому.

Сказано выше, что Шакловитый угрозами и страхомъ наказанія удержалъ многихъ стрѣльцовъ отъ перехода на сторону Петра; но между тѣмъ къ нему былъ отправленъ для переговоровъ князь Троекуровъ, который кажется и не возвратился въ Москву. Петръ не принялъ ни объясненій, ни предложеній сестры своей, и отвѣчалъ на нихъ требованіемъ, чтобы къ нему явились выборные люди отъ стрѣлецкихъ полковъ. Въ отвѣтъ на это былъ отправленъ князь Прозоровскій съ духовникомъ старшаго царя просить примиренія; между тѣмъ распространяли слухъ, что не царь самъ, а злонамѣренные люди, пользуясь его именемъ, стараются поселить раздоръ въ семьѣ царской... Къ такимъ-то ничтожнымъ средствамъ прибѣгали царевнины совѣтники въ эти рѣшительныя минуты! Между тѣмъ время шло и работало за Петра.

(32) Tageb. d. G. Gordon. t II, 267.

Софія, все еще не теряя повидимому надежды на силу убѣжденій, уговорила тетку свою, царевну Татіану Михайловну, и сестеръ Маѳу и Марію Алексѣевнъ отправиться къ Троицѣ; но онѣ, вѣроятно увѣрившись въ правотѣ негодованія Петрова, не возвратились болѣе въ Москву (33); также поступилъ и патріархъ.

По мѣрѣ успѣховъ своихъ, Петръ становился настойчивѣе и наконецъ потребовалъ, чтобъ Шакловитый, Медвѣдевъ и ихъ сообщники были ему выданы. Это требованіе взволновало пылкій духъ Софіи, и она приказала казнить гонца, привезшаго это требованіе. Но скоро однакожь передумала. Это было 1-го сентября, въ день празднованія новаго года. По этому поводу много людей всякаго званія собралось во дворецъ. Царевна вышла къ нимъ, милостиво ихъ привѣтствовала и сказала, что люди злонамѣренные ссорятъ ее и царя Іоанна съ меньшимъ братомъ, стараясь въ то же время очернить въ глазахъ сего послѣдняго полезныхъ отечеству людей; что желая разъяснить недоумѣніе, она сама ѣздила къ брату, но не была допущена (34), что семь лѣтъ она правила государствомъ при трудныхъ обстоятельствахъ и успѣла усмирить враговъ Св. Креста, съ другими же сосѣдями заключить славный для Россіи миръ, и наконецъ обѣщала милость свою тѣмъ, кто останется ей вѣренъ, и жестокое наказаніе ослушникамъ. Царевна говорила прекрасно, замѣчаетъ Гордонъ (35); но что̀ значатъ слова въ подобныхъ обстоятельствахъ, прибавимъ мы! Не дальше какъ на другой день весь полкъ Гордона оставилъ Москву.

Это былъ первый полкъ, въ полномъ составѣ передавшійся Петру: обстоятельство это замѣчательно; остановимся на немъ.

Еще 2-го сентября, пишетъ тотъ же Гордонъ, нѣсколько человѣкъ изъ Нѣмецкой-Слободы отправились къ Троицѣ. Кто были эти нѣсколько человѣкъ? Стрѣльцы? солдаты? не думаемъ, потому что такъ было бы конечно и сказано. Вѣроятнѣе кажется намъ, что это были сами жители Нѣмецкой Слободы, то есть Нѣмцы

---

(33) Дѣян. Пет. Вел., Голикова, т. I. 215.

(34) Голиковъ говоритъ, т I, 217: Троерукову приказано было сказать ей, чтобъ она возвратилась, или въ противномъ случаѣ съ нею «будетъ поступлено нечестно».

(35) Tageb. d. G. Gordon, II, 271.

или вообще иностранцы. Мы допускаемъ это предположеніе и потому еще соображенію, что Гордонъ поручилъ имъ извиниться за себя предъ царемъ и объяснить, что онъ не знаетъ, угодно ли будетъ государю его прибытіе. Подобное порученіе можно передавать только чрезъ людей очень близкихъ, каковы иноземцы между собою на чужбинѣ.

Сближая съ этимъ то обстоятельство, что изъ числа стрѣлецкихъ полковниковъ первый вступилъ въ сношенія съ Петромъ Циклеръ, тоже иностранецъ, и наконецъ, что по совершеніи уже казни надъ измѣнниками, иностранцы были особо допущены цѣловать руку царя (36), сближая, говоримъ, и соображая все это, мы приходимъ къ двумъ заключеніямъ: во первыхъ, что иноземное народонаселеніе Москвы и число иностранныхъ офицеровъ въ нашихъ войскахъ было вообще предано Петру, что̀ и весьма естественно, если припомнимъ милости его къ Лефорту и Тиммерману, и упоминаемыя нѣкоторыми иностранными писателями, частыя его посѣщенія Нѣмецкой-Слободы. Во вторыхъ, мы заключаемъ, что въ это время иноземный элементъ былъ въ Москвѣ далеко не ничтоженъ. Въ самомъ дѣлѣ, еще царь Алексѣй набиралъ за границею офицеровъ; бояринъ Матвеевъ, какъ мы видѣли, ласкалъ иностранцевъ; правительство царевны имъ покровительствовало. Такимъ образомъ Нѣмецкая-Слобода населялась и обогащалась торговлею и промышленностію, которыя многими отраслями своими находились исключительно въ рукахъ иностранцевъ. Шлейссингъ, издавшій свою книгу (37) въ 1693 году, и слѣдовательно писавшій ее въ эпоху, которою мы занимаемся, упоминаетъ о двухъ прекрасныхъ аптекахъ, содержимыхъ Нѣмцами, и о значительномъ числѣ иноземныхъ медиковъ, изъ коихъ нѣкоторые пользовались большою репутаціею (какъ напримѣръ Блументростъ); а какъ Петръ не только покровительствовалъ, подобно своимъ предшественникамъ, но и лично ласкалъ иноземцевъ, то не мудрено, что съ одной стороны они поспѣшили передаться ему, а съ другой, что ихъ примѣръ имѣлъ не маловажное вліяніе и на Москву въ подобныхъ обстоятельствахъ, и на самое теченіе дѣлъ, ибо переходъ цѣлаго полка, которымъ командовалъ притомъ гене-

(36) Tageb. d. G. Gordon, II, 278.

(37) Die beiden Zaaren, 25.

ралъ, отличенный правительствомъ царевны, и доносъ, поданный однимъ изъ полковниковъ стрѣлецкаго войска, нѣкогда главной опоры этого правительства, суть обстоятельства значительныя, которыя въ минуту шаткости и колебанія умовъ должны были сильно подѣйствовать въ пользу Петра и противъ царевны.

Въ самомъ дѣлѣ, съ этой минуты дѣло прежняго правительства можно считать проиграннымъ. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, продолжавшій и въ эти минуты сохранять родственныя связи съ княземъ Василіемъ, убѣждалъ его не медлить принесеніемъ покорности; Петръ требовалъ къ отвѣту Шакловитаго. Нѣсколько дней тому назадъ царевна на подобное требованіе отвѣчала угрозами, теперь она смутилась; старшій царь объявилъ, что онъ поддерживать ее противу брата не станетъ; окружающіе молили ее не раздражать Петра (такъ какъ нѣкогда они убѣждали царицу Наталью Кириловну выдать Ивана Нарышкина), и судьба Шакловитаго,—злодѣя, положимъ, но преданнаго, но вѣрнаго царевнѣ,—была рѣшена: онъ былъ выданъ на очевидную смерть. Какого еще доказательства смиренія можно было ожидать? и кто изъ преданныхъ прежнему правительству людей могъ послѣ этого считать себя безопаснымъ? Не думая болѣе искать покровительства у царевны, такъ очевидно сознавшей свое безсиліе, лучшіе слуги ея, воеводы крымской арміи, еще недавно публично осыпанные похвалами и милостями, Неплюевъ, Зміевъ, Косоговъ, участникъ славнаго договора съ Польшею, Украинцевъ, и наконецъ самъ Голицынъ, рѣшились отправиться въ Троицкій монастырь по приказанію молодаго царя, котораго преобладаніе надъ сестрою не оставляло болѣе и тѣни сомнѣнія. Правленіе ея, можно сказать, кончилось.

Два дня жилъ могущественный любимецъ Софіи въ слободѣ монастырской, ожидая приговора и возлагая всю надежду на заступленіе и ходатайство своего двоюроднаго брата, человѣка близкаго царю Петру, князя Бориса Алексѣевича. 9-го сентября, вечеромъ, его и другихъ прибывшихъ съ нимъ воеводъ потребовали въ монастырь. Они пришли пѣшкомъ съ поникшими главами; въ тѣсной избѣ (кельи?), куда Голицынъ вступилъ, и которая была полна народа, ему приходилось проталкиваться, говоритъ Гордонъ; на него уже никто не обращалъ вниманія, никто не хотѣлъ замѣчать его, а если кто и замѣчалъ, то развѣ для того, чтобъ

оскорбить словомъ или хоть взоромъ. Наконецъ было прочтено царское рѣшеніе: за то что они, то есть князь Василій и его сынъ Алексѣй, докладывали царевнѣ «о всякихъ дѣлѣхъ мимо ихъ», и писали имя ея обще съ именами государей, да за неудачу похода противъ Татаръ, оба они, отецъ и сынъ, лишены были боярскаго сана и приговорены къ ссылкѣ; имѣніе же ихъ отбиралось въ казну. Къ такому же наказанію приговоренъ былъ Неплюевъ. Зміевъ ссылался на вѣчное житье въ свое костромское имѣніе, Косоговъ и Украинцевъ были освобождены отъ всякаго взысканія (38).

Не зная въ подробности, что̀ было раскрыто въ дѣлѣ Шакловитаго, не можемъ сказать, въ какой мѣрѣ всѣ лица, подвергшіяся наказаніямъ, и въ чемъ именно, были найдены виновными: вышеприведенныя же обвиненія не довольно опредѣленны. Но приближенныя къ Петру лица были недовольны слишкомъ снисходительнымъ приговоръ Голицына; говорили, что братъ его, князь Борисъ, скрылъ часть его преступленій, и сей послѣдній едва не лишился милости царской (39). Поспѣшимъ однакожь прибавить, что онъ успѣлъ безъ труда оправдаться въ глазахъ царя, и не усомнился пріѣхать утѣшать пораженнаго несчастіемъ своего родственника, котораго онъ даже провожалъ нѣсколько верстъ, по дорогѣ въ Москву къ великому соблазну новыхъ приверженцевъ возникавшаго правительства: черта великаго благородства, дѣлающая столько же чести самому князю, сколько и царю, который не оскорбился его участіемъ къ любимцу царевны.

11-го числа казнены Шакловитый и многіе изъ его сообщниковъ; другіе сосланы въ сибирскіе города на вѣчное житье (40). И долго еще—даже въ слѣдующемъ году — грозные указы, поражавшіе лица, болѣе или менѣе замѣшанныя въ соучастіи съ Шакловитымъ, поддерживали въ народѣ пугливое о немъ воспоминаніе!...

Чрезъ нѣсколько времени послѣ казни Шакловитаго былъ привезенъ въ Троицкій монастырь и казненъ смертію поиманный въ Смоленской области монахъ Селиверстъ Медвѣдевъ, записки коего намъ бывали часто полезны при изученіи описываемой эпо-

(38) Полн. Собр. Зак. Т III, № 1348.
(39) Tageb. d. G. Gordon, II. 278.
(40) Полн. Собр. Зак. Т. III. № 1349.

хи, «чернецъ великаго ума и остроты», какъ выразился о немъ одинъ изъ современниковъ, человѣкъ непріязненной ему партіи.

Наконецъ очередь дошла и до самой царевны: 7-го сентября послѣдовалъ указъ (41) объ исключеніи ея имени изъ царскаго титула. Она была отстранена отъ изъ участія въ правленіи и наконецъ удалена въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ въ послѣдствіи приняла чинъ инокини подъ именемъ сестры Сусанны и послѣ пяти лѣтъ унылаго заключенія скончалась, какъ гласитъ надпись на ея гробницѣ, сорока шести лѣтъ, девяти мѣсяцевъ и шестнадцати дней отъ рожденія, 4-го іюля 1704 года.

Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ полтораста лѣтъ; далеко ушла съ того времени Россія на поприщѣ и гражданскаго устройства и просвѣщенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ почувствована была потребность отдать себѣ отчетъ во всемъ совершившемся; судьбы отечества сдѣлались предметомъ горячаго изученія сначала небольшаго числа избранныхъ людей, потомъ и всего образованнаго большинства въ Россіи. Преобразованіе, совершенное Петромъ, плодовитыя царствованія Іоанновъ, смутное время самозванцевъ, тяжкое иго Татаръ, темныя годины распрей удѣльныхъ, отдаленнѣйшая древность нашего отечества, домашній бытъ нашихъ предковъ, судьбы дикихъ и давно изчезнувшихъ племенъ, соприкасавшихся съ народомъ Русскимъ,—подвергались изученію внимательному, глубокому, терпѣливому; но о семи годахъ правленія царевны Софіи упоминалось только вскользь, мимоходомъ, въ учебникахъ; отдѣльнаго же изученія ихъ никто не предпринималъ до сего времени.

Это образовало пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ нашихъ историческихъ понятіяхъ. Царствованіе Петра представляется намъ безъ всякой почти связи съ предшествующими; мы слишкомъ буквально пріучились понимать слова: Петръ создалъ Россію. Петръ произвелъ въ ней огромную реформу,—переворотъ, готовы мы сказать, государственный и общественный; но въ исторіи нѣтъ скачковъ и перерывовъ, и

---

(41) Полн. Собр. Зак. Т. III. № 1347.

при внимательномъ изученіи предшествующей Петровымъ преобразованіямъ эпохи, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи самаго царствованія Петрова, безъ всякаго сомнѣнія откроется связь, соединяющая такъ называемую древнюю, до-петровскую Русь съ Россіей новою, европейскою.

Укажемъ напримѣръ на мѣстничество, истребленное за нѣсколько лѣтъ до воцаренія Петра: не было ли *соборное дѣяніе* царя Ѳеодора явнымъ переходомъ отъ понятій о старшинствѣ родовъ къ понятію о старшинствѣ чиновъ, отъ заслуги рода къ заслугѣ лица? Да и не видали ли мы во время крымскаго похода, при царевнѣ, въ числѣ воеводъ, вслѣдъ за Шеинымъ и Долгоруковымъ, Леонтьева, человѣка хотя и родовитаго, но принадлежавшаго къ роду, въ то время захудалому? Петръ, говорятъ, первый открылъ доступъ иностранцамъ: мы думаемъ, что онъ только шире своихъ предшественниковъ открылъ иностранцамъ двери въ Россію, настойчивѣе вызывалъ ихъ, но мы видѣли выше, что и прежнія правительства не были имъ враждебны, а царевна имъ покровительствовала даже въ отношеніи къ ихъ вѣроисповѣданіямъ. Прибавимъ къ этому, что Петръ пріобрѣлъ три нѣмецкія провинціи, которыя разумѣется значительно усилили нѣмецкій элементъ, существовавшій, какъ было замѣчено, и прежде въ нашемъ войскѣ. Петръ конечно болѣе прежнихъ царей ласкалъ иноземцевъ, сближался съ ними, быстро возвышалъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ считалъ достойными (не всегда однакожь справедливо, какъ напримѣръ дюка де-Кроа); но мы не думаемъ отвергать мысли, что онъ далеко опередилъ своихъ предшественниковъ: мы только говоримъ, что онъ во многомъ нашелъ болѣе или менѣе явные начатки нововведеній.

Не менѣе ощутительна связь древней Россіи съ новою и въ отношеніи къ внѣшней политикѣ. И царь Іоаннъ IV и Годуновъ стремились къ Балтійскому морю, къ стариннымъ вотчинамъ своимъ: Юрьеву, Копорью, Ижерской землѣ. Царь Алексѣй, не успѣвъ въ войнѣ со Шведами, сдѣлалъ первый шагъ къ югу пріобрѣтеніемъ Украйны. Царевна укрѣпила за собою Запорожье, то есть устья Днѣпра и привела Россію въ соприкосновеніе съ Чернымъ моремъ, къ которому она и устремилась, какъ мы видѣли, всѣми силами. Преобладаніе Россіи надъ Польшею началось Андрусовскимъ миромъ и сильно утвердилось договоромъ

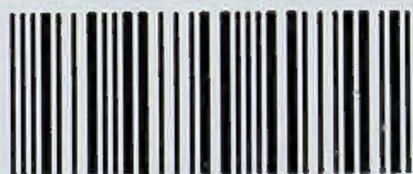
1686 года. Наконецъ первая наша наступательная война противъ Турціи, также какъ первый обширный европейскій союзъ, суть явленія, относящіяся къ эпохѣ правленія Софіи. Конечно Петръ въ долгое царствованіе свое далеко оставилъ за собою слабыя и часто неуспѣшныя попытки прежнихъ правленій, — но эти попытки были: вотъ на что̀ стараемся мы указать, не думая тѣмъ умалить заслугъ великаго государя, но отстаивая исторію нашу отъ довольно общаго повѣрья о нелогичности ея теченія, отъ обвиненія въ скачкахъ.

Повѣрью этому дали, кажется намъ, поводъ общественныя преобразованія, введенныя Петромъ. Женщина введена была въ жизнь общественную... Этотъ радикальный глубокій переворотъ сильно поразилъ умы иностранныхъ писателей, говорившихъ о нашей исторіи, равно какъ поразила ихъ внѣшняя сторона нововведеній Петровыхъ: европейскій костюмъ, наружная обстановка общественной жизни. Да и сами мы, видя на стѣнахъ нашихъ дворцовъ, архивовъ, библіотекъ, портреты предковъ нашихъ, изображенныхъ столь различно въ эпохи столь между собою близкія: однихъ въ полуазіятскихъ костюмахъ съ бородами, другихъ въ парикахъ и орденскихъ лентахъ, — мы сами допускаемъ воображенію нашему представлять слишкомъ рѣзкимъ различіе внутреннее, существовавшее между Петровскою эпохою и эпохою предшествовавшею. Только одно внимательное, добросовѣстное, безпристрастное изученіе той и другой можетъ намъ дать о нихъ вѣрное понятіе и поставить на истинную точку зрѣнія какъ правленіе Петра, такъ и правленія, ему предшествовавшія, его породившія, и возстановить въ наукѣ связь, существующую въ дѣйствительности между древнею и новою Россіею.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ:

Стран.			*Напечатано:*	*Должно читать:*
79.	въ выноскѣ	25	вм. П. С. З. читай	Пол. Соб. Зак.
101	—	65	— В.	Росс.
104	—	68	Полное Ообраніе Зеконовъ	Пол. Соб. Зак.
109	—	4	Письмо Чемод. въ Истор. описан. вооруж. и одеждъ и пр.	Др. р. Вивл. Т. IV. 192 письмо стольника Чемоданова.

2007050408